

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ПРИАМУРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА»

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

КАЛЛАУР ВАЛЕНТИНА СЕРГЕЕВНА

**КОНЦЕПТ «ЗАСТОЛЬЕ» В РУССКОЙ И КОРЕЙСКОЙ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА**

Специальность 10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Трофимова Е.Б.

Биробиджан – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. КОНЦЕПТ КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ.....	16
1.1. Когнитивная лингвистика и ее развитие в системе междисциплинарного знания.....	16
1.2. Концепт как объект научного исследования.....	23
<i>1.2.1. Понятие «концепт» в соотношении с языком, мышлением и культурой.....</i>	<i>23</i>
<i>1.2.2. Проблема разграничения терминов «концепт» и «понятие».....</i>	<i>32</i>
<i>1.2.3. Структура концепта.....</i>	<i>35</i>
<i>1.2.4. Классификация концептов.....</i>	<i>37</i>
<i>1.2.5. Когнитивный и лингвокультурологический подходы к исследованию концепта.....</i>	<i>39</i>
<i>1.2.6. Концептосфера и ее отражение в семантическом пространстве языка.....</i>	<i>42</i>
1.3. Языковая картина мира в системе лингвистического знания.....	46
<i>1.3.1. Связь картины мира и познания действительности.....</i>	<i>46</i>
<i>1.3.2. Языковая картина мира и ее национально-специфический характер.....</i>	<i>51</i>
1.4. Методы исследования языковой картины мира и ее составляющих..	55
Выводы по главе 1	63
ГЛАВА 2. КОНЦЕПТ «ЗАСТОЛЬЕ» В РУССКОЙ И КОРЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА И КОРПУСНОГО АНАЛИЗА	65
2.1. Феномен застолья в языке и культуре.....	65
2.2. Методика проведения ассоциативных экспериментов, описание, интерпретация и сравнительный анализ полученных результатов.....	73
<i>2.2.1. Концепт «застолье» в прямом ассоциативном эксперименте; интерпретация результатов эксперимента в рамках русской и корейской языковых картин мира.....</i>	<i>75</i>

<i>2.2.2. Концепт «застолье» в направленном ассоциативном эксперименте; интерпретация результатов эксперимента в русской и корейской языковых картин мира</i>	88
2.3. Представление национальных праздников через сценарий «застолье» в русской и корейской языковых картинах мира	101
2.4. Концепт «застолье» в репрезентации национальных корпусов русского и корейского языков	126
Выводы по главе 2	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	139
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	144

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено рассмотрению фрагмента национальной картины мира в русском и корейском языках как значимой части национальной культуры и языковой картины мира.

Проблема языка как формы и среды жизнедеятельности человека на современном этапе развития лингвистической науки остается недостаточно изученной и потому является актуальной до настоящего времени. Любое исследование дискурса в конкретной среде человеческой деятельности позволяет открыть новое в уже известных и изученных языковых явлениях.

Выявить особенности национальной картины мира помогает использование универсального феномена – концепта, который представляет собой ментальный образ, воплощенный в языке. Концепты это базовые единицы мыслительного кода человека и составляют концептосферу этноса [Лихачев 1993]. Концепт и концептосфера изучаются в рамках исследования когнитивной лингвистики (Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др), лингвокультурологии (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, В. В. Красных и др.), психолингвистики (А. А. Залевская, Н. В. Уфимцева и др.). В основе мировидения каждого народа лежит своя система социальных стереотипов, предметных значений, характерных для данного этноса. Эта система связывает людей при помощи национального языка и культуры в одну этническую общность, акцентирует внимание на способах отражения мыслительных категорий в языке.

Моделированию концептов языковыми средствами посвящено многочисленное количество исследований. В последнее время были изучены ключевые концепты: ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, ДОБРО, ЗЛО, ЛЮБОВЬ, УМ и многие другие.

Восточные лингвокультуры представляют колоссальный интерес в силу их уникальности, самобытности, непохожести на европейские; и если по китайской

и японской концептологии исследования проводятся с достаточной долей регулярности, то исследования в области корейской – фрагментарны и единичны.

Между русской и корейской языковыми картинами мира, бесспорно, имеются различия, и, конечно, имеются определенные сложности в представлении чужой картины мира. Выявление сходства и различия между этими картинами мира способствует улучшению межкультурного общения. Лингвокультурологическое исследование фонда русского и корейского языков даёт возможность определить общее и уникальное в двух языковых системах.

Особенность корейской лингвокультуры заключается в ее разделении на два пласта: северную и южную. Несмотря на то, что раньше корейский Север и Юг были одним государством, в настоящее время между двумя государствами существуют существенные отличия, проявляющиеся как в культуре, так и в языке.

В последнее время на материале корейского языка проводились исследования таких концептов, как «СЧАСТЬЕ», «ВРАЖДА», «ЧЕЛОВЕК», «ЛИЧНОСТЬ», «ЖЕНЩИНА».

Концепт «ЗАСТОЛЬЕ» и «ЗАСТОЛЬНЫЙ РИТУАЛ» были исследованы в китайском языке в сопоставлении с русским по специальности «Сопоставительное языкознание» (Ма Яньли, 2003) [Ма Яньли, 2003] в русском языке – по специальности «Русский язык» [И. В. Чирич, 2004]. В своей работе «Лексика застолья в русской языковой картине мира» И. В. Чирич описала фрагмент русской языковой картины мира на материале Национального корпуса русского языка. В ее работе был исследован материал художественной литературы XIX – XX вв. Было выявлено, что основную составляющую русского застолья составляют такие атрибуты, как «еда», «гости», «угощение».

Диссертационная работа Ма Яньли посвящена исследованию китайского застольного ритуала в сопоставлении с русским. Исследование проводилось на материалах СМИ, фразеологизмов, а также анкетирования, проводимого с носителями китайского и русского языков. По результатам его исследования был сделан вывод, что прием пищи является базовым ритуалом как для китайской,

так и для русской языковых картин мира. Русский концепт «ЗАСТОЛЬНЫЙ РИТУАЛ» обладает меньшим количеством ассоциаций, чем китайский концепт.

Несмотря на то, что застолье и застольный ритуал исследовались в разных языках, до настоящего времени данный феномен не был исследован в русском и корейском языках по специальности 10.02.19 – Теория языка.

Как и корейская культура, корейское застолье является специфичной и при этом важной сферой человеческого бытия. Застолья в восточной и европейской лингвокультурах, несомненно, отличаются друг от друга. Исследование данного концепта на материале двух типологически не сходных друг с другом языков позволит рассмотреть корейскую и русскую лингвокультуры через призму такого специфичного феномена, как застолье. Будучи самобытным компонентом национальной культуры, концепт «ЗАСТОЛЬЕ» отражает жизненные устои русских и корейцев. Благодаря исследованию концепта «ЗАСТОЛЬЕ» можно более глубоко понять национальный характер этих народов представителями других этносов, что значимо для решения проблем теории и практики межкультурной коммуникации, в том числе в аспекте изучения корейцами русского языка и культуры, а русскими – корейского языка и культуры.

Настоящее исследование проводится в рамках лингвистического, лингвокогнитивного и психолингвистического подходов. Лингвистический подход реализуется путем извлечения данных, соотносимых с концептом «ЗАСТОЛЬЕ» с применением метода лексикографического описания, а также корпусного метода. Психолингвистический метод реализуется при верификации результатов лингвистического анализа путем проведения психолингвистических экспериментов. Использование лингвокогнитивного подхода позволит выявить когнитивные и психолингвистические компоненты отражения концепта «ЗАСТОЛЬЕ» / «잔치» в сознании носителей русского и корейского языков.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью описания фрагмента русской и корейской языковых картин мира на материале концепта «ЗАСТОЛЬЕ» с точки зрения когнитивной лингвистики и

психолингвистики, а также важностью описания русского и корейского языков с применением современных методов исследования, в том числе с использованием корпусной лингвистики. Кроме того, в силу своей специфичности и в то же время универсальности концепт «ЗАСТОЛЬЕ» требует детального лингвистического исследования его обычаев и обрядов. Выбор концепта обусловлен его значимостью на современном этапе развития не только для представителей определенной культуры, но и для мирового сообщества в целом. Застолье и застольный ритуал являются воплощением ценностей системы социума. Возрастающий интерес к восточным культурам, а также укрепляющиеся отношения между Россией и Кореей позволяют проводить исследования и сопоставления двух разных языковых систем, находить общие и отличительные черты.

Объектом исследования является концепт «ЗАСТОЛЬЕ» в русской и корейской языковых картинах мира.

Предметом исследования выступают средства выражения концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русском и корейском языках.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении средств выражения концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русской и корейской языковых картинах мира, раскрытии его форм, анализе данного явления как сложного ритуала, имеющего определенную структуру.

Цель исследования обусловила постановку и выполнение ряда **задач**:

- описать признаки исследуемого концепта по данным лексикографических источников;

- выявить языковые средства репрезентации концепта «ЗАСТОЛЬЕ» / «잔치» в языковом сознании носителей русского и корейского языков (на материале психолингвистических экспериментов);

- рассмотреть концепт «ЗАСТОЛЬЕ» в функциональном аспекте (на материале национальных корпусов русского и корейского языков);

- определить структуру концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русском и корейском языках (на материале построения сценария).

Гипотеза исследования состоит в том, что представления об определенном фрагменте мира отражаются в лингвокультурном концепте, имеющем различные способы вербализации в языке. Феномен застолья в любой лингвокультуре выполняет ряд функций:

- в застольном ритуале находят отражение важные коллективные ценности;
- в концепте «ЗАСТОЛЬЕ» реализуются две стороны человеческого бытия: материальное и нематериальное;

- концепт «ЗАСТОЛЬЕ» реализуется в сознании носителей языка и в коммуникативном процессе.

Все функции взаимосвязаны и обладают специфичностью для русской и корейской языковой картины мира и требуют комплексного изучения.

Предполагается, что существуют универсальные признаки рассматриваемого концепта в двух языках, обусловленные гастрономическим влиянием; этнокультурная специфика концепта «ЗАСТОЛЬЕ» обусловлена влиянием истории и традиций русского и корейского этносов.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов в области когнитивной лингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии (Дж. Лакофф, А. Вежбицкая, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, В. И. Карасик, Д. С. Лихачев, и др., а также следующие положения, нашедшие отражение в научной литературе:

- прием пищи является базовым ритуалом каждой культуры, он отражен в любом языке определенными языковыми элементами, которые составляют основное представление о данном процессе в лингвокультуре. Данный языковой материал может быть целостным комплексом и выступать в качестве предмета лингвистического анализа (А. К. Байбурин, Н. Б. Мечковская, И. А. Морозов).

- основная единица лингвокультурологического исследования – концепт, представляющий собой многоуровневую ментальную единицу,

детерминированную культурой и отмеченную в языке (Н. Д. Арутюнова, С. Г. Воркачев, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов);

- лингвокультурный концепт включает в себя понятийную, образную и ценностную составляющую при доминировании последней. Механизмом развития концепта является ассоциирование (Г. Г. Слышкин).

Материалом диссертационного исследования послужили данные, полученные в результате проведенных автором психолингвистических ассоциативных (свободного и направленного) экспериментов с носителями русской и корейской культур, а также данные словарей и Национальных Корпусов русского и корейского языков.

В период проведения исследования, с 2012 по 2019 г., автором были осуществлены поездки в Республику Корея (г. Сеул, г. Сокчхо, г. Сувон) с целью проведения анкетирования по теме диссертационного исследования с носителями корейского языка. В результате поездок в Республику Корея был собран практический материал, представляющий собой результаты проведенных психолингвистических экспериментов.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что при помощи корпусного анализа, психолингвистических экспериментов и разработки сценария концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русском и корейском языках было получено системное описание структуры исследуемого концепта в двух языках, а также были определены универсальные и специфические составляющие концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в сознании русских и корейцев. На материале лексикографических источников была описана семантическая плотность и межъязыковые и внутриязыковые дифференциальные составляющие концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русском и корейском языках.

Исследование русской и корейской языковых картин мира и рассмотрение сценария концепта «ЗАСТОЛЬЕ» позволили более полно представить русскую и корейскую лингвокультуры.

Теоретическая значимость исследования состоит в использовании полученных данных для более детального изучения русского и корейского

языков, динамической природы концептов на основе психолингвистического эксперимента, корпусного анализа, а также когнитивной интерпретации концепта «ЗАСТОЛЬЕ». В исследовании уточнен состав дифференциальных составляющих концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русской и корейской языковых картинах мира. Это способствует расширению представления о сфере и содержании языковой реализации исследуемого концепта и позволяет выявить сходства и различия в концептуализации мира, отраженной в русском и корейском языках.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования результатов проведенных экспериментов, а также положений и выводов диссертационного исследования при подготовке лекционных и практических материалов по лексикологии, теории межкультурной коммуникации, при выполнении курсовых и дипломных работ, а также в практике преподавания русского и корейского языков.

Методологическую основу диссертационного исследования составляет психолингвистический подход к исследованию языковой картины мира. При проведении исследования были применены следующие методы:

1) прием направленной выборки – при поиске материала на базе лингвистических корпусов корейского и русского языков, а также при отборе лексического материала из толковых словарей;

2) описательный метод и лексико-семантический анализ, применяющийся при сопоставлении семантических полей исследуемого концепта с целью выявления его ядра и периферии;

3) метод корпусного анализа, позволяющий представить наиболее объективное описание функционирования лексических единиц, объективирующих концепт;

4) сопоставительный метод, примененный для установления национально-культурной специфики русской и корейской языковых картин мира;

5) метод ассоциативного эксперимента, посредством которого были выявлены особенности функционирования концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в сознании носителей русского и корейского языков;

6) метод интроспекции при анализе проблем, связанных с концептуальным анализом.

Положения, выносимые на защиту:

1. Модель концепта «ЗАСТОЛЬЕ» включает в себя ядро и периферию: (1) в ядро концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русской языковой картине мира входят когнитивные признаки: «алкоголь», «еда», «веселье», «праздник»; периферию составили компоненты: «Новый год», «компания», «гости», «шутки», «радость», «танцы», «огурцы», «стол», «шум», «разговоры», «народ», «похмелье»; (2) в ядро корейского концепта «잔치» входят когнитивные признаки 음식 (еда), 술 (алкоголь), 선물 (подарок); в периферию – национальные праздники «Пэгильчанчхи» (백일잔치), «Тольчанчи» (돌잔치), «Хвангап» / «Хвегап» (환갑/회갑), а также лексемы «песня» (노래), «туалетная бумага» (휴지), «ресторан» (식당), «вечеринка» (파티), «шум» (퐁퐁), «цветы» (꽃), «новоселье» (집들이).

2. Универсальными чертами концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русском и корейском языках являются идентичные когнитивно-классификационные структуры, различия проявляются только на периферии. Специфика репрезентации концепта «ЗАСТОЛЬЕ» заключается в несовпадении ассоциаций, отражающих различия в представлениях периферии концепта в русском и корейском языках. (2) Периферию концепта «ЗАСТОЛЬЕ» \ 잔치 в русском и корейском языках составляют в основном разные когнитивные признаки; общее присутствует в ядре номинативного поля.

3. В русском и в корейском языках концепт «ЗАСТОЛЬЕ» представлен достаточно полно. В корейском языке данный концепт имеет более сложную структуру, выражающуюся в динамичном представлении сценария проведения застолья. Результаты исследования сценария в русском языке показали статичность в проведении застолья.

4. Специфика концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русском и корейском языках заключается в том, что концепт «ЗАСТОЛЬЕ» \ 잔치 в корееязычной лингвокультуре имеет более высокую номинативную плотность; семантика номинаций, входящих в номинативное поле концепта, репрезентирует национальные, специфичные черты (национальные праздники 백일잔치, 돌잔치, 회갑), тогда как в русском языке – специфичные, имеющие отношение исключительно к русской культуре (огурец, салаты).

5. Концепт «ЗАСТОЛЬЕ» является устойчивым феноменом как в русскоязычной, так и корееязычной лингвокультурах, что находит подтверждение в высокой номинативной плотности слов-репрезентантов концептов, несовпадении упоминаний в национальных корпусах русского и корейского языков.

6. Специфика лингвокультурологического поля «ЗАСТОЛЬЕ» в корейском и русском языках определяется взаимодействием двух начал: материального (еда, алкоголь) и нематериального (шум, радость, праздник). Следует отметить, непочтение традиций отразилось на слабом представлении нематериального в русской языковой картине мира.

Апробация работы. Материалы исследования апробированы в форме:

- доклада на Методологической конференции для магистрантов и аспирантов «Наука XXI века» (14 ноября 2012 г., г. Биробиджан);
- доклада на Международной научно-практической конференции «Хэйлунцзян – Приамурье» (14 сентября 2013 г.);

- доклада на Конкурсе научно-исследовательских работ молодых ученых, аспирантов, магистрантов на городском (ноябрь 2012 г.) и областном (февраль 2013 г.) уровнях (г. Биробиджан);
- доклада на IX Научно-практической конференции «Актуальные вопросы востоковедения» (июнь 2013 г., г. Хабаровск),
- доклада на Российско-корейском форуме «Пути повышения эффективности обмена знаниями» (ВГУЭС, г. Владивосток, 8 ноября 2013 г.).
- доклада на ежегодном конкурсе научно-исследовательских работ молодых ученых, аспирантов, магистрантов на городском (ноябрь 2013 г.) и областном (февраль 2014 г.) уровнях (г. Биробиджан);
- доклада на ежегодном конкурсе научно-исследовательских работ молодых ученых, аспирантов, магистрантов на городском (ноябрь 2014 г.) и областном (февраль 2015 г.) уровнях (г. Биробиджан);
- доклада на IV Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы теории и практики исследований в области филологии и журналистики» (2019 г., г. Биробиджан);

Основные положения и результаты исследования были также апробированы в ходе заочного участия:

- на IV Международной научно-практической конференции «Общетеоретические и типологические проблемы языкознания» при АГАО им. В. М. Шукшина (июнь 2015 г., г. Бийск);
- на V Международной научно-практической конференции «Новое слово в науке» (21 августа 2015 г., г. Чебоксары);
- на Международной заочной научно-практической конференции «Картина мира в системно-структурном и антропоцентрическом аспектах» (ноябрь 2015 г., - ноябрь 2019 г., г. Биробиджан);

По теме диссертационного исследования имеется 9 публикаций, среди них 4 статьи в изданиях, входящих в перечень ВАК:

- «Мир науки, культуры, образования» в разделе «Филология» (г. Горно-Алтайск, 2013. № 6(49));
- «Филологические науки: вопросы теории и практики» в разделе «Языкознание» (г. Тамбов, 2016, № 6 (60). Ч. 3);
- «Культура и цивилизация» в разделе «Теория и история культуры» (г. Ногинск, 2018.Т. 8. № 1);
- «Успехи гуманитарных наук» в разделе «Языкознание» (г. Белгород, 2019, № 10).

Одна статья опубликована в научном журнале, входящем в базы данных Scopus и Web of Science «The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences.2019».

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, включающего 201 источник, в том числе 30 источников на иностранных языках и 8 электронных источников.

Во Введении обосновывается выбор темы исследования, определяется ее актуальность, дается характеристика объекта, предмета исследования, целей и задач работы; описываются материал и методы исследования; обозначается теоретическая и практическая значимость диссертационной работы, а также формулируются положения, выносимые на защиту.

В Первой главе «Концепт как элемент языковой картины мира и подходы к его изучению», состоящей из четырех пунктов и восьми подпунктов, представлен анализ основных понятий, используемых при исследовании концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русском и корейском языках.

Во Второй главе «Концепт как элемент языковой картины мира и подходы к его изучению», которая состоит из четырех пунктов и двух подпунктов, дано подробное описание особенностей русской и корейской культур на материале концепта «ЗАСТОЛЬЕ», собранном в ходе психолингвистических ассоциативных экспериментов. Кроме того, для выявления ядерных и периферийных признаков исследуемого концепта

проводится анализ на основе лексикографических источников и данных лингвистических корпусов корейского и русского языков.

В Заключении подведены итоги проделанной работы в связи с реализацией поставленной цели и задач, сформулированы выводы по результатам диссертационного исследования, намечены перспективы дальнейшего исследования.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТ КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ

1.1 Когнитивная лингвистика и ее развитие в системе междисциплинарного знания

На данный момент в современной науке наблюдается тенденция к комплексному, интегрированному подходу в исследовании того или иного объекта. Язык как объект исследования также находится в фокусе внимания целого ряда отраслей научного знания: лингвистики, культурологии, психологии, философии и др. Кроме того, язык как способность человеческого сознания, психический феномен, продукт высшей нервной деятельности активно изучается естественными науками [Медведева 2009; Черниговская 2008].

Рассмотрение языка как средства и результата мыслительной, познавательной (когнитивной) деятельности человека и одновременно инструмента этой деятельности способствовало интеграции лингвистики в сферу когнитивной науки.

Когнитивистика – область науки, в которой в качестве объекта выступает человеческий разум, а также мышление и все ментальные процессы, связанные с ними. По мнению В. А. Масловой, это наука о восприятии и познании мира в процессе жизнедеятельности людей [Маслова 2005: 6]. В рамках когнитивистики человек рассматривается как система, которая получает, хранит, перерабатывает, интерпретирует и использует информацию для решения различных задач посредством физиологических процессов, происходящих в человеческом мозге, а поведение человека описывается и объясняется через понятия, раскрывающие его внутренние состояния.

Междисциплинарность когнитивной науки выражается в ее активном взаимодействии с разными отраслями знания: лингвистикой, философией, психологией, нейрофизиологией, теорией искусственного интеллекта и др. На стыке столь различных научных подходов к языку вполне закономерно

появились и начали активно развиваться новые направления лингвистики – в частности, когнитивная лингвистика, психолингвистика и др.

Каждое из этих направлений, хотя и по-разному, ищет объяснение языковым фактам и исследует язык как систему, причем если в генеративной лингвистике, берущей начало в трудах Н. Хомского, глубинные закономерности языка рассматриваются как следствие реализации и развития врожденной, естественной способности человека говорить на языке, то ряд других теорий исходит из того, что языковые явления могут быть объяснены неязыковой природой. Сторонники трактовки языковой деятельности как одного из элементов когниции, то есть познавательной деятельности человека (А. Вежбицкая, Р. Джекендофф, Дж. Лакофф, Р. Лангакер и др.) считают, что возможно говорить о языке только в связи с когнитивной деятельностью человека.

По мнению А. Вежбицкой, сущность естественного языка заключается в том, что он включает в себя психологическую и социальную реальность [Вежбицкая 1996: 23]. В 70-е годы XX века были разработаны так называемые «языки представления знаний» и правила концептуального вывода. Так как многочисленные исследования в области когнитивной науки проводились с целью построения моделей распознавания естественного языка, многие лингвисты наблюдали за этими процессами или даже в них участвовали, расширяя пространство когнитологии.

В центре внимания когнитивистики находятся «не просто наблюдаемые действия человека, а их ментальные репрезентации (внутренние представления, модели), символы, стратегии человека, которые и порождают действия на основе знаний» [Маслова 2005: 7]. Когнитивистика воспринимает человека как индивида, который при восприятии и производстве информации в своей мыслительной деятельности руководствуется схемами, планами, стратегиями [Маслова 2005: 8].

Формированию когнитивной лингвистики как особой отрасли языкознания послужило исследование того, как человек воспринимает и воспроизводит систему смыслов, возникающую в результате его деятельности.

Когнитивная лингвистика – активно развивающееся направление, во многом определяющее характер современной науки о языке. В связи с тем, что это направление является относительно новым, существует много спорных как теоретических, так и практических вопросов, обсуждение и решение которых требует особого внимания. Однако основополагающим принципом когнитивной лингвистики является положение о том, что язык – это обязательный «участник» познавательной деятельности человека, а также «вербальная сокровищница нации»; «язык создает реальность, в которой может жить человек» [Маслова 2004: 166].

Отправной точкой исследований в рамках когнитивной лингвистики является то, что данная отрасль исследует язык как механизм, который играет роль в преобразовании информации. Когнитивная лингвистика направлена на «обнаружение способов репрезентации знаний и способы их обработки» [Кубрякова 2004: 320].

«Краткий словарь когнитивных терминов» дает следующее определение когнитивной лингвистики: когнитивная лингвистика – это «направление лингвистики, занимающееся языком как общим когнитивным механизмом, а также когнитивным инструментом, играющим роль в кодировании и трансформации информации» [Кубрякова 1997: 150].

Одной из задач когнитивной лингвистики является изучение принципов и механизмов языковой коммуникации. Можно согласиться с мнением С. Г. Тер-Минасовой, которая утверждает, что коммуникация является обязательным условием выживания и развития человека [Тер-Минасова 2008: 90].

Как уже отмечалось, когнитивная лингвистика имеет немало точек пересечения с логикой, психологией, социологией, философией. Г. Г. Слышкин считает, что вопрос видов знания и средств их языкового представления очень

важен для когнитивной лингвистики; центральной в когнитивной лингвистике является категория знания [Слышкин 2000: 100].

Понять механизм реализации процессов восприятия, категоризации, классификации и постижения мира через их отражение в языке – цель когнитивной лингвистики.

Духовная и интеллектуальная жизнь человека немислима без языка; он является методом передачи информации и средством общения. Именно язык сделал человека «человеком разумным». Самым простым, элементарным образом язык дает возможность доступа к мыслительным процессам и сознанию; и совершается это не потому, что плоды человеческого мышления реализуются в форме речи, а потому, что «мы знаем о структурах сознания только благодаря языку, который позволяет сообщить об этих структурах и описать их на любом естественном языке» [Кубрякова 2003: 21]. Человек, овладевая новой информацией, сопоставляет ее с тем, что уже имеется в его мышлении и воссоздает новые значения.

В настоящее время, в рамках утвердившейся в лингвистике антропоцентрической парадигмы, язык рассматривается как звено в системе «человек – его язык – культура – коммуникация». Такой подход к анализу языка требует привлечения знаний из целого ряда научных дисциплин: философии, психологии, истории, культурологии.

Современная когнитивная лингвистика исследует когницию, которая в философской энциклопедии понимается как «получаемое человеком знание» [Философский энциклопедический словарь 1997: 301]. Термины «познание» и «когниция» не являются тождественными и взаимозаменяемыми. Когниция – это имеющееся у человека знание, а познание – это процесс приобретения им знаний. Опыт, знания передаются от человека к другим людям при помощи языка, то есть можно говорить о том, что когниция неразрывно связана с языком.

Когнитивная лингвистика оперирует такими понятиями, как «когниция», «категоризация», «концепт», «концептосфера», «языковая картина мира», «фрейм», «сценарий», «скрипт», «гештальт», «константы культуры» и др.

Концепт – центральное понятие когнитивной лингвистики.

По словам В. А. Звегинцева, язык служит «средством дискретизации знаний, их объективации и, наконец, интерпретации. Эти функции тесно взаимосвязаны» [Звегинцев 1996: 195]. Языковая картина мира – это специфичное мировоззрение в каждой этнокультурной общности, которое выражено языковыми средствами. Язык формирует возможности для упорядочения и систематизации в сознании людей многообразия информации и знаний для понимания своей особенной картины мира.

Следует отметить, что зарождение и становление когнитивной лингвистики как отдельной области знания с особыми исследовательскими целями и задачами, с собственным научным инструментарием традиционно связывают в первую очередь с трудами зарубежных лингвистов. В настоящее время данное направление активно развивается в отечественном языкознании, и вклад российских ученых в решение задач когнитивной лингвистики весьма значителен.

Т. Г. Скребцова отмечает, что на современном этапе в когнитивной лингвистике можно указать как на достоинства, так и на недостатки, которые заключаются прежде всего в отсутствии четкой методологической платформы, единой исследовательской программы, общего категориально-понятийного аппарата. При этом несомненным достоинством данного направления является наличие большого разнообразия в выборе подходов к анализу материала, в первую очередь проведение междисциплинарных исследований. С позиции когнитивной лингвистики «всё в языке важно и всё требует объяснения» [Скребцова 2011: 100] – тезис, который не может не вызвать симпатии у лингвиста «ex officio», в силу присущей ему (как и любому носителю языка) того, что Ю. Н. Караулов назвал «amor linguae» [Караулов 2011: 100].

Когнитивная лингвистика ставит во главу языковую реализацию различных ментальных процессов, их отражение средствами языка. Иными словами, когнитивная лингвистика исследует способы репрезентации, отражения знаний в языке. «Язык – составная часть культуры и ее орудие, это

действительность нашего духа, лик культуры; он выражает в обнаженном виде специфические черты национальной ментальности. Язык есть механизм, открывающий перед человеком область сознания» [Жинкин 1964: 26]. Подход к языку как к сущности, находящейся в тесной связи с окружающим миром, обществом, культурой, и понимание его как социокультурного феномена являются основополагающими в разработке таких понятий когнитивной лингвистики, как «концепт», «концептосфера», «языковая картина мира», «семантическое пространство языка».

Лингвистическая семантика – основной источник развития когнитивной лингвистики. «Сверхглубинная семантика» – так определяется в этом отношении когнитивная лингвистика. И рассматривать ее следует как естественное формирование семантических идей. Например, как попытку рассмотреть за категориями языковой семантики некоторые, более опосредованные категории, которые определяются как результат постижения мира человеческим сознанием. Например, Л. Талми предпринял попытку рассмотреть ряд концептуальных категорий, к которым сводятся разнообразные грамматические явления [Talmy 1975: 181].

Представители когнитивной семантики утверждают, что каждый язык обладает системой концептов. Эта система помогает носителям языка воспринимать, классифицировать и интерпретировать информацию, которая поступает из окружающего мира. Главной целью когнитивной семантики является описание структуры концепта. Такое описание невозможно без обращения к опыту говорящего, а это предполагает близость когнитивно-семантических теорий к некоторым разновидностям философии сознания – в частности, к тем концепциям, которые уделяют большое внимание телесно-ориентированному опыту человека.

Внутренняя логика когнитивного подхода подводит исследователей к необходимости синтеза результатов, получаемых в рамках точного, естественного и гуманитарного знания. Такое объединение представляется оправданным и обладающим несомненной научной ценностью.

На базе взаимодействия двух областей – когнитивной лингвистики и когнитивной психологии – в конце XX столетия зародилась психолингвистика, обогатившая языкознание новыми методами, опирающимися на изучение процессов порождения и восприятия речи носителями разных языков.

У психолингвистики и когнитивной лингвистики схожие проблемы – исследование общечеловеческих механизмов осваивания и пользования языком. Языковая личность, языковое сознание, соотношение мыслительных процессов и языковых структур, а также картина мира – эти феномены привлекают обе области знаний.

Следует отметить, что когнитивная психология, на базе которой сформировалась психолингвистика, представляет собой направление в психологии, изучающее ментальные состояния и ментальные процессы, которые характеризуют поведение человека, а также процессы, которые отличают его от других живых существ. В истории психологии как специальной дисциплины «когнитивная революция» произошла в середине прошлого века, явившись своего рода реакцией на бихевиоризм, который отрицал влияние внутренней организации психических процессов на сознание человека. Идеи бихевиористской психологии заключались в том, что выводы можно сделать на основе наблюдения за человеком [Мечковская 2007: 200]. По словам Р. Л. Солсо, «современная когнитивная психология заимствовала из общей психологии 10 основных объектов: ощущение, восприятие, внимание, память, мышление и решение задач, языковые функции, воля, представление, речь» [Солсо 2006: 381].

Таким образом, достижения в области логики, философии, психологии, физиологии и других отраслей знания подготовили почву для возникновения и развития когнитивистики – направления в науке, акцентирующего внимание на человеческом мышлении, разуме и ментальных процессах, связанных с ними. В силу того, что основная информация о самом процессе мышления и его результатах представлена в языке, мощное развитие получила одна из отраслей когнитивной науки – когнитивная лингвистика, основная проблематика которой связана с исследованием особых ментальных образований – концептов.

1.2 Концепт как объект научного исследования

1.2.1. Понятие «концепт» в соотношении с языком, мышлением и культурой

На протяжении долгого времени вопрос о соотношении языка и культуры является одним из центральных в лингвистике, и в настоящее время он остается актуальным.

По утверждению С. Г. Тер-Минасовой, язык, являясь средством общения людей, находится в неразрывной связи с культурой, в непрерывном взаимодействии с ней. В языке отражаются все изменения, происходящие в жизни общества. Это и определяет взаимообусловленность развития языка с развитием культуры и общества [Тер-Минасова 2008: 85].

Основатель американской школы этнолингвистики Э. Сепир считал, что культура – это продукт размышления и деятельности человека. О взаимоотношении языка и культуры ученый рассуждал так: «Язык не существует вне культуры, то есть вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ» [Сепир 1993: 185]. В лексике любого языка отражены особенности культуры того народа, которому принадлежит данный язык. «Язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих компонентов, ни один из которых не может функционировать (а, следовательно, и существовать) без двух других. Все вместе они соотносятся с реальным миром, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его видение и отношение к нему» [Тер-Минасова 2008: 88].

В. Гумбольдт, занимавшийся вопросами соотношения языка и культуры, говорил о том, что материальная и духовная культура находят языковое воплощение, национальный характер любой культуры выражается в языке в виде особенного видения мира. У языка есть внутренняя форма, отражающая культуру и представления данного народа, при этом язык выступает в качестве связующего звена между человеком и окружающим миром. В. Гумбольдт, рассматривая язык как непрерывную деятельность, разработал фундаментальную

теоретическую основу для изучения связи между языком и мышлением [Гумбольдт 1985: 145]. По его мнению, именно язык является тем средством, которое обеспечивает наиболее полный и естественный доступ к познанию мыслительных процессов, зафиксированных в языке.

Несмотря на то, что со временем интерес к языку как орудию мысли стал возрастать, до конца нерешенным остается вопрос о соотношении языка и сознания: что является первичным, а что – вторичным? Б. Уорф полагал, что восприятие мира человеком состоит из потока впечатлений, который организуется сознанием и, как следствие, фиксируется языковой системой [Уорф 2003: 202]. Таким образом, для Уорфа первично сознание. А. Д. Кошелев рассматривает три возможных точки зрения: первая – язык первичен по отношению к сознанию; вторая – сознание первично по отношению к языку; третья точка зрения выражается в том, что язык и сознание – это две отдельные категории [Кошелев 2015: 88].

Различные научные области: логику, философию, физиологию – всегда интересовал человеческий интеллект. Одной из основных потребностей человека является стремление к познанию, освоению и категоризации мира. Человек познает мир с помощью различных средств, а фиксирует свои знания о нем с помощью языка.

С. Г. Тер-Минасова отмечает, что в рамках изучения проблемы «язык и познание» целесообразно говорить об основных и дополнительных функциях языка. До недавнего времени (а именно до 90-х годов XX века) ведущей функцией языка называли функцию передачи информации, знаний. Однако очевидно, что для понимания высказывания необходимо не только знать значение того или иного слова, но и иметь представление о понятии, которое стоит за данным словом, и его месте в окружающей действительности. По утверждению Тер-Минасовой, «между языком и реальным миром стоит человек и его мышление, поскольку слово отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете» [Тер-Минасова 2008: 82]. По

мнению исследователя, «путь от реального мира к понятию и далее к его словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями в развитии их общественного сознания» [Тер-Минасова 2008: 91]. Таким образом, язык рассматривается как средство, инструмент, который формирует из человеческой общности этнос, образует нацию, осуществляя хранение и передачу культурных традиций, ценностей, идей.

З. Д. Попова, И. А. Стернин подчеркивают, что отдельный языковой знак способен передать лишь несколько концептуальных признаков, релевантных для сообщения [Каллаур 2018: 118]. Совокупность языковых средств, которые на определенном этапе развития общества выражают ту или иную идею или представление, присущие большинству носителей данного языка (то есть концепты), определяется З. Д. Поповой и И. А. Стерниным как «номинативное поле концепта» [Попова, Стернин 2007: 84].

В настоящее время термин «концепт» широко используется во многих областях науки: в лингвистике, литературоведении, культурологии, философии, психологии. Как отмечает Ю. Е. Прохоров, «частотность использования слова “концепт” может соперничать только с количеством разных его интерпретаций. Концепт – принадлежность не только когнитивной лингвистики, но и литературоведения, и логики, и философии, и культурологии» [Прохоров 2009: 13].

В каждой науке имеются такие категории, которые, с одной стороны, не поддаются точному и однозначному определению, а с другой – понятны всем специалистам в данной области исследования. В сфере когнитивной лингвистики таковым является основополагающее понятие данной области исследований – «концепт». Когнитивная лингвистика фокусирует существенное внимание на постижении природы концепта. Дифференцирование целого ряда смежных категорий – «значение», «концепт», «понятие» – одна из сложнейших задач когнитивной лингвистики.

Термин «концепт» в значении ментального образования, идеи вошел в целый ряд наук лишь в последние несколько десятилетий, однако размышлениями о том, что есть имя и как оно связано с реальной вещью, занимались еще ученые эпохи Средневековья. В XII веке Пьер Абеляр писал, что существующие имена по своей природе не входят в обозначенную ими вещь; таким образом, имена оказываются «орудиями восприятия вещей» [Цит. по: Аскольдов 1997: 268.]. А сам термин «концепт», в несколько ином значении, был известен уже на рубеже XIX и XX веков и получил следующую дефиницию: план, общее представление, сочинение, очерк.

Следует рассмотреть подходы к определению термина «концепт», отраженные в работах различных исследователей.

Согласно определению, принятому в философии, где этот термин в его современном понимании и берет свое начало, концепт – это «объяснение, умственный образ, мысль, понятие» [Болдырев 2001: 26]. В психологии концепт трактуется как некое мыслительное образование, выполняющее заместительную функцию [Фрумкина 1992: 6].

В отечественную лингвистику термин «концепт» ввел С. А. Аскольдов, который указал в качестве основной функции концепта замещающую. По определению исследователя, концепт представляет собой мыслительное образование, «которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1988: 267]. В сознании человека концепт может замещать не только реальные предметы, но и отдельные стороны предметов или реальных действий.

Д. С. Лихачев использовал термин «концепт» для обозначения «обобщенной мыслительной единицы, интерпретирующей явления действительности в зависимости от образования, личного, профессионального и социального опыта носителя языка» [Лихачев 1993: 4].

В «Словаре когнитивных терминов» концепт определяется как «единица ментальных и психических ресурсов человеческого сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека;

оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова и др. 1997: 6]. Следует отметить, что концепт в указанном источнике определяется не как единое целое, а с разных позиций: как единица сознания, языка и, наконец, «единица языка мозга» [Караулов 1987: 157]. При этом самому понятию «язык мозга» не дается четкой дефиниции. Данный термин был предложен Ю. Н. Карауловым, который определяет «язык мозга» как «ничейную зону» между языком и мышлением [Каллаур 2013: 275].

Исследованием концепта плодотворно занимались и занимаются Н. Д. Арутюнова, А. П. Бабушкин, А. Вежбицкая, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, С. Е. Никитина, В. Н. Телия, В. И. Карасик, И. А. Стернин и др.

По определению Е. С. Кубряковой, «концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира. Самые важные концепты выражены в языке» [Кубрякова 2004: 6].

Как пишет Т. Г. Скребцова, «исследования отраженной в русском языке наивной картины мира способствовали формированию особого направления, связанного с анализом так называемых “концептов”» [Скребцова 2011: 123].

По мнению Н. Д. Красавского, концепт является когнитивной структурой, находящейся в лингвокультурном контексте и связанной с дискурсом [Красавский 2000: 9].

В. А. Пищальникова полагает, что «концепт – это категория, которая объединяет все характеристики объекта: визуальные, тактильные, слуховые, вербальные и другие» [Пищальникова 2005: 70].

Несколько иной точки зрения придерживается В. И. Карасик, который определяет концепт как «первичное культурное образование, транслируемое в различные сферы бытия человека» [Карасик 2004: 162]. Исследователь считает, что концепт – это многомерное образование, в котором можно выделить несколько сторон: ценностную, образную и понятийную. В. И. Карасик характеризует концепты как некие образования, которые формируются на ментальном уровне и представляют собой фрагменты человеческого опыта. По

его мнению, интересны те концепты, которые отражают специфическую логику, свойственную определенной культуре. Такие концепты не могут иметь однозначного выражения, а представляют собой своеобразные ключи к пониманию ценностей культуры, условий жизни людей, а также стереотипов поведения [Карасик 2004: 300]. В. И. Карасик отмечает, что в каждой культуре есть концепт, отсутствие концепта – очень редкое явление. Согласно точке зрения исследователя, существует три способа языковой объективации концепта: обозначение, выражение, описание. Под обозначением понимается присвоение фрагменту действительности определенного знака. Под выражением понимается вся совокупность языковых и неязыковых средств воплощения концепта. Описание – формулировки, отражающие процесс анализа и позволяющие глубже понять толкование. Под языковыми средствами подразумеваются ключевые слова, которые могут избираться в качестве имени концепта, а также слова в переносном значении, однокоренные слова, фразеологизмы, сравнения, метафоры, свободные словосочетания, ассоциативные поля, полученные в ходе экспериментов. Существуют лексико-фразеологические концепты, то есть концепты, выраженные во фразеологизмах. В данном случае концепт не является словом. По мнению В. И. Карасика, концепт создает более объемное понятие о предмете или явлении, чем лексическое значение [Карасик 2004: 300].

Близкое понимание концепта предложено М. В. Пименовой, которая считает, что концепт – это представление о мире в целом, или о части мира, или сложном фрагменте, разные признаки которого реализуются различными языковыми средствами. Репрезентантами концепта являются многообразные сочетания языковых единиц, в которых объективируется концептуальный признак. Концепт отражает ценностные и категориальные характеристики знаний об отдельных фрагментах мира.

Структура концепта содержит признаки, функционально значимые для определенной культуры. По мнению исследователя, «то, что человек знает, считает, представляет об объектах внешнего и внутреннего мира, и есть то, что

называется концептом. Концепт – это представление о фрагменте мира» [Пименова 2007: 200].

Важным положением при рассмотрении концепта лингвисты считают то, что «никакой концепт не выражается в речи полностью» [Попова, Стернин 2007: 28]. Концепт выступает результатом индивидуального познания и не может быть полностью выражен только через языковые средства, что объясняется образной природой концепта. У концепта отсутствует четкая структура, его структура зависит от условий формирования данного концепта у каждой отдельной личности [Каллаур 2018: 120]. Языковая репрезентация концепта посредством лексем, фразеологизмов, пословиц является предметом когнитивной лингвистики, в рамках которой исследуются вошедшие в семантическое пространство языка и категоризирующие его слои, компоненты и стороны концепта. Исследуются также участки системы языка, в которых обнаруживается определенный компонент. Каждый язык отражает действительность определенным способом, следовательно, языки отличаются картинами мира, представленными в них.

Ряд исследователей (например, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая) трактуют термин «концепт» как «понятие, погруженное в культуру, имеющее «имя / имена» в языке и отражающее культурно обусловленное представление человека о действительности» [Вежбицкая 2001: 47]. Концепт, являясь обобщением индивидуальных смыслов, тем самым помогает преодолевать преграды, которые возникают между коммуникантами в процессах понимания [Каллаур 2013: 276].

Н. Д. Арутюнова пишет о концепте как о философском понятии, которое является результатом взаимодействия комплекса факторов: национальной традиции, религии, фольклора, идеологии и т. д. Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [Арутюнова 1999: 10].

По определению С. Г. Воркачева, концепт – это «операционная единица мысли», «единица коллективного знания (отправляющая к высшим духовным сущностям), которая имеет языковое выражение и отмечена этнокультурной

спецификой» [Воркачев 2007: 66]. По мнению ученого, ментальное образование не относится к концептам, если оно не имеет этнокультурной специфики.

Ю. С. Степанов считает, что концепт – это «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1997: 500]. В то же время посредством концепта обычный человек сам входит в культуру, нередко оказывая на нее влияние.

Как отмечает Е. И. Зиновьева, у концепта существует содержание, но объем его представления абсолютно неизвестен [Зиновьева 2003: 16].

В. Н. Телия считает, что концепт относится к сфере не только языкового сознания, но и мышления в целом, так как он является результатом человеческой мысли. «Концепт – конструкт, он не воссоздается, а “реконструируется” через свое языковое выражение и внеязыковое знание» [Телия 1988: 135].

З. Д. Попова, И. А. Стернин считают, что концепт – это ненаблюдаемая мыслительная категория. Образная сторона концепта заключается в воспринимаемых органами чувств характеристиках предметов, явлений, отраженных в памяти [Каллаур 2018: 121]. Исследователи определяют концепт как «базовую единицу мыслительного кода человека, обладающую упорядоченной внутренней структурой, представляющую собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущую комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете и явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007: 145]. С этим определением нельзя не согласиться, так как концепт есть отражение культуры в том виде, в котором ее преподносит носитель этой самой культуры. З. Д. Попова и И. А. Стернин считают, что «концепт кодируется в сознании индивидуальным чувственным образом, выступающим как чувственный компонент содержания концепта, и является базовой единицей универсального предметного кода человека» [Попова, Стернин 2007: 163].

По мнению В. А. Масловой, концепты выступают в качестве своего рода посредников между словами и действительностью, одно только значение слова

не может относиться к образующим его концептам [Каллаур 2018: 121]. Концепт определяется как «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и характеризующее носителей определенной этнокультуры, которое окружено эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [Маслова 2005: 37]. Она считает, что в связи с тем, что концепт имеет сложную, многомерную структуру с понятийным и социокультурным компонентами, отсутствует четкое определение данного термина [Каллаур 2018: 121]. Концепт «не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им, включая ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре» [Маслова 2005: 51].

Рассмотрение многочисленных определений концепта позволяет отметить, что так или иначе все лингвисты сходятся во мнении о том, что концепт формируется в сознании человека в результате восприятия мира органами чувств, предметной деятельности, мыслительных операций и т. д. [Каллаур 2018: 121].

Концепт как совокупность знаний о предмете является отражением чувственных образов. Комбинируя образы, мы получаем знание. Концепт – единица мышления. Человек мыслит концептами, формируя в процессе мышления новые концепты. Достаточно трудно провести грань между концептами и понятиями. В связи с этим когнитивная лингвистика сосредоточена на более тщательном изучении языкового значения и культурного смысла.

Концепт является когнитивной структурой по своему статусу, так как это ментальная структура, не существующая вне мышления. Многообразие и многомерность концептов обуславливает различия подходов и методик, применяемых при анализе концептов в рамках лингвокогнитивных исследований.

Концепт тесно связан с культурой, которая представляет собой «совокупность результатов человеческой жизни и деятельности во всех сферах: производственной, творческой, духовной, личной, семейной; это обычаи, традиции, образ жизни, взгляд на мир (мировоззрение) – на мир близких, «свой» и дальний, «чужой» – некоей группы людей (от семьи до нации), в определенном

месте и в определенное время» [Тер-Минасова 2008: 52]. Д. С. Лихачев отмечал, что, рассматривая концепты любого народа, можно найти взаимосвязь языка и культуры; исходя из контекста и культурного опыта каждый концепт может быть расшифрован различными способами [Лихачев 1993: 3].

Итак, самые важные в рамках той или иной культуры концепты фиксируются (или, по словам В. А. Масловой, «кодируются») в языке. Однако лингвисты на сегодняшний день не пришли к единому мнению, где именно происходит их фиксация. Есть точка зрения, что хранилищем центральных концептов является грамматический строй языка, который создает тот необходимый каркас, без которого не может функционировать лексика. По мнению других исследователей, для выделения и исследования концептов первостепенную роль играет лексика конкретного языка.

1.2.2. Проблема разграничения концепта и понятия

Рассматривая внутреннюю форму слова «концепт», необходимо отметить: концепт является заимствованием с латинского «conceptus», что в переводе означает «понятие», а слово «понятие» образовано от древнерусского глагола «пояти», что значит «захватить, взять в собственность».

В английском языке термин «понятие» (concept) приравнивается к термину «концепт» и может распространяться как на один предмет, так и на группу (класс) однородных предметов и явлений, которые обладают одинаковыми признаками, то есть рассматриваемые термины функционируют как взаимозаменяемые.

В отечественном языкознании необходимость в разграничении терминов «концепт» и «понятие» осознается большинством исследователей. Так, лингвисты М. В. Пименова, И. А. Стернин, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Л. О. Чернейко, В. А. Маслова и многие другие подчеркивают, что термины «концепт» и «понятие» различны: содержание термина «концепт» шире, чем содержание термина «понятие». Точка зрения большинства ученых выражена Н. Б. Мечковской, которая отмечает, что концепт – это «широкое образование,

которое включает в себя понятия, представления, стереотипы» [Мечковская 2007: 57].

Как справедливо отмечает А. Соломоник, термины «понятие» и «концепт» имеют различное смысловое наполнение: «Лишь пользуясь научными методами анализа, дедукцией и обобщением, можно вывести следующие за конкретными абстрактные понятия. Тогда они становятся еще и концептами» [Соломоник 1995: 246].

Термины «концепт» и «понятие» не являются эквивалентными, и их очень важно различать. Ю. С. Степанов полагает, что «концепт» и «понятие» – это разные термины: понятие, в отличие от концепта, включает только важные признаки объекта, в то время как концепт включает также и несущественные, второстепенные [Степанов 1997: 138].

По мнению Ю. С. Степанова, категории «понятие» и «концепт» относятся к разным отраслям знания. «Понятие» в большей степени тяготеет к философии, «концепт» же – к лингвистике, психологии, логике, культурологии. Ученый считает, что можно говорить о культурологическом направлении в когнитивной лингвистике, поскольку концепт исследуется как элемент культуры на основе анализа различных культур [Степанов 1997: 134]. По мнению Ю. С. Степанова, концепты существуют в сознании человека в виде набора понятий, которые могут мыслиться и переживаться [Степанов 1997: 45].

Культурные понятия – это ценностные составляющие культуры, которые выражаются абстрактными названиями. По мнению Ю. С. Степанова, концепт – это «единица структурированного знания, представляющая собой совокупность элементов, которые классифицируются по различным критериям: по своей значимости, степени абстрактности, форме, функции и т. д. В связи с активной динамической ролью концепта в процессе мышления эти признаки могут существовать в строго структурированной организации» [Степанов 1997:134].

А. А. Залевская пишет, что понятия – это «универсалии, общие свойства широкого класса объектов», а концепты – «духовные сущности, способные обеспечить связь между разнопорядковыми идеями мира – Божественного и

человеческого, отмеченные предельным душевным напряжением, направленностью на постижение смысла веры, добродетели, любви» [Залевская 2001: 100].

Концепт имеет словесное выражение, в противном случае нельзя было бы говорить о наличии концепта в культуре. Некоторые лингвисты отождествляют концепт и слово. По мнению ряда лингвистов, «в число концептов включаются лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания» [Байбурин 1993: 141].

По мнению А. М. Каплуnenко, концепт характеризуется многообразием признаков, положенных в основу его выделения. Это форма с большим объемом, но достаточно скудным содержанием в силу отсутствия единства точек зрения коммуникантов и выделения ими различных признаков [Капуленко 2012: 16].

Понятие отражает наиболее существенные признаки предмета или класса предметов, которые позволяют отграничить данный предмет от других, сходных с ним. Для установления таких признаков необходимо соотнести данный предмет с другими, и сделать это возможно с помощью сравнения. Категория «понятие» имеет более простую структуру по сравнению с категорией «концепт». Для понятия наиболее важна содержательная, информативная сторона, в понятие не входят многие компоненты, которые включает в себя концепт [Маслова 2007: 39]. Одно из главных отличий концепта от понятия, таким образом, заключается в том, что в состав концепта входят ценностный и образный компоненты.

В корейской лингвистике существуют разные подходы к интерпретации термина «концепт». Но все они сводятся к тому, что концепт – это сформировавшееся общее представление о предмете, включающее ряд взаимосвязанных признаков и особенностей [이종철 2004: 195].

Таким образом, концепт представляет собой совокупность представлений человека о мире в рамках той культуры, к которой он принадлежит.

1.2.3. Структура концепта

Вопросы относительно структуры концептов и объективации концептов посредством языка рассматривали такие отечественные и зарубежные ученые, как С. Г. Воркачев, Е. В. Иванова, В. И. Карасик, В. А. Маслова, М. В. Никитин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, Р. Лангакер и другие.

Детально рассматривая концепт, В. А. Маслова выделяет его признаки: концепт представляет собой минимальную единицу человеческого опыта, которая вербализуется при помощи слова; концепт представляется основной единицей обработки, хранения и передачи информации; концепт имеет конкретные функции; концепт предстает как основная ячейка культуры. Вся познавательная деятельность человека направлена на выработку у него умения, помогающего ориентироваться в мире [Каллаур 2018: 120]. В этой деятельности человеку необходимо отождествлять и различать объекты, и эту функцию выполняют мыслительные (когнитивные) сущности – концепты [Маслова 2004: 66].

По наблюдениям исследователей, в процессе деятельности человека концепт может приобретать разные значения, актуализируя разные признаки. Эти совокупности могут не иметь соответствий в других языках. Вместе с тем можно сказать, что любой языковой знак представляет какой-либо концепт, при этом те или иные концепты в отдельных языках могут быть представлены не полностью.

М. В. Никитин выделяет в структуре концепта образ и понятие. По мнению исследователя, образ – это своего рода путь к предмету; «чувственный образ кодирует концепт, формируя единицу универсального предметного кода» [Никитин 2007: 135].

Все исследователи едины во мнении, что концепт имеет сложную структуру: «С одной стороны, к ней относится все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры: исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков

содержания история; современные ассоциации; оценки; коннотации» [Маслова 2005: 40].

З. Д. Попова и И. А. Стернин отмечают, что концепт создается в мышлении человека путем восприятия мира органами чувств самого индивида, то есть его непосредственного чувственного опыта, умственных процессов с уже имеющимися в его мышлении концептами, физической деятельности человека, с помощью языкового общения и путем осмысленного освоения языковых единиц [Попова, Стернин 2007: 40].

Как отмечает В. А. Маслова, «концепт состоит из компонентов (концептуальных признаков), то есть отдельных признаков объективного или субъективного мира, дифференцированно отраженных в <...> сознании и различающихся по степени абстрактности» [Маслова 2007: 41].

По наблюдению Ю. С. Степанова, у концепта «слоистое» строение, и каждый «слой» (уровень) имеет «осадок» (результат) культуры разных эпох. Исследователь считает, что структура концепта состоит из нескольких составляющих:

- а) основного признака, который известен носителям конкретной культуры;
- б) дополнительных (исторических, пассивных) признаков, актуальных для определенных групп носителей конкретной культуры;
- в) внутренних форм (как правило, не познаваемых), известных только специалистам;
- г) этимологического слоя [Степанов 1997: 21].

Концепт может быть вербализованным и невербализованным, а также таковыми могут быть его части. Наличие у концепта определенного, фиксированного языкового выражения обуславливает общеизвестный характер данного концепта. Однако отсутствие стабильного языкового выражения вовсе не свидетельствует об отсутствии концепта, так как концепты могут быть личными или же принадлежать определенной группе людей, а также концепты могут не нуждаться в описании и исследовании [Прохоров 1996: 215].

Одни концепты имеют большое номинативное поле, которое можно легко выявить, другие – ограниченное, не имеющее синонимических рядов. Есть концепты, которые не имеют номинативного поля, они включают лишь окказиональные номинации, описания отдельных признаков концепта, без названия самого концепта. Номинативное поле концепта неоднородно, оно содержит как прямые номинации предмета (основу концепта), так и номинации отдельных признаков, имеющих дополнительный, второстепенный характер, но тем не менее необходимых для понимания данного концепта [Попова, Стернин 2007: 86]. Следовательно, образно структура концепта представляется в виде круга, в центре которого – ядро концепта (основное понятие), а на периферии располагается то, что добавлено личным народным опытом, традициями, культурой [Маслова 2005: 42].

1.2.4. Классификация концептов

Важной проблемой в лингвистике является выбор оснований для классификации концептов. Концепты, будучи отражением многомерного мира и представляя собой сложные образования, не поддаются однозначной классификации. Учеными предпринимались неоднократные попытки классификации концептов на основе того или иного признака.

Существует несколько классификаций концептов. Первую классификацию дал в своей работе С. А. Аскольдов, выделив концепты познавательные и художественные. Познавательные концепты носят универсальный характер и выражают представление об общеизвестных предметах. Художественные концепты, в свою очередь, индивидуальны, так как художественное представление мира субъективно. Познавательные концепты не содержат эмоционального, образного компонента, они рациональны; художественные же – отражают чувства, эмоции, проявление воли и т. д. [Арутюнова 1988: 155].

В. И. Карасик делит концепты на два типа: параметрические ментальные образования, которые выступают в качестве квалифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик определенных объектов (пространство,

время, количество, качество и др.), и непараметрические – это концепты, имеющие предметное содержание. В свою очередь, среди непараметрических концептов исследователь выделяет регулятивные, в составе которых ведущую роль играет ценностный компонент и которые отражают нормы и ценности, присущие определенной лингвокультуре («счастье», «долг», «щедрость», «милосердие» и др.); и нерегулятивные – синкретичные ментальные образования разного характера («путешествие», «подарок» и др.). «Регулятивные концепты представляют наибольший интерес для выявления особенностей ментальности определенного народа или той или иной группы в его составе» [Карасик 2007: 13].

А. П. Бабушкин предлагает следующую классификацию концептов: мыслительные картинки, которые основаны на жизненном опыте человека; фрейм (обобщает ситуацию; фрейм можно сравнить с кадром, который запечатлевает ту или иную ситуацию); сценарий, представляющий собой развернутый концепт; калейдоскопические концепты, которые схожи с когнитивными метафорами (так называемые гештальты); логически-конструируемые концепты, суть которых заключается в словарном толковании концепта [Бабушкин 1996: 55]. Мыслительная картинка в этом случае представляет собой совокупность образов в национальном, а также коллективном сознании людей; под фреймом понимается набор стереотипных представлений о предмете; сценарий – это своего рода сюжет, а также последовательность явлений во времени; гештальт – целостный образ, включающий чувственные элементы [Болдырев 2001: 25].

М. В. Пименова придерживается следующей классификации: базовые концепты, которые составляют фундамент языка и всей картины мира; дескрипторы, которые могут включать концепты измерений; концепты-релятивы, реализующие различные типы отношений [Пименова 2007: 16].

Концепты также могут классифицироваться как национальные, групповые и личные [Апресян 1995: 37].

Ю. С. Степанов выделяет следующие группы концептов, которые различаются степенью значимости в лингвокультуре:

- суперконцепты, к которым относятся «время», «пространство», «число»;
- макроконцепты, к которым относятся все природные явления и стихии;
- базовые концепты, такие как «родина», «дом», «мама»;
- микроконцепты, например, «песня», «танец», «торжество»

[Степанов1994: 35].

З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют следующие организационно-структурные типы концептов:

- концепт-схема, концепт-инсайт, мыслительная картинка, концепт-фрейм, концепт-сценарий;
- концепт-минимум и концепт-максимум;
- узловый и атомарный типы концепта [Попова, Стернин 2007: 70].

Рассмотрев классификации концептов, представленные в различных работах, можно сказать, что наиболее распространены следующие типы концептов: 1) когнитивные (представление, схема, понятие, сценарий, гештальт); 2) культурологические (более абстрактные концепты); 3) социолингвистические (этнокультурные); 4) понятийные (базовые) концепты [Ручина 2003: 150].

1.2.5. Когнитивный и лингвокультурологический подходы к исследованию концепта

Наиболее актуальными в изучении концептов являются два подхода: когнитивный, к сторонникам которого можно отнести Д. С. Лихачева, Н. Д. Арутюнову, Е. С. Кубрякову, И. А. Стернина и др., и лингвокультурологический: С. Г. Воркачев, Н. А. Красовский, В. И. Карасик, Ю. С. Степанов и др.

Цель обоих подходов состоит в изучении языкового сознания и различий между культурами, отраженных в языках.

Сторонники лингвокультурологического подхода относят к числу концептов семантические образования с лингвокультурной спецификой, которые отображают менталитет языковой личности определенной этнокультуры.

В центре внимания сторонников когнитивного подхода находятся языковые единицы (лексемы, фразеологизмы и др.), значения которых формируют наивную картину мира носителей языка. В качестве концепта выступает любая языковая единица, в которой просматривается способ семантического представления.

Между этими подходами не наблюдается противоречия – они, скорее, дополняют друг друга. Как уже отмечалось выше, концепт представляет собой совокупность представлений человека о мире в рамках той культуры, к которой он принадлежит.

Некоторые концепты отражены в грамматике, и грамматические категории создают то поле, которое необходимо для распределения концептуального материала, выраженного через лексику. В грамматике отражены наиболее существенные для определенного языка концепты. Для образования концептуальной системы необходимо наличие первичных концептов, на базе которых могут сформироваться остальные. Концепты поддаются уточнению и модификации. Токарев пишет, что термин «концепт» используется при описании семантики языка, в связи с тем, что значение языковых выражений есть выражаемые концепты [Токарев 2003:100].

Концепты имеют различное языковое выражение. Самые простые концепты представлены одним словом, сложные концепты имеют большое номинативное поле, включающее слова, словосочетания, устойчивые выражения.

При сопоставительном изучении языков выявляются многочисленные межъязыковые лакуны, под которыми подразумевается отсутствие лексем для некоторых концептов, а также единицы, характерные только для определенной языковой системы и отсутствующие в других языковых системах. Лакуны бывают мотивированными, когда речь идет о предметах, соответствующих определенной культуре (например, в русском языке – «балалайка», «матрешка», в корейском языке – «кимчи», «ханбок»), и немотивированными, когда понятие в данной культуре существует, но по какой-либо причине не имеет словесного

выражения. Безэквивалентные единицы свидетельствуют о наличии национального концепта [Вайсгербер 2004: 158].

В логической семантике и отчасти в философии, в частности, в работах Г. Фреге, А. Чёрча, Р. Карнапа, У. Куайна, наблюдается выделение таких категорий, как «смысл» и «значение», «сигнификат» и «денотат», «объём» и «содержание», «экстенционал» и «интенционал», при этом наименование «концепт» присваивается второму члену каждой пары. «О смысле мы говорим, что он определяет денотат, или что он есть концепт» [Чёрч 1960], то есть концепт следует понимать как некий способ представления содержания какого-либо имени, а под значением понимается некоторое количество объектов, к которому оно отправляет. Можно рассмотреть это деление на абстрактных объектах – духовных ценностях и понятиях-универсалиях; можно увидеть, что некоторые концепты – понятия, сугубо мысленные конструкты, так как они соотнесены со множеством неопределенных объектов [Фефилов 2010: 67].

В различных культурах существует своя специфика воспроизведения как универсальных концептов, так и концептов, характерных только для одной культуры (уникальные концепты). Национальная специфика таких концептов проявляется в том, что иногда концепты не совпадают по своему содержанию. Эти несовпадения могут играть ключевую роль в репрезентации культуры и межкультурной коммуникации.

Лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы к анализу концепта не противоречат друг другу и не являются взаимоисключающими. Напротив, они дополняют друг друга. Концепт, будучи ментальным образованием в сознании индивида, является проводником, ведущим к концептосфере социума, то есть в итоге к его культуре. В свою очередь, концепт как единица культуры представляет собой фиксацию коллективного опыта, который становится достоянием отдельного индивида. Таким образом, анализ концепта с когнитивной точки зрения – это движение от индивидуального сознания к культуре, а анализ с точки зрения лингвокультурологии – движение от культуры к индивидуальному сознанию [Карасик 2004: 137–141].

1.2.6. Концептосфера и ее отражение в семантическом пространстве языка

Наряду с понятием «концепт» важным понятием когнитивной лингвистики является «концептосфера».

Понятие концептосферы ввел Д. С. Лихачев, который под концептосферой подразумевал «совокупность концептов народа, которая образована всеми потенциями концептов носителей языка» [Лихачёв 1993: 14].

М. В. Пименова под концептосферой (или концептуальной системой) понимает «совокупность всех концептов, входящих в ментальный фонд языка, находящихся в разных типах отношений между собой» [Пименова 2013: 130]. По словам исследователя, концептуальная система образует «ментальный каркас языковой картины мира» и представляет собой сложное образование из концептуальных подсистем (например, концепты небесного мира, ландшафтные концепты, зооконцепты, антропоконцепты, социоконцепты и др.). У каждого народа своя мифология, свой путь в донаучном познании мира, то есть своя культура, и эти знания непосредственно влияют на формирование концептосферы конкретного языка.

Совокупность концептов в индивидуальном сознании образует концептосферу носителя языка. По образному определению В. А. Масловой, концептосфера представляет собой «совокупность концептов, из которых, как из мозаичного полотна, складывается миропонимание носителя языка» [Маслова 2005: 17].

А. П. Бабушкин и И. А. Стернин, описывая основные понятия, применяемые при когнитивном анализе единиц языка, отмечают, что когнитивная лингвистика формируется на базе теоретических постулатов психолингвистики и нейролингвистики, в частности, на признании того факта, что мышление невербально, а знания представлены в сознании людей в виде концептосферы, формируемой концептами [Бабушкин, Стернин 2018: 65].

В. В. Красных подчеркивает, что концепты – это то, чего нельзя наблюдать. Концептосфера, по мнению ученого, представляет собой совокупность концептов [Красных 2000: 53].

Ю. Е. Прохоров, подчеркивая неопределенность понятия «концептосфера» и отсутствие у него точного научного определения, пишет, что «концептосфера может быть и у языка, и у отдельной лексемы; она может быть связана с отдельным жанром, с отдельным аспектом человеческого бытия и с отдельным наименованием некоторого социального статуса; концепт может быть представлен в языковом сознании и в языковой картине мира, и в художественной картине мира, и в отдельном литературном жанре; концептом может быть и понятие, и некоторая каузальность, и некоторая эмоция, и т. д.» [Прохоров 2009: 9].

Любой человек может быть носителем концептов. Речевая деятельность индивида определяется индивидуальной концептосферой и концептосферой языка. Осознать человеку, какое из значений реализует концепт в каком-либо случае, позволяют жизненная ситуация и контекст.

Детального изучения требует определенный характер системных отношений концептов, но, поскольку мышление есть категоризация предметов мысли, а категоризация есть упорядочение ее объектов, общий принцип системности может распространяться на национальную концептосферу.

Существуют групповые концептосферы (профессиональная, возрастная, гендерная и т. д.), и они представляют большой интерес для когнитивной лингвистики. Интересной исследовательской задачей является сопоставление разных концептосфер: например, групповых и индивидуальных концептосфер с национальной; групповых концептосфер с индивидуальными; групповых и индивидуальных концептосфер друг с другом и т. д. [Стернин, Саломатина 2011: 156].

Выявить национальную специфику любого концепта представителями разных народов, а также выявить безэквивалентные концепты позволяет сопоставление концептосфер разных народов, широко используемое в когнитивной лингвистике.

Тот факт, что концептосферы разных народов имеют много общего, обеспечивает возможность перевода текстов с одного языка на другой. Однако, помимо сходств, существуют и многочисленные отличия, которые выражаются не только в составе концептов, но и в способах группирования их друг с другом. Такие различия можно обнаружить не только между концептосферами народов, но и между концептосферами разных (социальных, территориальных) групп людей, говорящих на одном языке.

Вопрос о разграничении концептосферы и семантического пространства языка является насущным для когнитивной лингвистики. Та часть концептосферы, которая отображается посредством языковых знаков, есть семантическое пространство языка. Семантическое пространство языка образует всю совокупность значений, которые передаются с помощью языковых знаков. Семантическое пространство языка является предметом изучения когнитивной лингвистики вследствие того, что весомая часть концептосферы народа может быть представлена в семантическом пространстве его языка [Каллаур 2018: 123].

«В семантическом пространстве мы различаем лексико-фразеологические и синтаксические концепты, то есть концепты, которые объективированы соответственно словами, фразеосочетаниями или синтаксическими структурами» [Серебренников 1988: 87].

Достоверные знания о части концептосферы, представленной в языке, возможно получить, исследуя его семантическое пространство. Возникновение ранее неизвестных номинаций в речевой деятельности людей информирует об образовании новых концептов, что является показателем динамики развития и преобразования концептосферы. Впрочем, только некоторые новации, возникшие в концептосфере со временем, и только в случае коммуникативной необходимости найдут отражение в устойчивых, стандартных языковых средствах [Каллаур 2018: 123].

Концептосфера тесно связана с понятием «менталитет», под которым подразумевается национальный способ понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов. Концептосфера

определяет менталитет (особенности восприятия и понимания действительности), который находит свое проявление в поведении людей и в особенностях коммуникации. Менталитет как бы направляет динамику концептосферы. Несмотря на взаимосвязь, менталитет и концептосфера являются разными сущностями. Изучение этих элементов требует разных подходов. Менталитет является одной из форм репрезентации концептосферы. Он вступает во взаимодействие как с национальным характером, так и с различными действиями людей. Менталитет – это особый способ восприятия действительности, определяющийся совокупностью когнитивных стереотипов сознания, которые характерны для индивида, социальной или этнической группы людей. Восприятие мира у каждого индивида зависит от его менталитета, то есть совокупности когнитивных стереотипов нации, в сочетании с элементом личностного развития: образования, культуры, опыта восприятия и интерпретации явлений действительности. Менталитет предопределяет то, что люди разных национальностей воспринимают одни и те же явления действительности по-разному [Каллаур 2016: 96].

Таким образом, исследования в рамках когнитивной лингвистики обнаруживают различные подходы к определению термина «концепт». На основе проведенного анализа подходов к определению термина «концепт» в отечественной и зарубежной лингвистике можно говорить о том, что концепт – это ментальное образование, обусловленное особенностями развития культуры и социума, находящее отражение в языке. Концепт может рассматриваться как вербализованная или невербализованная ментальная сущность. Концепт обуславливает взаимосвязь и взаимозависимость языка и национального сознания, являясь элементом когнитивной картины мира того или иного народа.

1.3 Языковая картина мира в системе лингвистического знания

1.3.1. Связь картины мира и познания действительности

В философии и лингвистике термин «картина мира» подразумевает представление человека о мире, которое складывается в результате взаимодействия человека с этим миром.

Каждый человек по-своему разделяет мир [Каллаур 2013: 278], тем самым концептуализирует его. Человек отражает окружающий мир в своем сознании, фиксируя результаты в языке, вследствие чего в каждом языке представлена специфическая картина мира. Картина мира выступает в качестве результата переработки информации о мире [Балашова 2004: 43], при этом язык выступает в качестве главного способа формирования и существования знаний человека о мире.

Понятие «картина мира» имеет высокую значимость для современной науки, и оно требует четкой интерпретации. Наиболее активно термин «картина мира» используют лингвистика и культурология.

Картина мира является своего рода воспроизведением в языке предметов и явлений окружающей действительности. Под картиной мира подразумевается целостное отображение мира, со всеми предметами, явлениями и их взаимосвязями.

Согласно определению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, картина мира представляет собой «упорядоченную совокупность знаний о мире, сформированную в сознании носителей языка» [Попова, Стернин 2007: 90].

Другой подход к трактовке понятия «картина мира» предлагает В. Б. Касевич, в понимании которого картина мира – это «закодированная средствами языковой семантики система, которая со временем может оказываться в той или иной степени пережиточной, “реликтовой”, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария. С помощью этого

инструментария создаются новые смыслы, для которых старые служат своего рода строительным материалом» [Касевич 1988: 176].

Г. В. Колшанский отмечает, что картина мира, которая отображена в сознании человека, представляет собой вторичное существование объективного мира [Колшанский 2006: 23]. Близкое определение дает Б. А. Серебренников, считающий, что «картина мира запечатлевает в себе определенный образ мира, который никогда не является его зеркальным отражением» [Серебренников 1988: 100].

Информация, зафиксированная средствами языка, отражает видение мира, свойственное тому или иному народу. Это определенное видение предопределяет своеобразие картины мира каждого языка, которая представляет собой результат мировосприятия народа.

Е. С. Кубрякова утверждает, что в картину мира входят не только значения, облеченные в языковую форму и извлекаемые из языковых форм, но и значения, составляющие фундамент языковой картины мира. Эти значения существуют как часть концептуальной картины мира, состоящей из тех представлений, которые формируются в процессе знакомства человека с описанием мира, которое предлагает ему социум [Кубрякова 2004: 143].

С. Г. Тер-Минасова, говоря о картине мира, отмечает, что «окружающий человека мир представлен в трех формах: реальная картина мира, культурная (или понятийная) картина мира, языковая картина мира» [Тер-Минасова 2004: 47]. Реальная картина мира состоит из объективной действительности. Культурная картина мира представляет собой отражение реальной картины мира сознанием человека, результатом чего являются понятия, сформированные на основе представлений человека о мире, которые он получил через органы чувств [Тер-Минасова 2004: 47].

Языковая картина мира представляет реалии окружающего мира с помощью языковых средств, создавая представление о предметах и явлениях действительности.

В научной литературе используются также понятия «концептуальная картина мира» и «наивная картина мира».

Е. С. Кубрякова пишет, что под «концептуальной картиной мира подразумевается воображаемый человеком мир» [Кубрякова 2004: 142]. Концептуальные картины мира могут быть разными. У людей, говорящих на одном языке, могут быть разные концептуальные картины мира; и наоборот, люди, говорящие на разных языках, могут иметь схожие картины мира. Факторами, определяющими характер концептуальной картины мира, выступают социальный статус, возраст человека, его жизненный опыт [Каллаур 2018: 121].

Под наивной картиной мира понимают систему донаучных представлений, отраженную в языке носителей данной культуры. Наивная картина мира отражает материальный и духовный опыт определенного народа. Как отмечает Ю. Д. Апресян, наивная картина мира зафиксирована в языке, это объясняет тот факт, что научные определения не всегда совпадают со словарным толкованием соответствующих слов. По мнению исследователя, наивная картина мира «представляет отраженные в естественном языке способы восприятия мира». Ю. Д. Апресян считает, что каждый язык отражает определённый способ концептуализации мира, при этом данный способ отчасти универсален, а отчасти специфичен, так как носители языков видят мир по-разному. Наивная картина мира является донаучной, она отличается от научной картины мира [Апресян 1995: 39]. Когда говорят о языковой картине мира, как правило, имеют в виду наивную картину мира.

Наряду с наивной картиной мира принято выделять научную картину мира. На языковом уровне научная картина мира представляет собой своеобразную форму систематизации знаний, в ее основе лежит система символов, знаков, объектов. Научная картина мира выполняет три основные функции:

- 1) систематизирует научные знания;
- 2) выступает в качестве исследовательской программы, определяющей научную стратегию;
- 3) обеспечивает объективность научных знаний [Каллаур 2018: 122].

З. Д. Попова и И. А. Стернин указывают на существование двух типов картины мира: непосредственной и опосредованной.

Непосредственная картина мира – результат прямого познания человеком окружающей действительности. Представления об одних и тех же явлениях действительности у разных индивидов могут различаться. Непосредственная картина мира тесно связана с мировоззрением конкретного человека. Она охватывает как совокупность ментальных стереотипов, так и содержательное, концептуальное знание о действительности. Такая картина мира, называемая когнитивной, представляет собой результат познания действительности. Под когнитивной картиной мира принято подразумевать некий ментальный образ действительности, который сформирован сознанием человека.

Опосредованная картина мира представляет собой результат восприятия явлений действительности, зафиксированных при помощи знаковых систем. Опосредованными являются языковая и художественная картины мира, поскольку в них в качестве «посредника» между человеком и миром выступает знаковая система (язык, система средств художественной выразительности). Вопрос о месте языковой картины мира в общей картине мира является актуальным для современных лингвистов [Каллаур 2013: 275].

Уяснению структуры картины мира способствует предложенная профессором Е. Б. Трофимовой схема, представляющая собой разветвленную конструкцию (рисунок 1) [Хафизова 2011: 12].

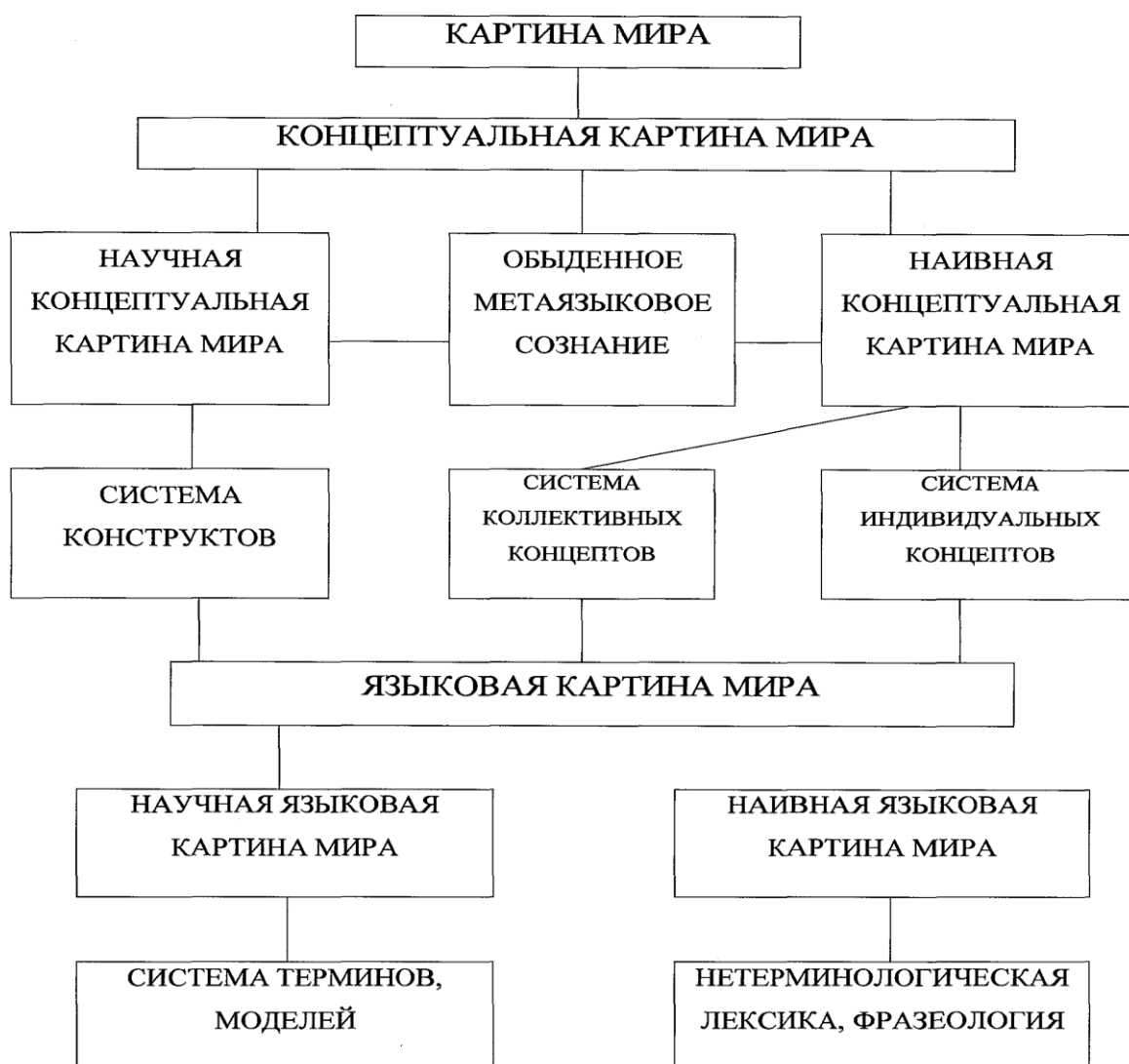

Рисунок 1. Структура картины мира (по Е. Б. Трофимовой)

На приведенной схеме показано, что языковая картина мира является производной от непосредственной, первичной картины мира через посредство концептуальной картины мира (то есть сформированных в сознании человека понятий, представлений о действительности). Познавая действительность, человек категоризирует ее, определяет место каждого предмета и явления в общей системе своих представлений, знаний о мире, в результате чего происходит создание концептов, которые в дальнейшем находят воплощение в языке, образуя языковую картину мира.

1.3.2. Языковая картина мира и ее национально-специфический характер

Ключевым понятием лингвокультурологии и когнитивной лингвистики является языковая картина мира. Она предполагает, что в центре ее изучения находятся человек и все, что его окружает, то есть можно говорить о том, что это понятие антропоцентрично.

В. Гумбольдт, глубоко анализировавший соотношение таких феноменов, как язык и мышление, ввел в научный обиход понятие «языковая картина мира».

Языковая картина мира включает в себе совокупность знаний, которые запечатлены при помощи языковых средств.

При описании языковой картины мира учитывается целый ряд языковых данных, например, семантические и грамматические характеристики слов, а также фразеологизмов и пословиц, содержащих определенную лексему; семантические поля, в которые входят лексемы, репрезентирующие концепт.

Языковая картина мира и концепт, в которых ярко отражается специфика взаимоотношений языка и окружающей действительности, все чаще становятся предметом интереса исследователей в рамках антропоцентрического направления в лингвистике.

Под понятием «языковая картина мира» В. В. Красных подразумевает «отражение мира в зеркале языка» [Красных 2000: 54]; Е. С. Кубрякова под языковой картиной мира подразумевает «ту часть мира, которая может быть привязана к языку и преломлена через языковую форму социума» [Кубрякова 2004: 143].

В. А. Маслова, рассуждая о языковой картине мира, отмечает национальный характер, говоря, что «языковая картина мира обусловлена национальными особенностями восприятия предметов, явлений, процессов, отношением к ним, непосредственно связана с национальной культурой народа, его образом жизни и спецификой деятельности» [Маслова 2005: 66].

По определению В. Н. Телия, языковая картина мира – «неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, возникающий в

результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей в акте коммуникации» [Телия 1996: 100].

М. В. Пименова отмечает, что языковая картина мира – это «совокупность знаний о мире, отраженных в языке» [Пименова 2007: 16]. По утверждению Ю. Н. Караулова, «языковая картина мира – это то, что во всей совокупности является содержанием определенного языка» [Караулов 1987: 156]. З. Д. Попова и И. А. Стернин под языковой картиной мира понимают «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков; языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Стернин, Попова 2007: 135].

Ю. Д. Апресян характеризует языковую картину мира как наивную, подчеркивая ее донаучный характер, потому что имеется разница между языковой и научной картинами мира. Языковая картина мира, часто искажая объективные знания о реальности, как бы дополняет их [Апресян 1995: 50]. Детальный анализ понятий «научная картина мира» и «языковая картина мира» с целью их разграничения и научной категоризации представлен в работе О. А. Корнилова [Корнилов 2011].

По мнению В. И. Карасика, вопрос о специфике отражения бытия через язык – это проблема определения языковой картины мира. Исследователь, обобщая существующие научные данные, выделяет два противоположных подхода к описанию языковой картины мира. Первый подход состоит в том, что между языками нет принципиальных различий в представлении окружающей действительности, так как познание и осознание мира любым народом основывается на универсальных логических категориях, присущих человеческому мышлению в целом. Аргументами в пользу этого подхода могут служить несколько положений: во-первых, язык является объективным отражением мира; во-вторых, все народы живут в едином пространстве бытия, образуя в конечном счете единое целое; в-третьих, различия между культурами

носят несущественный характер. Согласно второму подходу, расхождения между семантическими системами разных языков носят принципиальный характер, поскольку отражение мира каждым народом в своем языке уникально, а восприятие мира происходит через язык. Сторонники такого подхода аргументируют свое мнение следующими положениями: во-первых, язык является субъективным ретранслятором мира; во-вторых, народы не существуют в едином пространстве бытия, они в значительной степени изолированы друг от друга; в-третьих, различия между культурами разных народов носит существенный характер [Карасик 2007: 13].

Языковая картина мира может формировать тип отношения человека к миру (самому себе как элементу мира, животным, природе); определять его взгляд на окружающую действительность, задавать нормы поведения человека в мире. Определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира отражает каждый естественный язык. Значения, выражаемые в нем, складываются в своего рода коллективную философию, некую единую систему взглядов, усваиваемую всеми носителями языка в качестве обязательной, то есть восприятие мира определенной общностью людей отражено в каждом языке. Всем носителям того или иного языка определенным образом «навязывается» определенная система взглядов, в которую складываются все знаки [Соколова, Гурина 2010: 83].

Языковая картина мира является концептуализированным языковым пространством, поскольку отражает специфику национальной ментальности. Язык – это не только система воплощения культурных ценностей. Язык – это система отражения национальной традиции, которая эксплицирует связи между ментальностью и языком представителей определенной культуры с ее специфической картиной мира.

А. А. Залевская считает, что описание языка как системы и поиск специфических особенностей языка происходят с помощью языковой картины мира: «Но, если исследователь интерпретирует полученные результаты для выявления обозначенных языком когнитивных признаков, классификаторов и

структур сознания, описание языковой картины мира выходит за пределы чисто лингвистического исследования и становится частью лингвокогнитивного исследования – используется для моделирования и описания концептосферы, концептуальной картины мира» [Залевская 2003: 49].

В состав языковой картины мира входят: описание действительности, зафиксированное на лексико-семантическом и лексико-фразеологическом уровнях, национально-специфические языковые единицы; наличие лакун в системе языка; наличие безэквивалентных единиц в том или ином языке.

В ряде работ языковая картина мира представляет собой полотно, на вершине которой расположен человек с его жизнедеятельностью и плодами с одной стороны, и окружением человека и сферы его существования с другой. Именно такое членение, по мнению некоторых ученых, может способствовать восприятию человеком самого себя и того, что вокруг него происходит. Каждая ветвь соответствует определенному фрагменту картины мира. Такое изображение отражает многофрагментность языковой картины мира [Шмелев 2002: 135].

Характеризуя языковую картину мира, В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин выделяют следующие ее признаки: наличие имен концептов, наличие специфических ассоциаций, классификация определенных предметов и др. [Карасик, Слышкин 2001: 80]. В. И. Карасик предложил отнести к числу характеристик следующее: во-первых, наличие наименований концептов, во-вторых, неравномерную концептуализацию различных предметов действительности, в-третьих, ассоциативные признаки концептов, в-четвертых, ориентацию предметных областей на определенную сферу общения [Карасик, 2004: 99].

Обобщение выше изложенного позволяет сделать следующие выводы:

- существует связь между языком и сознанием: язык представляет собой материальную форму выражения сознания;

- языковые картины мира разных лингвокультурных сообществ различаются, так как они ограничены национально-культурной спецификой, отражаемой в языке;

- языковая картина мира, наряду с национально-культурной спецификой, обладает определенной степенью универсальности, поскольку в ней находит отражение информация о человеке и культуре.

Сравнение одного языка с другим является существенным методом раскрытия специфики языковой картины мира определенного народа. Попытаемся обобщить подходы лингвистов и дать свою интерпретацию понятий «картина мира» и «языковая картина мира». Итак, картина мира – субъективный образ мира, который существует в сознании человека и является отражением реальности; при этом реальность представляется и в объективном, и в искаженном виде. Совокупность представлений человека о мире, отраженная в языке, есть языковая картина мира [Каллаур 2016: 97].

1.4 Методы исследования языковой картины мира и ее составляющих

Выявление тех или иных характеристик и свойств объекта исследования происходит при помощи экспериментальных методов.

Впервые о необходимости эксперимента в лингвистике заговорил И. А. Бодуэн де Куртенэ в XIX веке. Эту идею развил Л. В. Щерба, считавший эксперимент одним из важных исследовательских инструментов, который позволяет проникнуть в речевую деятельность человека.

На современном этапе развития лингвистической науки эксперимент широко применяется в одной из ее отраслей – психолингвистике, которая занимается изучением связи речевой деятельности человека с процессами, происходящими в его психике.

Традиционно в психолингвистике выделяется три метода исследования.

Первый – метод интроспекции, предложенный В. Вундтом. Суть данного метода заключается в наблюдении собственных психических процессов без

использования каких-либо инструментов. С помощью этого метода может изучаться собственная активность индивида: мысли, образы, чувства и т. д. Метод интроспекции служит своего рода «мыслительной примеркой» эксперимента по отношению к самому себе.

Второй метод – метод наблюдения в естественных условиях. Целью этого метода является объяснение связи психических процессов с порождением и восприятием речи [Croft William, Cruse Alan 2004: 179].

Метод наблюдения в естественных условиях является разновидностью научного наблюдения, которое применяется с конца XIX века в тех случаях, когда большое значение имеет фиксация особенностей поведения человека, попадающего в различные ситуации. Предметом научного наблюдения являются особенности поведения человека. Объектами исследования могут выступать как вербальное поведение человека, в которое входит содержание речи, продолжительность речи, интенсивность речи, так и невербальное поведение, заключающееся в мимике и экспрессии тела человека, особенностях перемещения людей, в дистанции между людьми, в их физическом воздействии друг на друга (касания, толчки, удары и др.) [Патсис 2005: 12]. То есть объектом наблюдения может выступать лишь то, что поддается фиксированию и регистрации. Исследователь не только наблюдает за действиями объекта, но и фиксирует их. Научное наблюдение применяется тогда, когда сложно вмешиваться в естественное течение процесса жизненного восприятия. Этот метод применяется там, где вмешательство экспериментатора нарушит процесс взаимодействия человека со средой. Данный метод незаменим, когда необходимо получить полную картину происходящего и отразить поведение индивидов во всей полноте [Нерознак 1998: 82].

Третьим методом является метод эксперимента. Использование экспериментальных методов позволяет изучать языковое сознание индивидов. Исследование при этом может быть направлено как на изучение феномена языкового сознания, так и на изучение языковых явлений. Ценность

эксперимента заключается в последующем обобщении сведений, полученных от исследуемого объекта.

С помощью экспериментальных методов исследования языковой семантики можно выявить реальную структуру значения слова, закрепленную в сознании носителей данного языка. Экспериментальные методы обладают достаточной объективностью, так как позволяют получить усредненные данные, тем самым обеспечивая достоверность результатов исследования.

По мнению Р. М. Фрумкиной, система, построенная на языковом материале, должна быть проверена на достоверных фактах, которые возможно получить с помощью эксперимента [Фрумкина 2003: 200].

Можно согласиться с мнением Д. В. Выговской, которая полагает, что «психолингвистические эксперименты наиболее приближены к реальности и позволяют изучить существенные специфические связи языка в индивидуальном сознании». Также психолингвистический эксперимент помогает обнаружить «специфические черты и специфические процессы идентификации через типичные признаки носителей разных культур» [Выговская 2000: 120].

Методика проведения психолингвистического эксперимента изложена в работах А. А. Леонтьева, А. А. Залевской, Р. М. Фрумкиной и других исследователей.

В эксперименте принимают участие респонденты – в отечественной психолингвистике для их обозначения, как правило, употребляются термины «испытуемый», «обследуемый». В психолингвистическом эксперименте участвует информант-субъект, включенный в эксперимент и информирующий экспериментатора о ходе его проведения. Испытуемый в психолингвистическом эксперименте – одновременно и объект исследования, и его субъект, так как он «является экспертом в области его употребления» [Ручина 1998: 72]. Психолингвистический эксперимент можно проводить как индивидуально, так и в групповых формах. Длительность эксперимента может влиять на его результаты, поэтому на проведение эксперимента отводится определенное время,

обычно 10 – 15 минут. После проведения анализа результаты исследования соотносятся с рабочей гипотезой и делаются общие выводы.

Общепринятая методика проведения психолингвистического эксперимента выглядит следующим образом. Респондентам дается инструкция, согласно которой на каждое слово-стимул им предлагается указать первые возникшие у них ассоциации, то есть слова-реакции. Такая реакция должна быть непосредственной, испытуемый должен отвечать быстро, не раздумывая над своими ответами.

Психолингвистическое изучение концепта связано с выявлением ассоциаций и ассоциативных значений. Исследование может быть направлено на изучение языкового феномена, на установление когнитивных связей между его составляющими, а также на изучение явлений языка с помощью обобщения проявлений языкового сознания.

По замечанию Р. М. Фрумкиной, ассоциации – это связь между явлениями и объектами, которая основана на личном опыте, не всегда совпадающим с опытом той культуры, к которой мы принадлежим [Фрумкина 2001: 98]. И. О. Прохорова отмечает, что «ассоциации составляют основу жизнедеятельности человека, их изучение представляется очень актуальным и важным. Как феномен ассоциативная связь определена именно культурой во всем ее многообразии – всеми знаниями, опытом, в том числе чувственным опытом» [Прохорова 2008: 8].

Ш. Балли ввел в лингвистику термин «ассоциативное поле». Ассоциативное поле, имеющее ядро и периферию, образуется совокупностью ассоциаций, полученных на определенный стимул. Как отмечал Ю. Н. Караулов «ассоциативное поле максимально приближено к отражению некоторых мыслительных образов и структур» [Караулов 1987: 243]. О. М. Смирнова подчеркивает, что «если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть “культурную” специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно нерелевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его семантические “обертонны”, – без сомнения,

таким методом является ассоциативный эксперимент, а ближайшим источником на этот счет – словарь ассоциативных норм» [Смирнова 2009: 247].

Ассоциативный эксперимент является наиболее разработанным методом психолингвистического анализа, позволяющим установить объективно существующие семантические связи слов.

По мнению А. А. Леонтьева, «ассоциативный эксперимент является одним из эффективных способов исследования языкового сознания и его национально-культурной специфики, поскольку он позволяет выявить, каковы те ментальные образы мира, которые присущи представителям того или иного этноса» [Леонтьев 1971: 19].

Описывая ассоциативный эксперимент, Ю. Н. Караулов отмечает, что при ассоциативном эксперименте слово-стимул выступает в роли импульса, который активизирует процесс подбора ассоциаций и приводит к готовности большой участок сознания. В результате реципиент вербализует один из узлов сознания [Караулов 1987].

Выделяются следующие виды ассоциативного эксперимента:

1) свободный ассоциативный эксперимент, где информанту предлагают дать реакцию на слово-стимул, ничем не ограничивая слова-реакции. Цель такого эксперимента заключается в раскрытии национально-культурной специфики образов, которые связаны с концептом, находящимся в действенной памяти человека;

2) направленный ассоциативный эксперимент, в котором экспериментатор ограничивает выбор предполагаемой реакции, накладывая определенные ограничения. Цель данного эксперимента – выявление глубинных образов сознания носителя языка;

3) отсроченный ассоциативный эксперимент, при проведении которого информанты во времени не ограничены. Целью данного эксперимента является обеспечение инстинктивного процесса воссоздания образов, связанных со словом-стимулом, формирующих подсознание и языковое сознание респондентов [Попова, Стернин 2007: 111].

Сегодня интерпретация результатов ассоциативного эксперимента представляет собой сложную задачу как в методологическом, так и в практическом планах.

Ассоциативный эксперимент подвергается критике. Так, В. А. Пищальникова отмечала, что в отечественной психолингвистике несовершенны как проведение эксперимента, так и интерпретация его результатов [Пищальникова 2005: 70]. Мнение приверженцев традиционных методов заключается в том, что они считают, что в процессе проведения ассоциативного эксперимента искусственно создаются ситуации, не характерные для естественного функционирования языка. Более объективной представляется позиция С. В. Архиповой, которая пишет об ассоциативном эксперименте следующее: «Исследователи пытаются обнаружить общие ассоциативные ориентиры представителей того или иного этноса. Так, ассоциативный эксперимент позволяет получить некоторые ассоциативные нормы для изучаемого социального объекта, определить набор основных понятий, ставших его символами в сознании людей, сделать вывод об особенностях восприятия объекта в массовом сознании» [Архипова 2011: 6].

На наш взгляд, при проведении ассоциативного эксперимента можно получить данные об объекте и сделать выводы, которые в сочетании с данными, полученными от применения других методов, позволяют представить достаточно полную и объективную картину изучаемого явления. Кроме того, на основе результатов ассоциативного эксперимента создаются специальные словари ассоциативных норм.

В качестве примеров научных работ, основанных на применении ассоциативного эксперимента, можно привести ряд диссертационных исследований. Например, в своей диссертационной работе «Концепты “любовь” и “ненависть” в русском и американском языковых сознаниях» Е. Ю. Балашова описывает методику проведения свободного ассоциативного эксперимента в письменной форме. Письменный эксперимент проводился следующим образом: испытуемым было предложено записать наиболее яркий образ, который

возникает у них при появлении стимулов «любовь» и «ненависть». На выполнение этого задания отводилось 5-7 минут. В результате эксперимента Е. Ю. Балашова получила следующие типы реакций: реакции-пояснения, реакции-синонимы, тематические реакции, стимульные реакции, ассоциации по выполняемой функции, реакции – прецедентные феномены, реакции – образы конкретных людей и др. [Балашова 2004: 66].

В диссертационной работе «Синергетическая модель концепта “ЖИЗНЬ”» А. В. Гирнык провела эксперимент в форме письменного анонимного анкетирования. Так как эксперимент проводился только с носителями русского языка, инструкция давалась на русском языке. На проведение эксперимента отводилось 10 – 15 минут. Эксперимент выглядел следующим образом: в бланках в разной последовательности было представлено 7 – 9 слов, в том числе исследуемое слово-стимул «жизнь». Испытуемым было предложено написать от 3 до 5 слов или фраз [Гирнык 2011: 5]. В результате экспериментатор получил реакции на стимул «жизнь», которые он в дальнейшем классифицировал на временные характеристики, динамические характеристики, визуально-аудиальные характеристики, пространственные характеристики и т. д.

Помимо психолингвистических экспериментов, при проведении исследований широко используется национальный корпус языка.

Национальный корпус языка – это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов в электронной форме, включающая более 600 млн слов. В составе корпуса существуют различные виды подкорпусов: корпус одного автора, корпус одной книги, корпус одного стиля, корпус одного жанра и т. д. Национальный корпус имеет важные особенности, среди которых его сбалансированность – это означает, что он содержит не только письменные, но и устные тексты; другая особенность заключается в том, что он содержит дополнительную информацию о тексте. В нашем исследовании важным этапом стала работа с текстами в национальных корпусах языков, так как с помощью корпуса можно более глубоко исследовать языковую картину мира и получить более обширные и достоверные результаты.

Таким образом, следует отметить, что одним из ключевых методов исследования картины мира является эксперимент, в частности, ассоциативный эксперимент. В результате проведения эксперимента можно получить сведения, позволяющие более полно представить языковую картину мира того или иного народа. Помимо этого, в когнитивной лингвистике все более популярным становится использование национального корпуса языка, который способствует более точному представлению лингвокультуры.

Во второй главе настоящего исследования будут описаны результаты экспериментов, проведенных с носителями русского и корейского языков на материале концепта «ЗАСТОЛЬЕ».

Выводы по главе 1

1. Достижения в области логики, философии, психологии, физиологии и других отраслей знания подготовили почву для возникновения и развития когнитивистики – направления в науке, изучающего человеческое сознание, способность мыслить и связанные с ними ментальные процессы. В силу того, что основная информация о самом процессе мышления и его результатах представлена в языке, мощное развитие получила одна из отраслей когнитивной науки – когнитивная лингвистика, основная проблематика которой связана с исследованием особых ментальных образований – концептов.

2. Анализ различных подходов к проблеме изучения картины мира позволил прийти к выводу, что языковая картина мира – это особое представление о мире, характерное для каждой этнокультурной общности и воплощенное языковыми средствами. Для построения языковой картины мира язык создает возможности для упорядочения и систематизации в памяти людей множества знаний.

3. Формирование концептов обеспечивает информация, получаемая в результате синтеза чувственного восприятия речемыслительных процессов и формирования представлений о мире (элементарных обобщений и абстракций).

Проанализировав работы лингвистов, посвященные концепту (В. И. Карасика, А. Вежбицкой, Ю. С. Степанова, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Е. С. Кубряковой и др.), мы пришли к выводу, что определение концепта, наиболее соответствующее задачам нашей работы, предложено Н. Д. Арутюновой, по мнению которой концепт – это понятие, имеющее имя в языке, погруженное и отраженное в культуре.

4. Эффективным инструментом исследования языковой картины мира и ее составляющих нам представляется психолингвистический (ассоциативный) эксперимент. Данный метод апробирован рядом исследователей при анализе различных концептов, выработана методология проведения свободного и направленного ассоциативных экспериментов. Целью ассоциативных

экспериментов является получение от носителей языка обширного материала в виде ассоциаций на определенные слова-стимулы, анализ которых позволит сделать более глубокие и достоверные выводы об общечеловеческих и самобытных чертах языковых картин мира разных народов.

ГЛАВА 2. КОНЦЕПТ «ЗАСТОЛЬЕ» В РУССКОЙ И КОРЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА И КОРПУСНОГО АНАЛИЗА

Во второй главе диссертационного исследования проводится анализ репрезентации концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русской и корейской языковых картинах мира. Основу исследования составили, во-первых, материалы русских и корейских словарей, во-вторых, результаты психолингвистических экспериментов, направленных на получение ассоциаций, отражающих семантическое поле концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русском и корейском языках; в-третьих, материалы Национальных Корпусов русского и корейского языков и исследование сценариев проведения застолья в двух рассматриваемых культурах.

2.1. Феномен застолья в языке и культуре

От тщательного изучения феномена застолья во многом зависит полнота и объективность представления лингвокультуры конкретного этноса. Национальные традиции застолья являются немаловажным аспектом современной культуры, так как отражают менталитет народа, обычаи, вкусовые пристрастия, общественный уклад жизни. В связи с этим они вызывают у ученых большой интерес. Исследование национальных традиций застолья создает благодатную почву для открытия новых путей достижения взаимопонимания между народами и позволяет узнать особенности и общие черты национальных традиций различных народов для стимулирования их взаимодействия и взаимообогащения.

Застолье – социокультурное явление, присущее любому этносу. Его история своими корнями уходит в истоки культуры человека. Из всех ритуализированных форм человеческой деятельности застолье является наиболее устойчивым явлением, которое сопровождает проведение праздников и обрядов.

Национальные традиции застолья сохраняют исконные, древние элементы, которые прижились и в современном мире.

Употребление пищи и напитков составляет одно из условий существования человека, без него жизнь любого народа невозможно представить, поэтому концепт «ЗАСТОЛЬЕ» является одним из центральных в языковой картине мира разных этносов и вызывает большой интерес с точки зрения лингвокультурологии.

Совместное употребление пищи – это многоаспектный символический комплекс. Во время застолья тосты, питье, еда, песни, беседы, танцы, время и место проведения застолья приобретают особый смысл. Эти знаки непосредственно связаны с национальными традициями и системой культурных ценностей народа. Ценностная ориентированность включает в себе истинный смысл застольного ритуала. Пища – один из наиболее важных элементов традиционного застолья, это определяет и регламентирует формы застольного поведения, которые во многом связаны с социальным статусом лиц, участвующих в застолье. Способы приготовления праздничной пищи, ее эстетическое оформление несут существенную смысловую нагрузку. С функциональным предназначением застолья, его типами и видами (семейное, общественное, праздничное и др.) напрямую связаны структура застольного этикета, место проведения застолья, его продолжительность, эмоциональная наполненность, виды и количество пищи и т. д. [Гурьева 2003: 58].

Семантика традиционных предметов, связанных с застольем и принятием пищи, определяет их значимость в застольном ритуале. В первую очередь необходимо назвать стол, который во всех традиционных культурах всегда является не только местом принятия пищи, но и пространством, где происходит общение с гостями и поминание умерших предков – это своеобразная модель мира, сакральный центр дома. Как предмет стол традиционно воспринимался в качестве медиума (посредника, связующего звена), он всегда содержался в чистоте, без лишних предметов, открытым. Считалось, что тем самым создается дистанция между миром живых и миром умерших. В праздники в некоторых

культурах иногда использовалась медная посуда, которая считалась оберегом: люди верили, что чем больше в доме праздничной посуды, тем реже дом посещают злые силы. Место, где по традиции сидел хозяин дома, осмысливалось как место предка. На Руси порядок расположения за столом участников трапезы строго регламентировался. Очевидно, потому в традиционной культуре стол обладал более широкими функциями, чем те, которые связаны непосредственно с застольем.

Культурные ценности, связанные с совместным употреблением пищи, совпадают во многих, казалось бы, очень разных культурах. Это объясняется существованием одинаковых психологических и социальных потребностей людей независимо от их национальности. Однако при всем сходстве имеются и расхождения в культурном содержании застолья, что обуславливается национальными, историческими и культурными факторами.

Изучение особенностей концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русской и корейской языковых картинах мира целесообразно начать с лексикографического описания слов, называющих исследуемый концепт. Это позволит смоделировать семантическое поле концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в двух рассматриваемых языках.

Под лексикографическим значением И. А. Стернин понимает «описание значения, полученное путем обобщения словарных дефиниций разных толковых словарей традиционного типа» [Стернин 2004: 66].

Один из начальных этапов лексикографического анализа – изучение внутренней формы слова, его этимологии.

Перед проведением сопоставительного анализа когнитивных признаков, обнаруженных в ходе исследования словарных слов, номинирующих концепт «ЗАСТОЛЬЕ», следует отметить, что количество изученных словарей русского и корейского языков не совпадает. Это объясняется тем, что количество словарей корейского языка в свободном доступе значительно меньше, чем словарей русского языка. Было проанализировано 13 словарей русского языка и 8 словарей корейского языка.

В словаре В. И. Даля дается широкая трактовка застолья: «трапеза, столование, пир». В данном словаре приводятся также особенные формы и значения слова: застольщина, например – общий стол от хозяина или складчиною [Даль 2006: 342].

В толковом словаре С. И. Ожегова застолье определяется как «праздничный стол, угощения, а также сидящие за праздничным столом» [Ожегов 1991: 398]. Такое толкование приводится в четырехтомном «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС) и в словаре В. В. Лопатина, Л. Е. Лопатиной [Лопатин 1993: 276].

Согласно «Идеографическому словарю русского языка», слово “застолье” означает «коллективную встречу с трапезой, пиршество, приглашение на обед» [Шведова 2011: 143].

«Новый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой дает следующее определение: «1) Угощение за общим столом, пир. 2) Те, кто сидит за общим столом во время обеда, пира [Ефремова 2000: 127].

В «Большом академическом словаре» застолье определяется как «праздничный стол, угощение» [БАС 2004: 148].

Словарь под редакцией Г. Н. Складчиковой дает следующее определение застолья: «церемония праздничного угощения» [Складчиковская 2001: 500].

Очевидно, что толкование слова “застолье” в словарях дается через однокоренное слово «стол». Под «столом» подразумевается *угощенье (на столе), сидящие за столом, праздничный стол, застольное времяпрепровождение за столом*. Семы, содержащиеся в словарных дефинициях: сема «времяпрепровождение», сема «человек» (сидящие), сема «мебель» (стол), сема «повод» (праздничный).

Примечательно, что ни один русско-корейский и корейско-русский словарь не дает перевода слова «застолье». Но предлагается другой вариант перевода, который употребляют все корейцы, – «пиршество» 잔치. При этом толковый словарь корейского языка дает данному слову следующее определение:

«торжество, совместный праздник», причем отмечается, что пиршество – это еда и развлечение [언어와정치가좋은, 홍원표, 이승현, 박동천인간사랑 2009: 쪽 60]. Другой словарь дает следующее определение: «большой званый обед или ужин с обильным угощением, устраиваемый в честь какого-либо события» [남영신 2002: 쪽 1365].

Может показаться, что в русском и корейском языках данное понятие трактуется по-разному и используемый в корейском языке вариант “пиршество” означает, что в корейской культуре времяпрепровождение за столом – это только еда, однако, как показало исследование, для корейцев понятие «пиршество» включает не только еду, но и танцы, песни, тосты.

Теперь обратимся к семантическому анализу и рассмотрим семы, относящиеся к исследуемому концепту, в обоих языках.

Для анализа лексических обозначений концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русской и корейской лингвокультурах мы будем использовать следующую формулу: «семантическое ядро + дифференцирующие семы».

Можно констатировать, что семантическое ядро исследуемого концепта в русском и корейском языках в основном совпадает. В ядре концепта «ЗАСТОЛЬЕ» как в русском, так и в корейском языке можно выделить две семы: сема «совместное употребление пищи (напитков)» и сема «повод», которые присутствуют и в русском, и в корейском языках. Из этого можно сделать вывод, что ядро концепта «ЗАСТОЛЬЕ» носит универсальный характер и его можно сформулировать так: «застолье – совместный процесс употребления пищи по тому или иному поводу». Национальная специфика концепта «ЗАСТОЛЬЕ» находит отражение в дифференцирующих семмах.

На наш взгляд, для более глубокого понимания значения слова «застолье» следует обратиться к его этимологии. Изначально слова «застолье» не существовало, вместо него в обиходе использовалось слово «выть». Поскольку слово «выть» в современном языке вышло из употребления, слово «трапеза»

заполнило возникшую лакуну и активно используется в данном значении всякий раз, когда возникает потребность. Обратившись к истории слова «застолье» в русском языке, мы можем наблюдать следующее. На Руси слово «братчина», образованное от слова «брат», употреблялось для обозначения ритуала совместной трапезы. В переводе с древнерусского «братчина» означает «пиршество, устраиваемое в складчину, то есть общинный праздничный пир» [Формановская 1987: 59]. Позднее слово «братчина» было вытеснено словом «пиршество», которое используется в современном русском языке, но является стилистически маркированным. А в качестве нейтрального варианта в современном русском языке осталось слово «застолье», так как именно за столом собирались и собираются на пиршество. Слово «братчина» в современном русском языке уже не употребляется и является устаревшим. Сема «способ совместной трапезы» в складчину и сема «человек» являются основными семами слова «братчина» [Морозов 2015:10].

Как можно заметить, этимология термина «застолье» в словарях русского и корейского языков несколько различаются. Главное отличие заключается в форме, обозначающей присутствие за столом, чего нет в корейском толковом словаре. И наоборот, в корейском языке имеется слово, имеющее комплексное значение, подразумевающее одновременно еду и развлечения. Такая форма не встречается в словарях русского языка.

Как уже отмечалось, слово «застолье» в русском языке образовано от слова «стол». Проведенный нами лексико-словообразовательный анализ показывает, что сема «мебель» входит в ядерный компонент значения слова «застолье». Аффиксальная морфема указывает на конкретное пространство для устройства застолья: 'за столом'.

В корейском языке понятие «пиршество» 잔치 вербализуется в двух лексических единицах: «잔» – «чаша», «치» – «ценность». Такой состав говорит о некотором расхождении с семантическим наполнением в русском языке.

Итак, слово “застолье” в русском языке имеет корень «стол», тогда как в соответствующем корейском слове связь с данным предметом обихода отсутствует. Возможно, это связано с тем, что в традиционной корейской культуре принято сидеть на полу.

Номинативное поле концепта выявляется не только посредством анализа данных толковых словарей, но и при обращении к словарям синонимов, антонимов. Для более полного представления номинативного поля концепта «ЗАСТОЛЬЕ» мы обратились к электронным системам, которые систематизируют данные нескольких синонимических словарей, а именно к сервису synonim.org, представляющему список синонимов и количественные показатели их включения в словари. На запрос “застолье” сервис представил следующие варианты: гулянка (27), мероприятие (19), обожратушки (14), сабантуй (13), банкет (11), отходняк (11), трапеза (8), гулянье (2), застолица (1). Следует отметить, что при запросе антонимов сервис antonymonline.ru не предоставил ни одного варианта.

Что касается словаря синонимов и антонимов корейского языка, то здесь необходимо отметить, что корейский словарь синонимов не дает такого разнообразия вариантов и не предоставляет количественных данных. На запрос «잔치» – «пиршество» / «застолье», мы получили следующие варианты: 파티 – «вечеринка», 결혼식 – «свадебное торжество», 연회 – «торжество», 향연, 다과회 – «торжество», 무도회 – «радостное событие», 기취지례 – «собрание, совместное пребывание где-либо». Словарь антонимов предоставил один антоним, обозначающий «плохой день» – 나쁜날.

Результатом рефлексии носителей исследуемых языков стал концепт «ЗАСТОЛЬЕ», который включает в себя образ, понятие, оценку. По нашему мнению, следует рассмотреть каждый компонент отдельно.

В образный компонент входят люди, сидящие за столом, угощающие друг друга, поющие песни. В понятийный компонент входят следующие элементы:

собрание людей по определенному поводу, угощение. Оценочный компонент заключается в осознании необходимости самого процесса застолья, отношения к нему. Также имеют значение вербальные и невербальные средства выражения концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в двух лингвокультурах.

Застолье – древнейшее явление во многих культурах, в том числе в исследуемых нами русской и корейской. Застолье представляет собой многогранный феномен, характерный для современных и древних, сложных и простых культур. Данный феномен вызывает интерес не только с точки зрения языка, но и с точки зрения культуры, поскольку ядро и периферия этого концепта представлены достаточно ярко.

В проведении застолья представителями русской и корейской культур можно отметить ряд различий. Они заключаются, во-первых, в допустимой степени опьянения участников застолья. Так, в корейском застолье расценивается как проявление уважения к организатору застолья или к сотрапезникам, если ты в достаточной мере будешь пьян. В противном случае считается, что ты плохо провел время и тебе было неинтересно. В русском же застолье, наоборот, неприлично уходить пьяным. Естественно, что не все застолья проходят одинаково, бывают исключения. Помимо отличий, имеются и схожие моменты в проведении застолья. К ним можно отнести распевание песен и произнесение тостов – данные атрибуты были указаны опрошенными представителями обеих культур в ходе психолингвистических экспериментов.

Таким образом, в результате лексикографического и семантического анализа концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русском и корейском языках нами были обнаружены сходные и различные когнитивные признаки, которые определяют состав рассматриваемого концепта и открывают доступ к его дальнейшему исследованию.

2.2. Методика проведения ассоциативных экспериментов, описание, интерпретация и сравнительный анализ полученных результатов

В работе рассматривается русское и корейское застолье как одна из культурных доминант жизни общества, человека, государства.

Необходимость определения сходств и различий концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русском и корейском языках предопределила проведение свободного и направленного ассоциативных экспериментов.

Так как концепт является универсальным специфическим условным раздражителем, который вызывает различные реакции, нами было решено выявить ассоциации, связанные с концептом «ЗАСТОЛЬЕ» в языковом сознании носителей русского и корейского языков.

Эксперименты по выявлению ассоциаций, связанных с исследуемым концептом «ЗАСТОЛЬЕ», проведенные нами, позволили выявить информацию, находящуюся в памяти носителей языка.

В свободном ассоциативном эксперименте респондентам предлагалось (не задумываясь) написать первое слово или словосочетание, которое придет на ум на стимул «застолье». Инструкция давалась на родном для реципиентов языке, что отвечает требованиям к проведению эксперимента. Русским информантам была предложена следующая инструкция на русском языке: «Напишите первую ассоциацию, возникающую у вас на слово “застолье”». Такая же инструкция была дана южнокорейским респондентам на корейском языке: «잔치에 관련된 먼저 생긴 단어를 써 주세요». Эксперимент проводился в письменной форме. Участникам из Северной Кореи была дана инструкция на корейском языке: «잔치에 관련된 먼저 생긴 단어를 말해 주세요», и эксперимент в данном случае проводился в устной форме.

Помимо свободного ассоциативного эксперимента для более глубокого изучения концепта и более полного выявления ассоциаций, связанных с

концептом «ЗАСТОЛЬЕ» в русской лингвокультуре и “пиршество” (잔치) в корейской лингвокультуре, нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент. Испытуемым предлагалось написать ассоциации, связанные у них со словом “застолье”. В данном случае испытуемые во времени не ограничивались. Инструкция давалась в письменной форме и на родных языках: «Укажите все ассоциации в порядке ранжирования, которые возникнут у вас на слово “застолье” и «잔치에 관련된 모두 단어들 을 써 주세요».

В проведенных психолингвистических экспериментах приняло участие 560 испытуемых в возрасте 18-40 лет. Участниками эксперимента с русской стороны (300 человек) стали студенты различных специальностей Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема – 150 человек, студенты Дальневосточного государственного гуманитарного университета – 40 человек, студенты медицинского колледжа города Биробиджана – 80 человек, сотрудники Биробиджанской таможни – 30 человек. С корейской стороны в экспериментах участвовало 260 человек: граждане Южной Кореи – 230 человек. Из них студенты университета Сонгюнгван (г. Сеул) – 130 человек, университет Сонмун – 50 человек, университет Кендон г. Сокчхо – 50 человек. Также в эксперименте приняли участие граждане Северной Кореи – 30 человек. Неравномерное число испытуемых объясняется разными условиями возможности проведения экспериментов.

Отказы от ответа не были зафиксированы ни в одном случае. Этот факт дает возможность предположить, что концепт «ЗАСТОЛЬЕ» находится в активной зоне сознания представителей корейского и русского этносов. Все ассоциаты, в том числе и единичные, учитывались при обработке данных. После проведения анализа частотности ассоциатов были выявлены ядро (его составили реакции, поступившие от более чем 20 % испытуемых), периферия (от 10 % до 20 %), индивидуальные ассоциаты.

Далее представим и проанализируем результаты проведенных экспериментов.

2.2.1. Концепт «ЗАСТОЛЬЕ» в прямом ассоциативном эксперименте; интерпретация результатов эксперимента в рамках русской и корейской языковых картин мира

Было обработано 310 анкет: 150 анкет с ответами русских испытуемых и 160 анкет с ответами корейских (в том числе 30 анкет – северокорейских) испытуемых.

Для удобства восприятия реакции, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента, мы представили в табличной форме.

Реакции, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента со стимулом «застолье» у русских и корейских реципиентов

Таблица 1

Носители русского языка

№	Реакция	Совпадения
1	Алкоголь	40
2	Еда	30
3	Друзья	13
4	Праздник	7
5	Веселье	6
6	Повод	5
7	Новый Год	5
8	Салаты	4
9	Радость	4
10	Тосты	4
11	Выпивка	4
12	Разговоры	4
13	Стол	3
14	Огурцы	3
15	Шум	3
16	Оливье	2

17	Встреча	2
18	Воспоминания	2
19	Похмелье	2
20	Объедание	2
21	Готовка	1
22	Селедка под шубой	1
23	Картошка	1
24	Болтовня	1
25	Одноклассники	1

Носители корейского языка (южнокорейский)

Таблица 2

№	Реакция	Совпадения
1	Алкоголь 술	25
2	Еда 음식	20
3	Подарок 선물	15
4	Друзья 친구	12
5	Кафе 식당	10
6	Весело 즐겁게	7
7	Семья 가족	7
8	Отдых 휴식	7
9	Тосты 축배	6
10	Родственники 친척	6
11	Танцы 춤	6
12	Праздник 휴일	4

13	Песни 노래	3
14	Шум 풍풍	2

В целом в результате эксперимента было получено разное количество реакций у испытуемых: у русских – 25, у корейских – 14.

Далее, в таблице 3, мы выделили совпавшие и уникальные реакции. Анализируя ассоциации, мы сочли возможным соединить некоторые из них, так как они либо не отличаются принципиально, либо близки по смыслу.

Таблица 3

Сводная таблица реакций носителей русского и корейского языков (южнокорейский)

	Ассоциации		Количество реакций	
	общие	Уникальные	русские	Корейские
	Алкоголь		40	25
	Еда		30	20
	Друзья		13	12
	Праздник		7	4
	Веселье/весело		6	7
	Тосты		4	6
	Шум		3	2
		Повод	5	
		Новый год	5	
		Салаты	4	
		Выпивка	4	
		Разговоры	4	
	Радость	4		

	Ассоциации		Количество реакций	
	общие	Уникальные	русские	Корейские
		Стол	3	
		Огурцы	3	
		Оливье	2	
		Встреча	2	
		Воспоминание	2	
		Похмелье	2	
		Объедание	2	
		Одноклассники	1	
		Болтовня	1	
		Готовка	1	
		Селедка под шубой	1	
		Картошка	1	
		Подарок		15
		Кафе		10
		Семья		7
		Отдых		7
		Родственники		6
		Танцы		6
		Песни		3

Далее, в таблицах 4, 5, 6 все полученные реакции мы попытались объединить в тематические группы, выявив как общие, так и уникальные, обозначенные только корейскими или русскими реципиентами.

Таблица 4

Общие группы

№	Наименование группы	Лексема	Количество реакций	
			русские	корейские
1	Выпивка	Алкоголь	40	25
		Выпивка	4	
		Похмелье	2	
2	Пища	Еда	30	20
		Салаты	4	
		Оливье	2	
		Объедание	2	
		Селедка под шубой	1	
		Картошка	1	
		Огурцы	3	
3	Компания	Друзья	13	12
		Одноклассники	1	
		Семья		7
		Родственники		6
4	Повод	Праздник	7	4
		Повод	5	
		Новый Год	5	
		Отдых		7
		Встреча	2	
5	Атмосфера застолья	Тосты	4	6
		Разговоры	4	
		Веселье	6	7
		Воспоминания	2	
		Шум	3	2

№	Наименование группы	Лексема	Количество реакций	
			русские	корейские
		Радость	4	
		Болтовня	1	
		Танцы		6
		Песни		3

Таблица 5

Уникальные группы

обозначенные только русскими реципиентами

№	Наименование группы	Лексема	Количество реакций
1	Атрибутика застолья	Стол	3
2	Хлопоты	Готовка	1

Таблица 6

обозначенные только корейскими реципиентами

№	Наименование группы	Лексема	Количество реакций
1	Место проведения застолья	Кафе	10
2	Подарки	Подарок	15

Далее рассмотрим полученные реакции, выявим и проанализируем их возникновение у русских и корейских испытуемых, попробуем определить соответствия и различия в языковых картинах мира носителей русского и корейского языков на материале концепта «ЗАСТОЛЬЕ».

Проанализируем совпавшую атрибутику застолья в русской и корейской языковых картинах мира.

«Алко́голь» (술), «выпивка». Такой ответ дали 40 русских и 18 корейских реципиентов. Спиртное является важным компонентом застолья в обеих лингвокультурах. Оно не в меньшей степени, чем другие компоненты, олицетворяет его. В русском застолье считается обязательным употребление спиртных напитков. В корейской культуре считается бескультурьем, если гость отказывается выпить с хозяином дома. Праздничное застолье и спиртное для обеих культур – вещи практически неразделимые. Большинство пьющих во время застолья русских людей вовсе не жаждут алкоголя как такового: в основном люди ходят в гости, собираются на дни рождения, гуляют на свадьбах, выезжают на пикники, отмечают праздники все-таки не ради вина и водки, а ради ощущения веселья, радости, счастья от общения с дорогими сердцу людьми. Распитие спиртного (술) «суль» в Южной Корее – один из самых распространенных и общепризнанных способов познакомиться, завести новых друзей, просто выговориться о наболевшем, разрешить конфликты, «поплакаться в жилетку», расставить все точки над «i» в отношениях, сделать коллектив более сплоченным, решить многие вопросы. Возможно, таким способом корейцы пытаются избежать стрессов от многочисленных запретов и правил, условностей традиций жестко иерархизированного и структурированного корейского общества, которые они обязаны всегда и везде строго соблюдать.

Алкоголь как в корейской, так и в русской культуре занимает особое место. Для русских людей алкоголь является способом раскрепощения, в процессе общения они становятся более открытыми, между ними возникает единоподушие, благодаря которому процесс застолья проходит более легко. В корейской культуре алкоголь выступает в роли показателя уважения гостей к хозяину дома: не принято отвечать отказом на приглашение хозяина дома выпить стаканчик «суль» (술) (алкоголя).

«Еда» (음식), «объедание». Атрибут «еда» (음식) играет важную роль и входит в ядро языковой картины мира русского и корейского народов. Еда

составляет важную часть существования человека. Особенности традиций, связанных с едой, имеют отражение в языке. Ни одно застолье не может обойтись без обильно накрытого стола, который ломится от различных яств. Вкусная и красиво поданная еда создает настроение, характер мероприятия.

В каждой компании и каждой семье существует блюдо, которое является фирменным атрибутом любого застолья. Культура русского народа вообще и культура русской еды в частности неразрывно связаны с застольем.

Как и в русской культуре, в корейской культуре любое застолье принято сопровождать обилием блюд. Существуют обязательные атрибуты на столе, без которых невозможно представить ни один корейский стол. Эти блюда связаны с историей корейской культуры. Ярким представлением корейской языковой картины мира является лексема «кимчхи» (김치), то есть корейская квашеная капуста. Это блюдо является визитной карточкой корейской кухни, оно включено в перечень всемирного наследия ЮНЕСКО. Оно присутствует в каждом корейском застолье. Рис («паб», 밥) является еще одним важным блюдом корейской кухни и частью корейской языковой картины мира. Корейцы считают, что в годы войны именно рис спас их жизни. В кафе и ресторанах кимчхи и рис подают бесплатно.

Также имеет большое значение последовательность принятия пищи. В Корее не принято оставлять недоеденное в своей тарелке, это считается оскорблением людей, погибших во время голода. Корейцы очень бережно, уважительно и даже трепетно относятся к пище.

«Компания», «друзья» (친구), «встреча», «воспоминания», «одноклассники», «болтовня», «разговоры». В русской культуре дружба немислима без застолья. Дружеские отношения являются одними из самых значимых в жизни русского человека. Старинная русская пословица гласит: «Старый друг лучше новых двух». Русские люди по своей природе веселые, с открытой душой. Поэтому, на подсознательном уровне, они стараются дружить с

людьми веселого нрава, остроумными, отзывчивыми и незлобными. Друзья познаются не только в горе, но и в радости.

В корейской лингвокультуре много пословиц относительно друзей и дружбы. Например, **우정은 돈과 같아서 버는 것보다 간직하는 것이 더 어렵다** (Дружба – это одна душа на двоих). Дружба необходима каждому: и ребенку, и старому человеку, и женщинам, и мужчинам, и богатому бизнесмену. Для русского человека друг – это тот, кто рядом и в беде, и в счастье, тот, кто поможет, посоветует и просто выслушает. Друзья составляют важную часть и корейского застолья, поскольку каждый кореец считает себя частью общества. Даже в языке чаще употребляется местоимение «мы» **우리**, нежели «я» **저/나**. Например, нельзя сказать «моя мама» **제 어머니**; правильно это выражение будет произноситься как «наша мама» **우리 어머니**. Корейское общество, и в XXI веке отчетливо сохраняющее свои крестьянские корни, являет собой особое сообщество, напоминающее семью.

«Повод» (우유). Поводов для застолья у русских людей много: праздники календарные, религиозные, семейные даты, торжества у друзей и знакомых, знаменательные даты у родственников, встречи друзей, однополчан и т. д. Дружбу, деловые отношения, знаменательные дни, свободное время – все русский человек выражает через застолье, потому что для «русской души» всё, что не будни, то повод для праздника, а праздник – это в первую очередь обильно накрытый стол.

«Атмосфера» (분위기), «праздник» (휴일), «веселье» (즐거움). Эти ассоциации оказались в обеих языковых картинах мира по той причине, что веселье является связующим звеном русского и корейского застолий.

У русского человека застолье ассоциируется, конечно же, с праздником, а праздник – это шутки и смех, песни и танцы, подарки и фейерверки, словом, радость и веселье. Поводы для застолья бывают разные, в том числе и печальные,

однако ни в одной анкете нам не встретилось ассоциаций, связанных с грустью и печалью. Это говорит о том, что русские люди в большинстве своем позитивные, веселого нрава, с чувством юмора, с преобладающими положительными эмоциями, любящие жизнь во всех ее проявлениях.

В Корее скучным быть не принято. Корейцы любят повеселиться вне зависимости от возраста и профессии. Корейцы, когда человек вдруг становится серьезным или скучным, говорят: *아재처럼 되지 마세요*, что означает «Не веди себя как Аджэ» (Аджэ – уважительное обращение к мужчине или женщине старшего возраста). Сама культура не позволяет корейцам быть скучными, и они при любом удобном случае веселятся. Взрослые корейцы любят отдыхать и веселиться в парках, на аттракционах, в аквапарках. Туда ходят не только с детьми, мужьями или женами, но и в одиночку, что считается вполне приемлемым.

Праздник всегда сопровождается позитивным настроем, повышенной эмоциональностью, желанием украшать, преобразовывать, облагораживать себя и окружающее пространство, дарить и получать радость. Праздничные дни – некий разрыв в повседневности, противопоставление будням, обычной, рутинной жизни. В людях происходит мобилизация всех сил на то, чтобы эти дни были отмечены как можно лучше. Люди стараются создать себе и своим любимым праздник, даже за счет утяжеления и осложнения будней. Человек сотворяет для себя иллюзию беззаботности, благосостояния и благополучия и все праздничные дни (да и в подготовительный период тоже) живет в мире этой иллюзии. Может быть, это и не плохо, ведь мечты являются в какой-то степени энергетическим зарядом, катализатором стремления к более успешной, благополучной и состоятельной жизни.

Для русских людей праздник – это не просто «красный день календаря», а состояние души. Праздник всегда наполнен внутренним смыслом. В праздничные дни в душе человека просыпается и ликует всё детское, желание

испытать неизведанное, возвращается свежесть восприятия, сердце как бы вновь открывается для всего светлого, чистого и искреннего.

Далее мы рассмотрим ассоциации, полученные в ходе эксперимента с северокорейскими реципиентами.

Таблица 7

Реакции, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента со стимулом «ЗАСТОЛЬЕ» у северокорейских реципиентов

№	Реакция	Совпадения
1	Семья 가족	11
2	Традиции 전통	7
3	Кимчхи 김치	5
3	Веселье 질거움	4
4	Еда 음식	2
5	Подарок 선물	1

Ниже мы попытались определить возможные причины указания именно этих реакций.

«Семья» (가족). Для каждого человека самым главным, что есть в жизни, является семья. Невозможно прожить без тепла домашнего очага, без любви и ласки, которой могут окружить только самые близкие люди, без родных лиц, которые всегда поддержат в трудную минуту. Именно семейный очаг и взаимоотношения в семье для каждой корейской семьи стоят на первом месте. Традиции и обычаи, заложенные далекими предками, каждая корейская семья хранит и свято оберегает. В настоящее время, даже проживая в благоустроенных квартирах в многоэтажных домах, обычаи и традиции семейных отношений корейцы все так же строго соблюдают. Семья для корейца – это святыня, дом – святое место, которое всегда должно оставаться чистым, вследствие этого ходить

в обуви строго запрещено. В корейских семьях дети никогда не нарушают родительских запретов, потому что для корейской семьи почитание отца и матери остается на первом месте. Каждая семья всегда рада встретить гостей и к их приходу накрывает красивый стол, который ломится от самых лучших блюд, потому что все корейские женщины прекрасные хозяйки.

«Традиции» (천통). По утверждению самих корейцев, проживающих на территории Северной Кореи, абсолютно во всем, что они делают, присутствуют традиции, и застолье не является исключением. Рассадка членов семьи и гостей за столом – своего рода ритуал, который напрямую имеет отношение к древним корейским традициям.

«Веселье» (즐거움). Существует стереотип, что северные корейцы слишком строго относятся ко всем вещам. Застолье в кругу семьи и друзей является одним из поводов расслабиться и отдохнуть.

«Корейская капуста» (김치). Как и для южных корейцев, корейская национальная квашеная капуста играет большую роль в жизни северных корейцев. Она служит обязательным атрибутом на всех застольях корейцев.

«Подарок» (선물). У корейцев поводами проводить застолье и в то же время дарить подарки являются дни рождения, государственные праздники и многое другое. Каждое застолье сопровождается вручением подарка хозяину дома или обменом подарками между гостями и хозяевами [Каллаур 2018: 96].

На основании реакций северокорейских участников эксперимента установлено, что в ядро концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в северокорейской культуре входят понятия, выражаемые лексемами «семья» (가족), «традиции» (천통), «корейская капуста» (김치), «веселье» (즐거움). Периферию составили предметы и явления, представленные лексемами «еда» (음식), «подарок» (선물).

Далее мы попытались определить общие реакции [Каллаур 2018: 96] в русской, южно-корейской и северокорейской языковых картинах мира. Таким образом, общие ассоциации во всех трех ЯКМ составили: еда (음식) и веселье (즐거움).

Наличие именно этих двух ассоциаций во всех трех ЯКМ связано, возможно, с тем, что у русских и у корейцев застолье – это повод для веселья, отдыха, возможность расслабиться после напряженных трудовых будней; а любое застолье также во всех трех ЯКМ невозможно без обильно накрытого стола.

Несмотря на то, что дети для корейцев являются главным стимулом к жизненной активности, в ответах северных корейцев не встретилось указаний на праздники 백일찬치 Пэгильчанчхи и 돌찬치 Тольчанчхи, в отличие от ответов южных корейцев. Возможно, эти праздники были заменены одной общей лексемой «семья» или «традиции» [Каллаур 2018: 122].

В результате проведенного эксперимента было установлено, что существенное значение для русской и корейской культур имеет концепт «ЗАСТОЛЬЕ» – сложное, многогранное формирование. Он выявляет общие, универсальные и самобытные национальные черты, которые обуславливают культурную, историческую, религиозную и мифологическую специфичность языковой картины мира русского и корейского народов, фрагментом которой является концепт «ЗАСТОЛЬЕ». Он включает в свой состав образы, стереотипы, символы, воззрения, отображающие своеобразие национального восприятия мира и менталитета, конструкцию культурных и социальных отношений и присущие русской и корейской культурам обычаи и традиции.

2.2.2. Концепт «ЗАСТОЛЬЕ» в направленном ассоциативном эксперименте; интерпретация результатов эксперимента в русской и корейской языковых картин мира

Проведенный с носителями русского и корейского языков направленный ассоциативный эксперимент позволил более глубоко проанализировать восприятие носителями двух языков явления «застолье» [Каллаур 2013: 276], так как испытуемыми были представлены не упомянутые в прямом ассоциативном эксперименте реакции. Для более точного восприятия все данные занесены в таблицу. Ниже даны обоснования появления этих реакций.

Таблица 8

Ранжирование реакций, полученных при проведении отсроченного ассоциативного эксперимента (русские реципиенты)

Реакция		Количество реакций, указанных русскими реципиентами, по степени значимости					
		1	2	3	4	5	6
Явления	Количество реакций						
Еда	52	22	12	9	6	3	0
Алкоголь	48	20	11	10	3	0	4
Веселье	44	18	12	8	4	2	0
Праздник	40	12	10	7	6	5	0
Новый год	31	12	8	7	4	0	0
Компания	30	6	5	9	5	5	0
Гости	25	6	4	5	9	1	0
Шутки	11	0	0	5	3	3	0
Радость	9	0	3	0	0	0	6
Танцы	8	0	4	2	0	2	0
Огурец	6	0	0	2	3	1	0
Стол	5	0	2	1	1	1	0
Шум	5	0	0	0	0	0	5
Разговоры	4	0	1	0	1	1	1

Народ	3	0	0	0	0	1	2
Похмелье	2	0	0	0	1	1	0

Рассмотрим подробнее причины, по которым реципиенты могли дать наибольшее количество ответов (не объясняются лексемы, которые были рассмотрены в вышеописанном эксперименте) [Каллаур 2013: 277].

Лексема «праздник». Русские праздники – это всегда многолюдные, зрелищные, яркие мероприятия. Сейчас мы отмечаем не только традиционные праздники, история которых уходит в глубь веков, но и современные. Все большую популярность не только среди христиан, представителей иных конфессий, а также среди атеистов, приобретают русские православные праздники, которые сегодня перестают быть исключительно религиозными. Русские очень любят праздники: и католическую Пасху, и Хэллоуин, и День Святого Патрика, и Песах, и другие. Праздники, традиционные они или современные, – это непременно радость и веселье. Русские праздники – как русский характер – светлые, широкие, с раздольным весельем и легкой грустью. Вот некоторые из них: Православное Рождество (7 января) – в этот день все верующие отмечают рождение Иисуса Христа от Девы Марии; Крещение Господне (19 января) – христианский праздник, в этот день произошло крещение в реке Иордан Иисуса Христа; Масленица (дата зависит от даты Пасхи) – один из наиболее широко отмечаемых праздников, который символизирует приход весны; в течение недели люди устраивают массовые гуляния, пекут и едят блины, обязательно сжигают чучело зимы; Татьянин день (25 января) – православный праздник, ставший со временем светским, день памяти Татьяны Римской, христианской мученицы; после учреждения Московского университета этот праздник стал еще и днем российского студенчества; Пасха (день вычисляют по лунно-солнечному календарю) – православный праздник, один из самых почитаемых русскими людьми, он олицетворяет воскрешение Иисуса Христа; у православных верующих Пасха – праздник праздников и торжество из торжеств.

Лексема «огурец». В зависимости от особенностей национальной кухни самая популярная закуска для спиртного у каждого народа своя. Русская закуска под водку традиционно подбирается по принципу: закуска должна быть либо горячей, либо соленой (острой). Русские любят закусывать водку горячим борщом, мясом (шашлыком с дымком) и т. п. Существует множество вариантов закусок, но именно огурец стал незаменимым атрибутом застолья.

Лексема «танец». Танец, как ничто другое, характеризует русского человека: желание дарить радость себе и окружающим, необузданное веселье и широкая душа. Задорные пляски и колоритные национальные костюмы, активные движения и прыжки, смех и юмор – все это выражается в русском народном танце. На протяжении всей истории человека танцы присутствовали в его жизни обязательно: древние люди исполняли свои дикие ритуальные танцы, мало какой советский человек не умел танцевать вальс. Сегодня русские люди тоже танцуют: на дискотеках, в танцзалах, ресторанах, дома, поодиночке и в компаниях, на конкурсах и праздниках. Люди танцуют, потому что танцы привносят в жизнь новые яркие краски, делают ее интереснее и насыщеннее.

Таблица 9

**Ранжирование реакций, полученных при проведении
отсроченного ассоциативного эксперимента (корейские реципиенты)**

Реакция		Количество реакций, указанных корейскими реципиентами, по степени значимости					
Явления	Количество реакций						
		1	2	3	4	5	6
Алкоголь 술	56	30	16	6	4	0	0
Еда 음식	42	22	14	6	0	0	0
Подарок 선물	36	14	10	10	2	0	0
Пэгийльчанчхи	22	8	9	5	0	0	0

Реакция		Количество реакций, указанных корейскими реципиентами, по степени значимости					
Явления	Количество реакций						
		1	2	3	4	5	6
백일잔치							
Тольчанчи 돌잔치	22	9	8	5	0	0	0
60 – летие 환갑/ 회갑	20	6	4	4	2	4	0
Песня 노래	19	4	5	3	3	4	0
Туалетная бумага 휴식	16	2	4	3	5	1	1
Ресторан 식당	13	0	3	4	3	1	2
Вечеринка 파티	10	2	1	0	4	3	0
Шум 풍풍	5	0	3	2	0	0	0
Цветы 꽃	4	0	0	3	1	0	0
Новоселье 집들이	2	0	0	0	0	1	1

Благодаря глубоким, прочным традициям и уникальной культуре формируется образ современной Кореи [Каллаур 2013: 277]. В стране увеличилось число людей, решивших обратиться к своим корням, так как жизнь корейцев обрела стабильность благодаря росту материального благополучия и образованности населения. Чтобы понять сегодняшний день страны, необходимо узнать об особенностях этих традиций и обычаев, так как многие черты, характерные для культуры Южной Кореи, своими корнями уходят в далекую историю. Традиционная культура занимает важное место в духовной жизни корейцев. Обряды сопровождают все значимые моменты в жизни людей, от рождения до самой смерти. Обрядовые действия имеют символический характер,

благодаря чему выполняют функции приобщения людей к национальным традициям и в значительной степени определяют этническую специфику корейского народа. Корейцы традиционно уделяют большое внимание вопросам, связанным с приемом пищи, поэтому в корейском культурном контексте тема застолья, еды имеет особое звучание. Исследование культурно-символических смыслов застолья и всего, что с ним связано, способствует пониманию национальной ментальности, так как этнические нормы и обычаи питания составляют значительный пласт национальной культуры Кореи. Застолье для корейцев означает намного больше, чем просто способ насытить организм.

По результатам эксперимента нами были определены следующие общие атрибуты, характерные как для корейского, так и для русского застолья: алкоголь (술), еда (음식), шум (퐁퐁) и разновидности праздников: в корейской культуре «Пэгильчанчхи» (백일잔치), «Тольчанчи» (돌잔치); «Хвегап» / «Хвангап» (회갑/환갑), в русской культуре – «Новый год». Каждый из перечисленных праздников имеет особое значение в исследуемых культурах [Каллаур 2013: 276].

Стоит остановиться на возможных причинах указания опрошенными именно этих праздников.

«Праздник Пэгильчанчхи» (백일잔치: 백 – досл. «100», 잔치 – «пиршество») – сто дней со дня рождения ребенка. Первый в жизни ребенка день рождения связан с историей Кореи. В годы войны процент младенческой смертности был высоким, из-за голода младенцы не доживали и до 3 месяцев. Большой радостью в семье было, если ребенок перешагивал этот порог и доживал до 100 дней. Традиция праздновать эту дату сохранилась до наших дней. Для корейцев это очень пышный праздник. Все члены семьи надевают национальные корейские костюмы «ханбок» (한복), ребенка одевают в красивую яркую одежду, символизирующую здоровье и яркую светлую жизнь, накрывают богатый стол. Гости приносят родителям и самому ребенку подарки,

символизирующие что-то светлое и яркое. Где бы ни жили корейцы, они всегда следуют своим обычаям и бережно хранят свою историю, поэтому празднование 100 дней после рождения ребенка – неременное условие корейского социума [Каллаур 2019: 158 - 159]. Корейцы утверждают, что Пэгильчанчхи очень важен еще и потому, что в сотый день после рождения у ребенка зарождается душа. А чтобы она окончательно сформировалась, ему надо создать семью и родить детей. Только после этого душа становится взрослой. К атрибутике корейского национального праздника Пэгильчанчхи (백일찬치) корейцы относят следующее: 파티 (вечеринка), 전통 (традиции), 아이 (ребенок), 선물 (подарок), 한복 (ханбок – традиционный корейский костюм).

«Тольчанчхи» (돌잔치:돌 – «год», 잔치– «пиршество, праздник») – 1 год со дня рождения ребенка. Для каждого корейца это не менее важный повод устроить застолье. Первый день рождения для корейцев имеет особое значение – именно с этого дня малыш начинает по-настоящему считаться человеком. Эту дату отмечают в каждой корейской семье [Каллаур 2019: 160]. Считается, что чем многочисленнее будет в доме, чем богаче будут накрыты столы, тем более полной и счастливой будет жизнь ребенка. Атрибутику национального праздника Тольчанчхи (돌잔치) составляют: 선택 (выбор), 부모 (родители), 전통 (традиции), 아이 (ребенок), 선물 (подарок), 한복 (ханбок – традиционный корейский костюм), 음식 (еда), 미래 (будущее), 풍풍 (шум), 파티(вечеринка).

«Шестидесятилетие» «Хвегап» / «Хвангап» (회갑/환갑). Еще один важный для каждого корейца праздник – шестидесятилетие. Считается, что в шестьдесят лет завершается первый жизненный цикл человека и начинается второй, начинается вторая жизнь. По поверью, второй жизненный цикл завершается в 120 лет и так далее. Как и все наиболее важные события, шестидесятилетие отмечается пышно, с богатым столом и традиционными

блюдами. Обязательными на столе являются рис и кимчхи, которые, как было отмечено ранее, являются символами спасения и жизни для корейского народа. Согласно полученным реакциям, корейцы этот праздник связывают с вечеринкой (파티), едой (음식), мамой (엄마), папой (아버지), семьей (가족), алкоголем (술), друзьями (친구).

Также мы выделили уникальные, характерные только для определенной культуры атрибуты, которые указали реципиенты К атрибутам, принадлежащим только корейской культуре, относятся: песня (노래), туалетная бумага (휴지), ресторан (식당), вечеринка (파티), шум (퐁퐁), цветы (꽃), новоселье (집들) [Каллаур 2014: 112].

«Песня» (노래) представляет особую составляющую корейской культуры. Через песню корейцы передают эмоции, чувства, настроение, историю. Ни одно застолье и ни один праздник не обходятся без традиционных народных песен.

«Туалетная бумага» (휴지). В Южной Корее на новоселье любят преподносить подарки с символическим значением, например туалетную бумагу как пожелание долгой, чистой, светлой жизни; стиральный порошок и мыло (비누), дающие пену, которая символизирует материальный доход: чем больше пены, тем выше благосостояние дома; спички (일치), так как огонь – символ процветания и богатства. Обычно дарят целую упаковку, а то и две-три, хозяину на будущее.

«Новоселье» (집들이). В Сеуле очень высокая плотность населения. В столице Южной Кореи проживает около 12 миллионов человек, поэтому очевидно, что там остро стоит вопрос дефицита жилья. Недвижимость в Южной Корее не делится на многочисленные классы, просто есть дорогая и доступная. Сегодня многие сеульцы предпочитают покупать жилье в пригородах, которые

связаны со столицей высокоскоростными транспортными системами: железной дорогой, бесветофорными автомагистралями, линиями метрополитена. Приобретенное жилье может быть как полноценной квартирой, так и домом по типу общежития. В частных двух-, трехэтажных домах, в коттеджах в одинаковых условиях и на равных правах могут проживать и привилегированная элита, и средний класс, и бедные слои. Но, несмотря на то, что сегодня в Сеуле можно купить относительно недорогую квартиру, жилье по-прежнему остается неподъемным приобретением для многих корейцев, особенно для молодых людей. Но квартиру можно снять: аренда жилья вполне доступна даже для студентов. Вот почему, если семья заезжает в новую квартиру, то это большой праздник для них и их близких. Обязательно устраивается традиционное изобильное праздничное застолье, дарятся подарки, произносятся пожелания, звучат тосты. Примечательно, что подарки, поднесенные на новоселье, нельзя передаривать или продавать: корейцы считают, что иначе благополучие, изобилие уйдут из дома вместе с подарками.

«Вечеринка» (ㅍㅍE|). В выходные дни молодые сеульцы стараются выйти из дома, в частности, любят посещать клубные вечеринки. В клубах царит дружелюбная и легкая атмосфера, в которой можно расслабиться и отдохнуть. Молодые люди, не стесняясь, танцуют под любимые мелодии, даже если не очень хорошо владеют техникой танцевальных движений. Во многих клубах воссоздана атмосфера настоящей сеульской клубной ночи во всей ее ультрамодной привлекательности. Помещения имеют прекрасные интерьеры и достойное техническое оснащение, хороший звук. В ночных клубах обычно два зала, в обоих звучит музыка, нередко в каждом – своя. Организаторы стараются на каждую вечеринку приготовить что-то новое, приглашают выступить кавер-команды, а огненное шоу, которое нередко показывают бармены, способно удивить и расшевелить даже самого хмурого гостя. Хозяева вечеринок стараются делать все, чтобы любой пришедший мог отдохнуть и повеселиться в свое удовольствие.

«Цветы» (꽃). Еще совсем недавно южнокорейские мужчины не дарили женщинам цветы, но под влиянием Запада в Южной Корее постепенно укрепляется обычай преподносить женщинам букеты. Пока цветы не имеют для корейской женщины того особого романтического смысла, который придают букетам россиянки. Практичные корейки рассуждают просто: цветы стоят недешево, а вянут быстро, так зачем они нужны? Показательно, что в одной корейской рекламе звучит фраза: «Здравомыслящая женщина – это та, которая букету из ста роз предпочтет простое “люблю”». Думается, правда, что одного «люблю» корейке, конечно, будет недостаточно, и она предпочтет розам золотое колечко или платье – это обычные подарки любимой девушке в Корее. В Южной Корее нельзя дарить белые хризантемы и астры, так как эти цветы считаются похоронными, их не дарят по радостным поводам. В Корее красный цвет ассоциируется с кровью и смертью – нельзя дарить красные розы. Нельзя дарить 4 цветка, так как числительное «четыре» на корейском звучит так же, как «смерть». Не принято дарить цветы малознакомым девушкам – у них может быть аллергия на пыльцу или резкие запахи. Дарить четное число цветов в Корее считается совершенно нормальным. Однако дарить цветы в Корее все же не особенно принято: чаще всего их приносят на похороны, при выписке из больницы и преподносят при предложении руки и сердца.

Несомненно, цветы для русских играют большую роль, для них это больше, чем просто цветы, однако, в ответах русских реципиентов данный атрибут указан не был.

К атрибутам, характерным для русского застолья, можно отнести: гостей, танцы, компанию, разговоры, веселье, шутки, огурцы, стол, радость, народ и похмелье. Атрибутику корейского застолья составили: вечеринка, цветы, туалетная бумага, песня, танцы.

Далее все указанные участниками эксперимента атрибуты застолья мы попытались разделить на тематические группы.

Были выделены общие группы, характерные как для русского, так и для корейского застолья, а также мы смогли выделить уникальные для каждой культуры группы. Общими группами стали: *выпивка*, куда вошла лексема «алкоголь», *пища*, вошедшая в нее лексема «еда», а в русской культуре добавлена лексема «огурец», группа *праздник*, в которую вошли лексемы «праздник», «Новый год» и лексемы корейского языка «Пэгильчанчхи» (백일잔치) – «100 дней со дня рождения ребенка», «Тольчанчи»(돌잔치) – «1 год со дня рождения ребенка», «Хвангап» / «Хвегап» (환갑/회갑) – «шестидесятилетие», «новоселье» (집들이); группа *шум*, в которую вошли лексемы «вечеринка» (파티), «шум» (퐁퐁), «песня» (노래) в корейском языке и «шум», «танцы» в русском.

Уникальными группами в русской языковой картине мира стали группы: *эмоции*, включающие лексемы «веселье» и «радость»; *физическое состояние* с лексемой «похмелье»; группа *люди*: лексемы «компания», «народ», «гости»; группа, обозначающая *предмет*, с лексемой «стол»; группа *беседа*, в которую входят лексемы «шутки», «разговоры». Корейскую языковую картину мира представили группы: *подарок* (лексемы «туалетная бумага» (휴지), «подарок» (선물), «цветы» (꽃), *место* (лексема «ресторан»)(식당) [Каллаур 2013: 278].

Проанализировав результаты эксперимента без учета ранжирования на последовательность реакций, мы выделили ядро и периферию исследуемого концепта в двух языках. Ядро концепта образуют ассоциации, которые составляют не менее 20 % от всех данных реакций.

Для упрощения понимания представим схематично ядро и периферию концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русской и корейской языковых картинах мира (рисунки 2 – 5).

Рисунок 2. Ядро корейской языковой картины мира

Рисунок 3. Периферия корейской языковой картины мира

Рисунок 4. Ядро русской языковой картины мира

Рисунок 5. Периферия русской языковой картины мира

Как показано на рисунке 2, ядро концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в корейской культуре составили лексемы «алкоголь» (술), «еда» (음식), «подарок» (선물). На рисунке 3 представлена периферия рассматриваемого концепта в корейской языковой картине мира: ее составили названия национальных корейских

праздников «Пэгильчанчхи» (백일잔치), «Гольчанчи» (돌잔치), », «Хвангап» / «Хвегап» (환갑/회갑), а также лексемы «песня» (노래), «туалетная бумага» (휴지), «ресторан» (식당), «вечеринка» (파티), «шум» (퐁퐁), «цветы» (꽃), «новоселье» (집들이).

Рисунок 4 репрезентирует ядро концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русской языковой картине мира: в него вошли языковые единицы «еда», «алкоголь», «веселье», «праздник». Периферия концепта, представленная на рисунке 5, образована лексемами «Новый год», «компания», «гости», «шутки», «радость», «танцы», «огурцы», «стол», «шум», «разговоры», «народ», «похмелье».

Примечательно, что ассоциации, полученные при проведении прямого ассоциативного эксперимента, совпадают с ассоциациями, полученными в ходе направленного ассоциативного эксперимента.

Таким образом, проведенные психолингвистические эксперименты позволили выявить доминирующие средства выражения концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русской и корейской языковых картинах мир. Так, согласно результатам прямого ассоциативного эксперимента, в русской и корейской языковых картинах мира общими и наиболее ярко выраженными средствами являются «алкоголь» / 술 и «еда» / 음식. Эти элементы оказались в ядре исследуемых картин мира. Уникальными, ярко выраженными средствами выражения концепта «ЗАСТОЛЬЕ», находящимися в ядре русской языковой картине мира являются «веселье», «праздник»; уникальными атрибутами, находящимися в ядре корейской языковой картине мира являются «선물» (подарок).

Кроме того, эксперименты позволили определить специфичные средства выражения концепта «ЗАСТОЛЬЕ», характерные для одной языковой картины мира. К таким средствам выражения концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русской лингвокультуре относятся «Новый год», «компания», «гости», «шутки», «радость», «танцы», «огурцы», «стол», «шум», «разговоры», «народ»,

«похмелье». Уникальными средствами выражения исследуемого концепта в корейской языковой картине мира явились следующие атрибуты: национальные праздники «Пэгильчанчхи» (백일잔치), «Тольчанчи» (돌잔치), «Хвангап» / «Хвегап» (환갑/회갑), а также лексемы «песня» (노래), «туалетная бумага» (휴지), «ресторан» (식당), «вечеринка» (파티), «шум» (퐁퐁), «цветы» (꽃), «новоселье» (집들이).

Анализируя результаты данного эксперимента, можно отметить, что фрагменты языковой картины мира, сформированные через концепт «ЗАСТОЛЬЕ» в русской и корейской языковых картинах мира, в достаточной степени близки. Несовпадение по ряду номинаций, характеризующих концепт «ЗАСТОЛЬЕ» в русском и корейском языках, вызвано разной значимостью атрибутов застолья, которые неизбежно присутствуют в обеих культурах, однако обладают разной ценностной характеристикой.

2.3. Представление национальных праздников через сценарий «застолье» в русской и корейской языковых картинах мира

Сценарий является своего рода когнитивной структурой, которая отражает денотативную ситуацию в развитии, в последовательном разворачивании ее элементов во времени и пространстве.

Сценарий в исследовании концепта «ЗАСТОЛЬЕ» является, на наш взгляд, неотъемлемой частью исследования, поскольку он выступает в качестве целостной структуры, дает более полное представление об исследуемом концепте.

Сценарий является способом проследить иерархически организованную структуру, а также исследовать детали концепта «ЗАСТОЛЬЕ».

Языковой материал, собранный в ходе работы над диссертационным исследованием, показал, что сценарий застолья в русской и корейской культурах имеет определенную структуру: приглашение, встреча, само застолье, прощание.

Проанализируем структуру сценариев праздников и выявим общее и уникальное в каждой из рассматриваемых лингвокультур.

В корейской культуре существуют так называемые «Четыре стола», которые должны быть в жизни каждого корейца и которые празднуются по всем старинным обычаям: Пэгильчанчхи 백일잔치 (100 дней со дня рождения ребенка), Тольчанчхи 돌잔치 (1 год со дня рождения ребенка), свадьба (홀례), «Хвангап» / «Хвегап» (환갑/회갑) (шестидесятилетие). По мнению корейцев, именно эти торжества определяют жизненный цикл человека. Обычай «четырёх столов» способствует сохранению национальных традиций, сплачивает корейскую семью, делает ее дружной, монолитной. Где бы ни жили корейцы, они всегда следуют своим обычаям и бережно хранят историческую память, поэтому праздники обязательно присутствуют в жизни каждого корейца, это непереносимое условие общества.

Рассмотрим подробнее «третий стол», то есть сценарий застолья по случаю свадьбы.

Первый этап – оформление приглашения (초대).

Текст приглашения не отличается от русского оригинальностью и чем-то особенным. Приглашение на свадьбу содержит дату, имена вступающих в брак, подчеркивает искренность их намерения связать свои жизни. Сам бланк приглашения может быть оформлен как в традиционном корейском стиле, так и в современном. Корейская культура испытывает сильное влияние западной культуры [Каллаур 2019: 161], поэтому никого не удивит приглашение, оформленное по западному образцу.

Многие тексты посвящены значению свадьбы в жизни корейца:

1. -결혼식은 혼인이나 비슷한 경우로 두 사람이 결합할 때 치르는 행사이며, 종교적 주관자나 정부 허가의 세속적 절차로 시행될 수 있다. 결혼식은 제 3 자에 의해 진행되지만, 많은 종교전통에서 결혼에 대해 두 사람이 선서하게 하고, 하객들의 목격, 지지, 정당화를 함께 한다 (*Свадьба – это событие, в которое вступают в брак два человека или это похожее событие; может проводиться как религиозное мероприятие, так и как светская процедура, разрешенная правительством. Свадьба проводится третьей стороной, но во многих религиозных традициях два человека дают клятву о браке*) [박영슈, 2006: 112].

В корейской культуре существуют свадебные традиции, которые необходимо соблюдать:

혼례는 결혼식의 유교적 절차를 이르는 이름이며, 혼은 서, 인은 처를 말하는 것으로 본래 혼시에 성례를 이룬다는 뜻이다. 결혼 연령이 고대에는 남자 30 세, 여자 20 세까지였으나 근세에는 남자 15 세, 여자 14 세 (혹은 12 세) 이상일 때 허락이 되었다. (*Брак – это название конфуцианской процедуры брака, и это означает, что таинство совершается во время брака, первоначально путем обращения к книге души и книге духа души. Сейчас принято вступать в брак мужчинам, начиная с 30 лет, женщинам с 20 лет. В древние времена мужчина должен был жениться в 15 лет, женщина – выйти замуж в 14 лет. Иногда в брак вступали в 12-летнем возрасте*) [박영슈, 2006: 115].

Второй этап – ритуал подготовки.

- 유교 전통에 따르면, "치년아"는 결혼식을 축하하기 위해서 신랑이 신부를 데리고 자신의 집으로 데려가려고 하는 일부입니다 (*Согласно*

конфуцианской традиции жених должен отправиться за невестой в ее дом и забрать ее оттуда).

Здесь прослеживается сходство с русской культурой, когда жених отправляется в дом невесты, чтобы оттуда вместе с ней уехать в ЗАГС. **[남영신, 2002: 300].**

Перед началом процесса бракосочетания как в корейской, так и в русской культуре необходимо провести своего рода обряд. Отличие заключается в содержании самого обряда [Каллаур 2019: 162].

2. -결혼식은 신부와 신랑 하나 됨에 따라 행사로 시작 합니다. 치넨에서 신부와 신랑은 술 세 잔을 마 십니다. 취한 각 유리에는 그것의 자신의 상징주의가있다 (*Свадьба начинается с обряда, согласно которому жених и невеста становятся единым целым. В Чинен жених и невеста выпивают три бокала спиртного. Каждый выпитый бокал имеет свою символику*) **[남영신, 2002: 315].**

3. 행사 기간 동안, 신부와 신랑은 마시는 세 가지 잔의 알코올입니다. «칩레» 라고 설명하는 첫 컵을 상징하는 맹세하여 하늘과 땅, 두 번째 결혼을 맹세하는 그의 아내, 그리고 보호하고 위에 생활합니다 (*Во время церемонии жених и невеста должны выпить три бокала алкоголя. Первый бокал символизирует клятву небом и землей, второй – брачный обет жене*) **[남영신, 2002: 320].**

Существует символическое значение третьей чаши. Третью чашу пьют только из половинок расколотой тыквы; супруги обмениваются этими ковшиками, выпивают их содержимое, а затем соединяют половинки.

세 번째로 컵을 사용하는 버킷의 반쪽 두 분리 호박-바가지; 신부와 신랑버킷,마시는 자신의 내용과 다시 연결합니다 (*Третий бокал означает воссоединение жениха и невесты*) [남영신, 2002: 320].

Половина тыквы и последующее соединение означают объединение в единое целое. Это символ того, что в мире существует у человека только одна половинка, только один человек может подойти другому и только с одним человеком можно стать одним целым.

Следующий пример указывает на важность тыквы как символа единого целого [Каллаур 2019: 162].

호박은 반쪽 아마는 것을 의미한 세계에서 모든 사람이 하나만 있 적합 반만에 의해 연결되는 완벽한다. 전통적으로,같은 버킷으로 장식,빨간색 및 파란색 스레드에 걸쳐 있었에 천장에서 신부 객실 결혼식 후,그래서 그 때마다 문제가 있었에서 혼인 관계에서 찾고,이러한 물통,그들은 영적인 힘과 화목하라는 것입니다 (*Половинки тыквы как символ того, что в мире у каждого человека есть вторая половина, которые соединятся в идеальное для них время*) [남영신, 2002: 320].

Далее идет процесс самого торжества

Третий этап – торжество.

В рассматриваемом этапе отдельная церемония – приезд новобрачных.

Этот обряд отличает традиционное свадебное застолье корейского народа от русского. Согласно этому обряду, после объединения, жених и невеста спускаются во двор, но раздельно [Каллаур 2019: 162].

결혼식 행진을 내려가면 단계로 인접해 있습니다. 앞서 소년의 손전등으로 다음,신랑,신부입니다. 이것은 또한 비슷하게 산출의 신부와 신랑에서는

현대적인 웨스턴 웨딩니다 (*Сначала идут дети с фонарями, которые освещают молодым дорогу, потом идет жених, а за ним следует невеста*). [남영신, 2002: 318].

Данный отрывок указывает на некое сходство с западной культурой. Жених и невеста занимают места за столом к востоку и западу от стола).

1) 한 장소로 각각 동쪽과 서쪽을 테이블, 신랑과 신부, 그들의 손을 씻을 정화하는 몸과 마음, 그리고 다음 활습니다 (*К востоку и западу от стола жених и невеста моют руки, чтобы очистить тело и разум, а затем кланяются*) [남영신, 2002: 319].

Этот обряд имеет название «кёбэре» (겨베레), что в переводе означает «обмен поклонами», обряд символизирует вечную любовь, мир и согласие.

3) 첫째로, 신부, 지원 양쪽에 손에 의해 만든 두 개의 활 신랑, 후에는 신랑은 하나를 활 수 있습니다. 그때 신부가 다시 만드는 두 개의 리본, 그리고 신랑은 응답을 한다. 앞서 소년의 손전등으로 다음, 신랑, 신부입니다 (*Сначала поклон совершает невеста, затем, поклон делает жених. Затем невеста снова делает два поклона, жених отвечает на поклоны*) [남영신, 2002: 319].

Такое количество четных и нечетных поклонов объясняется тем, что женщина символизирует «инь», поэтому она делает два поклона, а мужчина символизирует «ян», поэтому он делает один поклон)

전통적인 결혼식 한국인들은 말하지 않는 혼인서약을 교환하지 않습니다.

신랑과 신부의 앞에서서 각각 기타, 나비, 그리고 다음을 가져, 그의 입술의 양동이 호박 박반, 눈을 따라서, 지 않고 큰 소리로 말로, 각 다른 약속이 함께 한 그의 삶의 나머지 부분입니다 [남영신, 2002: 321].

Традиционная корейская свадьба не подразумевает обмена брачными клятвами и словесными обещаниями. Считается, что после обмена поклонами и выпивания трех чаш жених и невеста соединяются друг с другом на всю жизнь.

В корейской культуре торжество продолжается сразу после ритуала бракосочетания.

행사가 열린 안뜰은 다양한 기호로 장식되어 있으며 길고 행복한 삶을 의미합니다. 테이블에는 길고 행복한 삶의 상징을 나타내는 요리도 있습니다. (*Двор, где проходила церемония, украшают различной символикой, которая означает долгую и счастливую жизнь. На столы выставляют блюда, выражающие символику долгой и счастливой жизни*) [박영숙, 2006: 120].

В качестве такой символики выступают корейские орехи «ююба» (유유바) как символ долголетия. Также обязательным атрибутом на свадебном столе является курица (치킨) как символ плодовитости, каштаны (밤) как символ счастья. В приведенном примере говорится о том, что не только стол украшен, но и само место, в котором происходит застолье. И каждое украшение имеет свою символику. Например, бамбук (대나무) и сосна (소나무) являются символами честности и верности. С древних времен сохранилась традиция ставить синюю и красную свечи как символы «инь» и «ян», символы мужского и женского начал, луны и солнца, земли и неба.

Что касается состава участников застолья, то проанализированный материал позволяет сделать вывод, что ограничений по возрасту нет. На мероприятиях в качестве участников застолья могут присутствовать и дети любого возраста.

Особое внимание уделяется поздравлениям. Существует много вариантов свадебных поздравлений, выражающих пожелания процветания рода и благополучия только что родившейся семьи. Кстати, в этом есть сходство с русской свадьбой [Каллаур 2019: 159].

Следующий праздник – Пэгильчанчхи, или 100 дней со дня рождения ребенка. Где бы ни жили корейцы, они всегда хранят свои обычаи, поэтому празднование 100 дней после рождения ребенка является обязательным.

Первый этап – оформление приглашения.

Оформлению приглашения в корейской культуре уделяется большое внимание. В приглашении на любое торжество указывается повод, место и время проведения мероприятия и подчеркивается, что присутствие на торжестве того, кому адресовано приглашение, очень значимо и важно для приглашающей стороны.

Рассмотрим стандартные формулировки, которые используются в корейской лингвокультуре при оформлении приглашения.

- ...의탄생을알려드리게되어기쁩니다. (*Мы рады объявить Вам о рождении...*) [박영숙, 2006: 317]. Используется при оформлении приглашения на рождение ребенка [Каллаур 2019: 160].

10 개의 손가락과 10 개의 발가락.... 저희 가족이 한 명 늘었습니다. ...와 ...는의 탄생을 알려드리게 되어 행복합니다 (*В нашей семье прибавление!!!! И мы рады сообщить вам о рождении...*) [박영숙, 2006: 350].

- 와주 신다면 매우 감사합니다.- (*Мы будем очень рады, если Вы придете*) [박영숙, 2006: 350]. Обычно эта фраза ставится в конце приглашения с целью подчеркнуть значимость гостей [Каллаур 2019: 161].

Еще один этап – определение места проведения застолья.

В Корее традиционные праздники, особенно сто дней со дня рождения Пэгильчанчхи (백일잔치), год со дня рождения ребенка – Тольчанчхи (돌잔치), принято отмечать дома в кругу семьи [Каллаур 2019: 159].

В доме главного участника торжества собираются все приглашенные гости и родственники малыша.

1) 주인이 손님에게 베푸는 대접은 손님으로 서값아야하는 부채가 된다. 그런원리 가기도의대 전제가되는 것이다 (*Гостеприимство, которое хозяин оказывает гостю, считается долгом хозяина перед гостем*) [Каллаур 2019: 161] [박영슈, 2006: 316].

2)손님, 어른, 신성의 존재로 향연을 받았으면 주인의, 아랫사람의, 세속적인 인간의 소망을 들어주어야한다. 잔치는그런구실을한다[박영슈, 2006: 330]. (*Необходимо прислушиваться к гостю, его пожеланиям и предпочтениям*) [Каллаур 2019: 161].

Данные примеры показывают, что гостеприимство, хорошее настроение, желание угодить гостям – долг хозяина. И гости должны ответить хозяину добрыми пожеланиями и хорошим настроением.

На наш взгляд, в сценарии корейского застолья можно выделить еще один элемент – «ритуал подготовки к торжеству», так как подготовка к корейскому застолью – своего рода ритуал, которому уделяется большое внимание.

Например, на «Пэгильчанчхи» на стол ставятся традиционные корейские блюда и предметы, каждый из которых имеет свою символику: рис как символ изобилия, деньги как символ богатства.

축하품으로는 돈·쌀·흰 실·국수 등이 주종을 이루며, 외할머니는 포대기·수저·밥그릇 등을 선물한다[박영슈, 2006: 333]. (*К праздничным изделиям относятся деньги, рис, белая нить и лапша, а бабушка или мать расставляет на столе конфеты, столовые приборы и чаши для риса*).

백일상에는 여러 종류의 떡과 과일 및 음식이 풍성하게 차려지며, 아기의 장수와 복을 비는 뜻으로 흰 신타래와 쌀이 놓여진다[박영슈, 2006: 342].. (*Различные виды рисовых лепешек и фрукты означают процветание, а белые*

нитки и рис – долголетие и благосостояние ребенка на его празднике Пэгильчанчхи).

3) 떡 케이크나 생일 케이크를 준비할 수도 있지만, 이미 준비한 음식들이 많아 애물단지가 될 것 같으면 장식용으로 예쁜 클레이 케이크를 대여해 파티 분위기만 연출하는 용도로 써도 좋다[박영슈, 2006: 342]. *(Вы также можете готовить рисовые лепешки и торты на день рождения, но если вы думаете, что будет приготовлено много еды, вы можете купить симпатичный глиняный торт для украшения и использовать его для создания атмосферы вечеринки).*

Приведенные примеры иллюстрируют тщательность подготовки к праздничному застолью [Каллаур 2019: 160 -161].

- 머리 숱이 많아지고 검게 자라라고 배넷 머리의 일부를 깎아주기도 한다. 이때머리는고마가 깎아 주면 조다고하는 속신 있다[박영슈, 2006: 343]. *(Перед праздником тетья, пришедшая на праздник, должна постричь ребенка, чтобы жизнь ребенка была чистой, светлой и здоровой).*

Данный ритуал считается особенным, потому что он не присутствует больше ни на одном корейском празднике. В примере описывается ритуальная подготовка к празднику Пэгильчанчхи [Каллаур 2019: 161].

- 축하가 시작되었을 때, 모든 관심이 생일 남자에게 주어졌다. 생일 소년은 전통적으로 축제의 빛의 옷을 입고 테이블 중앙에 앉았습니다. 우리에게는 많은 요리가있었습니다. 각각의 생일 선물은 생일 축하연을 상징했습니다. 축하의 한가운데서 사진 촬영이 시작되었습니다. 손님과 손님 모두가 피곤함과주의로 이미 잠 들어 있던 계기의 영웅과 사진을 찍었습니다[박영슈, 2006: 344].. *(Когда началось торжество, все внимание было отдано имениннику. Именинник традиционно сидел посреди стола в праздничном светлом наряде. На столе было много блюд, каждое из которых символизировало пожелание имениннику.*

Примерно в середине торжества началось фотографирование. Каждый из гостей, а потом все вместе фотографировались с виновником торжества, который к тому моменту уже засыпал от усталости и такого внимания).

- 늦둥이 윤이 백일했어요. 친정엄마랑 큰아이랑 저랑 셋이 상차림하고 사진찍고 놀았네요. 떡만 해먹고 말려다가 사진찍어주려고 보니 상이 부실해서 가렌드도 사다 걸고 풍선도 붙혔네요. 인형이랑 소품들은 큰딸아이가 협찬했습니다. 안올거 같던 백일이 오기는 오네요 [박영숙, 2006: 344].
(Родители стали фотографировать. Я пытался сделать фото с куском торта).

Обязательным атрибутом в современном корейском застолье, особенно семейном, является фотоаппарат. Данные примеры подчеркивают важность события для людей и их желание запечатлеть его на фотографиях. Ведь фотография сохраняет не только сам момент торжества, но и эмоции, которые люди испытывали на мероприятии.

Следующий этап – само застолье.

두 번째 단계의 축제, 아산디는 축제에서 식사를 명예의 사랑하는 아니다. 연회를 시작한 후에 즉시의 첫 번째 단계 홀리데이, 때로는 끝나는 밤입니다. 을 축하하하 아산디 될 수 있는 어디서나 편리하게 가족의 생일을 맞은 아니다. 두 번째 단계의 축제, 아산디는 축제에서 식사를 명예의 사랑하는 아니다. 연회를 시작한 후에 즉시의 첫 번째 단계 홀리데이, 때로는 끝나는 밤입니다. 을 축하하하 아산디 될 수 있는 어디서나 편리하게 가족의 생일을 맞은 아니다 [박영숙, 2006: 350]. *(Вторая стадия празднования – это праздничное застолье в честь любимого малыша. Банкет начинается сразу после первой стадии праздника и заканчивается иногда даже ночью).*

테이블에는 음식이 가득했습니다. 보모가 건강 할 것입니다. 손님이 모든 음식을 먹었습니다[박영숙, 2006: 350]. (*Стол ломился от еды. Наш малыш будет очень здоровым. Гости съели всю еду. Мы довольны*) [Каллаур 2019: 162].

Данный пример иллюстрирует обилие блюд на торжестве и доказывает символичность каждого блюда.

Заключительный этап – прощание.

Гости прощаются с хозяином дома, используя этикетные формулы и еще раз выражая пожелания здоровья и долгой жизни малышу.

Необходимо отметить, что на празднике Пэгильчанчхи расстановка блюд и их употребление имеют свое значение. Каждое блюдо символизирует доброе пожелание: здоровья имениннику, здоровья родителям, усердия и счастливой долгой жизни. Например, паровые хлебцы (증기 처마) – пожелание ребенку благополучия, здоровья и счастья в его будущей жизни; рис (밥) – здоровья и долголетия. Помещение обязательно должно быть украшено в белые цвета, что тоже имеет свою символику. Главная роль на торжестве отводится малышу; другие дети могут присутствовать на мероприятии, но только как гости, им уделяется гораздо меньше внимания.

Также необходимо отметить, что есть песня, посвященная празднику Пэгильчанчхи.

우리처음만났던날이

바로어제같은데

그시간은멈추지않고흐르고흘러

거짓말처럼바로 100 일이됐네요

하루하루더행복했죠

함께라서, 하나뿐인그대라서

그 땀향한 내 사랑은 더 커져만 가네요
내 100 일이 그대의 100 일이 되어
하나의 추억이 되고
그 추억이 추억이 하나씩 쌓여만 갈수록
내 100 일이 그대의 100 일이 되어
하나의 사랑이 되고
그대와 나의 사랑은 더 단단해질 거예요
100 일 100 일 100 일 축하해요
100 일 100 일 100 일 축하해요
내 100 일이 그대의 100 일이 되어
하나의 추억이 되고
그 추억이 추억이 하나씩 쌓여만 갈수록
내 100 일이 그대의 100 일이 되어
하나의 사랑이 되고
그대와 나의 사랑은 더 단단해질 거예요 [박영숙, 2006: 360].

Это песня-рассказ о первой встрече матери и ребенка, о большой любви матери к малышу. Песня выступает в качестве наставления малышу на жизнь.

Рассмотрим сценарий следующего торжества – Тольчанчхи 돌잔치 (1 год со дня рождения).

Можно выделить четыре этапа проведения торжества: приглашение, повод, ритуальная подготовка и само застолье.

Первый этап – приглашение.

Как отмечалось выше, в корейской культуре гостям уделяется особое внимание, поэтому к оформлению приглашения [Каллаур 2019: 160] корейцы подходят особенно тщательно:

4. ...일, ...에 ...에서하는모임에함께하시면참좋겠습니다 [이어령, 2007: 55]. (*Мы были бы рады, если бы вы присоединились к нам ... числа, в..., на ...*)

...에친절히초대하고싶습니다 [박영슈, 2006: 60]. (*...сердечно приглашаем вас...*)

와주신다면매우감사하겠습니다[이어령, 2007: 60]. (*Мы бы очень хотели, чтобы вы пришли...*)

...일, ...에돌집치에서하는모임에함께하시면참좋겠습니다 [박영슈, 2006: 72]. (*Мы рады пригласить вас ... числа на праздник по случаю Тольчанчхи*).

Следующий этап: ритуальная подготовка.

- 돌잔치도 이와 비슷하지만, 돌잔치에는 미역·백미·실 등을 올린 삼신상부터 차린다. 특히 돌잔치 때는 돌상을 차린다 [이어령, 2007: 56]. (*Тольчанчхи начинается с обряда благодарения – подношения риса и супа добрым духам Самсин и Хальмони*).

Особую роль в праздновании играет ритуал, который называется «выбор будущего». Его обязательно проводят до начала самого торжества.

2) 돌상에는 백설기와 수수팥떡을 놓는다. 또 여러 가지 과일을 함께 놓기도 하지만, 쌀·돈·책·연필·무명실 등을 놓기도 하고, 여자아이의 경우는 자나 바늘을 놓기도 한다 [이어령, 2007: 61]. (*На Тольчанчхи готовят пирог из белого риса как символ долголетия. Помимо этого, на столе стоят фрукты, рис, лежат деньги, книги, карандаши, хлопчатобумажные простыни и другие вещи*).

3) 쌀이나 돈을 집으면 부유하고, 책이나 연필을 집으면 학문을 하여 귀하게 되며, 무명실을 집으면 오래 살고, 여자아이의 경우 자나 바늘을 집으면 바느질을 잘한다고 한다. 돌잔치 선물로는 금반지가 일반적이다 [이어령, 2007: 61] (*Если обряд проводится с девочкой, то на столе должен обязательно присутствовать набор игл, чтобы сшить благополучие*).

이것은 아이를 돌상앞에 앉혀 무엇을 집는지를 보고 장래를 점치기 위한 것인데, ‘돌잔치’라고 부르는 이 풍습은 하나이다 [이어령, 2007: 62] (*Это создается для того, чтобы ребенок, сидя в центре стола, мог отчетливо увидеть свое будущее*).

Самым волнующим на празднике является момент, когда ребенок сам символически предсказывает свое будущее. Виновника торжества усаживают в центре стола, раскладывают перед ним несколько предметов – символов его будущего. Корейцы считают: какой предмет ребенок возьмет в руки, такая судьба его ждет. Например, нитки – символ долголетия, карандаш или ручка – знак хорошей учебы, деньги и рис – символ материального благополучия, будет богатым; если книгу или кисть для письма – станет ученым; кинжал – военным; рисовые лепешки – ребенку суждено быть государственным чиновником; а если выберет пряжу – ребенка ждет долгая жизнь и т.д.

Еще одним важным моментом в ритуале служит время.

여기는 어린이용 테이블, 친척과 친구들을 위한 연회. 특히 오후 12시까지 통과해야 하는 첫 번째 휴가에 주의를 기울이십시오 [이어령, 2007: 63] (*Особое внимание стоит обратить на то, что ритуал должен пройти до 12 часов дня*).

아침에는 좋은 영혼이 가장 많이 활동한다고 믿어집니다 [이어령, 2007: 77] (*Добрые духи наиболее активны*).

6) 따라서 점심 전에 표현 된 소원은 당연히 저녁보다 더 실현 될 가능성이 큼니다. 자료의 사용은 하이퍼 링크에서만 허용됩니다[이어령, 2007: 78] (*Пожелания, высказанные до обеда, сбудутся намного раньше*).

따라서점심전에표현된소원은당연히저녁보다더실현될가능성이큼니다. 자료의사용은하이퍼링크에서만허용됩니다 [이어령, 2007: 63] (*Пожелания, высказанные до обеда, скорее сбудутся, чем высказанные вечером*).

Эти примеры раскрывают ритуал подготовки к празднику. И главная ее часть – это сервировка стола и расстановка блюд [Каллаур 2019: 161-162].

- 한국인들 사이에 믿음이 있습니다. 소녀들은 일찍 테이블을 세워서 "늙은 여자"에 머물지 않도록 조심하십시오. 그리고 남자 아이들은 너무 일찍 결혼하지 않기 위해 조금 늦게 앉아야합니다 (*Среди корейцев есть обычай. Девочки накрывают стол рано, чтобы вовремя выйти замуж. И мальчики должны сидеть немного дольше, чтобы не жениться слишком рано*) [이어령, 2007: 70].

Считается, что чем раньше для девочки накроют стол, тем раньше она выйдет замуж. А мальчикам наоборот. Необходимо, чтобы он сначала построил карьеру.

Отдельное внимание уделяется подготовке самого ребенка:

아기에 게는 그전에 주로 입혔던 흰옷을 벗기고 빛깔있는 옷을 처음으로 입힌다 [이어령, 2007: 73] (*С ребенка снимают одежду, которая ранее была на нем, и надевают на него светлую, красивую одежду*).

В данном примере описывается, что на праздник по случаю дня рождения следует на ребенка надевать новую, светлую и в то же время яркую одежду как символ яркой и светлой жизни [Каллаур 2019: 160-161]. Особый подход к выбору одежды на праздник Тольчанчхи говорит о тщательной подготовке и особой торжественности события.

Рассмотрим еще один ритуал, связанный с подготовкой ребенка к празднованию.

- 머리 솜이 많아지고 검게 잘자라라고 배넷 머리의 일부를 깎아 주기도 한다.

이때머리는 고모 가깎아주면 좋다고하는 속신이 있다 [**국젓학국언어문화학회: 2005: 5**]. (*Чтобы волосы хорошо росли, необходимо подстричь голову*).

Данный ритуал для корейцев очень важен, поскольку согласно поверью, чтобы у ребенка хорошо сложилась судьба, необходимо совершить этот обряд. В примере описано особое ритуальное действие, которое должны совершать родственники: в данном случае тетя должна постричь ребенку волосы, тем самым как бы дав начало новой жизни.

- 상차림은 준비된 음식과 소품,장식이 분위기를 결정한다. 리본과 꽃장식으로 테이블을 장식하고, 화려한 분위기 연출을 위해 풍선을 벽에 붙이거나 현수막을 건다 [**이어령, 2007: 73**] (*Наряд, реквизит и украшения определяют атмосферу праздника*).

-혼자 앉지 못하는 아이를 위해 범보 의자나 캐리어를 미리 준비한다. 범보 의자는 허리를 가누지 못하는 아이를 안정감 있게 앉힐 수 있어 기념사진 찍기에 좋다 [**이어령, 2007: 73**] (*Стул для малыша готовится заранее, ребенок не может сидеть один. Ему надо выделить определенное место, посадить его за определенный стул, так как он не может сидеть и стоять в стабильном положении. Это делается для того, чтобы сделать хорошую памятную фотографию*).

생 행사에서 아주 아름답습니다-그들이 드레스에서는 새로운 국가 옷(한복),그리고 다음에 앉아서 준비된 테이블의 손에서 자신의 할머니.생 행사에서 아주 아름답습니다-그들이 드레스에서는 새로운 국가 옷(한복),그리고

다음에 앉아서 준비된 테이블의 손에서 자신의 할머니 [박영숙, 2006: 50]
(Именинник на церемонии выглядит очень красиво: он одет в новый ханбок и сидит он на руках у бабушки).

Особое внимание и время уделяется подготовке стола, на котором присутствуют ритуальные блюда.

Для именинника принято накрывать стол с самого раннего утра. Праздничный стол именинника отличается красочностью и многообразием блюд. Обязательными и основными блюдами являются хлебцы **백슬기** («пэгсолги»), фрукты, рисовые паровые хлебцы с начинкой из красной фасоли **산편** («санпхён»). Каждое блюдо несет в себе определенный смысл: паровые хлебцы – пожелания ребенку благополучия в его будущей жизни, здоровья и счастья; красноватый цвет хлебцев из особой муки отгоняет все болезни и защищает ребенка от злых духов; белые паровые хлебцы – символ долголетия и чистоты; ставя на стол изделия из клейкого риса, родители желают своему ребенку быть крепким духом. Рисовые хлебцы пяти цветов (желтый, синий, белый, красный, черный), символизирующие пять вкусовых ощущений (соленый, сладкий, острый, кислый, горький) и пять природных стихий (дерево, вода, металл, земля, огонь), помогают в сохранении гармонии, символизируют надежду родителей, что жизнь их ребенка будет полна ярких красок.

В примерах описывается процесс подготовки к празднику. Рисовый пирог, бамбуковый стул, декорации, еда, подарки – все это включает в себе определенную символику.

Следующий этап – проведение самого застолья.

Существует еще одно поверье, согласно которому считается, что чем больше еды съедят гости, тем дольше проживет ребенок, поэтому столы на этот праздник всегда заполнены едой.

- 더많은사람들이음식을시도,더이상아이가살것이다 (*Чем больше людей попробуют еду, тем дольше проживет ребенок*) [이어령, 2007: 75].

Когда все ритуалы завершены, начинается само застолье. Приглашенные едят разнообразные блюда, выпивают, произносят тосты, в которых желают малышу здоровья, богатства, долгой и счастливой жизни, гости дарят родителям подарки для ребенка, золотые украшения, деньги, одежду; и все вместе радуются, глядя на малыша.

После того как ребенок выбрал предмет, который его больше всего заинтересовал, начинается неофициальная часть праздника: фотосессия с ребенком, провозглашение тостов в честь ребенка и его родителей, исполнение песен.

Атрибутику национального праздника Тольчанчхи (돌잔치) составляют: 선택 (выбор), 부모 (родители), 전통 (традиции), 아이 (ребенок), 선물 (подарок), 한복 (ханбок– традиционный корейский костюм), 음식 (еда), 미래 (будущее), 풍풍 (шум), 파티 (вечеринка).

Следует отметить, что особая роль отводится бабушкам и дедушкам. Они первыми дарят подарок ребенку. Даже на фотографировании бабушки и дедушки стоят в определенном порядке (справа и слева от именинника, которого держит на руках отец).

Последний этап – «прощание».

이축제가 끝나면, 아이의 부모는 손님들과함께 떡 케이크를 주었습니다. 도시조건에서 레스토랑은 규칙 2~3 종류의 쌀빵을 제공합니다 [이어령, 2007: 80] (*Когда заканчивается застолье, на прощание родители дарят гостям лепешки из риса. Если мероприятие проходит в ресторане, то подают 2-3 сорта рисовых лепешек*).

Рассмотрим «четвертый стол», очень важный в жизни каждого корейца – Хвегап (회갑잔치) – шестидесятилетие.

Рассмотрим этапы застолья по случаю праздника Хвегап по схеме «приглашение – ритуал – застолье – прощание».

Итак, первый этап – приглашение. Хотя приглашению в корейской культуре уделяется очень большое внимание, не так много примеров можно привести относительно этого праздника.

Второй этап – ритуал подготовки.

2~3 개월 동안 회갑전에 하루의 영웅의 가장 가까운 친척 묘지를 방문 하고 기념관에 걸어서는 안됩니다. 일본과 마찬가지로 한국인들은 죽음의 에너지가 인간의 몸을 오염시킬 수 있다고 믿는다. 이러한 이유로,당신이 방문 할 수있는 무덤에만 일년에 한 번(최대 두 번) [이어령, 2007: 60] (*В течение 2-3 месяцев до события ближайшие родственники юбиляра не должны посещать кладбище и ходить на поминки. Как и японцы, корейцы верят, что энергия смерти способна загрязнять тело человека. По этой причине посещать могилу можно только один раз в год*).

축하객을 맞이위하여 방이라는 방은 모두 정돈하고 마당에는 차일을 치고 자리를 마련하고, 헛간에까지 도자리를 마련한다 [이어령, 2007: 61] (*Для приема гостей готовят все места в доме: комнаты, двор, сарай*).

환갑날 아침 일찍, 환갑을 맞는 사람은 사당에 들어가 조상선영의 신위에 환갑을 맞이 한것을 고한다 [이어령, 2007: 60] (*Рано утром в день праздника люди идут в храм и молятся духу предков*).

Третий этап – проведение самого застолья.

축제로 시작한다는 사실 어린이의 기념 일과 함께 그들의 배우자, 접근을 자신의 부모님을 의식 할그들 앞에서, 존재그들과함께 선물하고 상징적인 취급합니다 (*Праздник начинается с того, что дети юбиляров вместе с супругами подходят к родителям в торжественном поклоне перед ними, преподносят символические угощения*) [이어령, 2007: 56].

Данный отрывок служит примером того, что праздник начинается с преподнесения подарков и символических угощений родителям, дети юбиляров, поклонившись родителям, подходят к ним.

«이런 경우에 기념 일자 부모, 전체 의식을 시작으로는 기념 일을 표현하기를 부모, 그리고 다음 시작한 실제적인 축하합니다» (*В этом случае родители, у которых годовщина, выражают благодарность всем, а потом начинаются собственно поздравления*) [이어령, 2007: 59].

Данный пример повествует о том, что если родители юбиляров живы, то начало обряда – выражение благодарности и уважения родителям юбиляра, только потом начинается само празднование.

Раньше такой обряд встречался довольно редко, а сейчас гораздо чаще.

«손님 수백에 기념 일에 선물을 줄수 있는 돈을 주기로 결정, 선물은 매우 드물다» (*Сотни гостей решили подарить деньги, чтобы сделать подарок юбиляру, подарки очень редки*) [박영슈, 2006: 84].

Пример повествует о том, что общее количество гостей может достигать сотни человек, и все они приходят юбиляру с подарками. Подарки в качестве вещей или одежды встречаются нечасто, принято дарить деньги.

Относительно последнего этапа – «Прощание» необходимо отметить, что никакого особенного ритуала не существует.

Теперь рассмотрим сценарии русских праздников и попытаемся найти сходства и различия в сценариях двух рассматриваемых культур.

Первое русское торжество, которое мы рассмотрим, – свадьба.

Первый этап – приглашение.

Примерами приглашения на свадьбу могут служить следующие примеры:

1) Дорогие _____ и _____! Приглашаем Вас на торжество, посвященное нашему бракосочетанию, которое состоится _____ в _____ в _____, по адресу: _____. Будем счастливы видеть Вас на нашем празднике! [Свадьба как искусство www.nastyarai.ru].

2) Дорогие _____ и _____!

Мы с огромным удовольствием приглашаем Вас _____ в _____ на регистрацию брака и посвящённое этому событию торжество! [Там же].

Как и в корейской свадьбе, в русской тоже есть свои ритуалы.

Обряд осыпания молодых зерном проводится во время выхода жениха и невесты из дома, где ее выкупили. В некоторых областях России принято в этот момент связывать руку жениха и невесты красивым свадебным полотенцем. Вместе с молодыми выходит и мать невесты. Первой обряд осыпания должна провести мать или близкая родственница невесты. Второй раз осыпают молодоженов уже после их выхода из ЗАГСа или же венчания [Свадьба на Руси www.dailyhoro.ru].

Помимо этого, ритуала, существует еще выкуп, который в современных свадьбах стараются соблюдать.

Следующий этап – застолье.

После официальных мероприятий молодожены с гостями едут обычно в ресторан, где и проходит застолье.

Молодых встречают в ресторане и посыпают крупой и монетами, что символизирует богатство и благополучие. Ещё могут осыпать конфетами (чтобы жизнь была сладкой) и всевозможными блёстками (чтобы всё было ярко и романтично).

Потом родители молодых преподносят им каравай. Это тоже старая русская традиция: от каравайа новоиспеченные муж и жена одновременно откусывают по куску – у кого кусок больше, тот якобы и будет главным в совместной жизни. На Руси со времен язычества круглый свадебный каравай символизировал собой Солнце, то есть Бог – Солнце должен был проявить милость, благословить молодых и взять их под свое покровительство [Там же].

Русская свадьба – это не просто застолье, это «пир на весь мир». В свадебном меню присутствуют разнообразные блюда, в приготовлении которых используют мясо птицы, животных и рыбы. На стол ставят также разнообразные овощи в печёном, свежем и солёном виде.

Дарению подарков на русской свадьбе не уделяется особого внимания, как и на корейской свадьбе. В обеих культурах большая роль отводится свадебным традициям и ритуалам.

Характеризуя последний этап – прощание, отметим, что прощание не имеет на свадьбе большого значения.

В современной России иногда бывает так, что свадебное гулянье длится всю ночь, а утром гости просыпаются, завтракают и разъезжаются по домам.

На наш взгляд, следует сравнить городскую и деревенскую русские свадьбы. Анализ литературы показал, что в проведении деревенской свадьбы есть отличие от проведения городской.

Так, по деревенским обычаям, праздник следует отмечать два или три дня. На второй день молодые должны отправиться в баню, а все приготовления должны лечь на плечи тестя и тещи. Все обычаи и традиции должны быть связаны с родными невесты и жениха. По старому обычаю можно произвести подмену невесты и жениха [Там же].

Мы не могли использовать одно и то же событие в силу того, что в России и в Корее разное отношение к праздникам.

Следующий праздник, который мы рассмотрим, – День рождения. В корейской культуре существует три обязательных Дня рождения, как было отмечено выше. В русской культуре такого строгого предписания нет.

Итак, первый этап – приглашение. В русской культуре на любом дне рождения, детский он или взрослый, в отличие от корейского Дня рождения, оформление приглашения не является строго регламентированным. Приведем примеры возможных формулировок:

1) Спешу Вам сообщить, что ___ (дата) по адресу: ___ состоится торжественное мероприятие в честь моего дня рождения. И Вы на этот праздник, конечно же, приглашены. Поэтому прошу оставить в этот день свои дела и планы и порадовать меня счастливой встречей и добрым поздравлением [Поздравления с днем рождения www.pozdravok.ru].

2) С удовольствием приглашаю тебя на свой день рождения. Хочу сказать лишь одно: этот праздник не будет таким ярким и чудесным, весёлым и счастливым для меня без твоего присутствия. Поэтому, надеюсь, что __ (дата) ты придёшь по адресу: ___ и с доброй улыбкой поздравíš меня [Там же].

3) Скоро я начну свой новый календарь, и в день моего рождения мне было бы очень приятно видеть Вас на этом празднике. А состоится он по адресу: ___ (дата). Пусть ни погода, ни внешние факторы, ни личные дела не смогут стать помехой для нашей встречи и Вашего доброго поздравления [Там же].

Следующий этап празднования дня рождения – само застолье. Следует отметить, что, в зависимости от того, кто празднует день рождения, ребенок или взрослый, само застолье может различаться. Например, если празднует ребенок, то на торжество родители могут пригласить человека в костюме клоуна, мультяшных героев и т.п. Если же день рождения отмечает взрослый человек, то он проводит его в ресторане с друзьями, либо дома с семьей.

1) «Ему исполнилось пятьдесят, и совсем недавно он сам продумал и устроил себе этот пышный день рождения, на котором кто-то пел, и кто-то играл, и кто-то профессионально рассказывал анекдоты, а темноглазая, похожая на него Марина весело произнесла заранее заготовленную фразу» [И. Муравьева. Мещанин во дворянстве].

2) «Пятнадцать человек за столом хохотали: у Веры Васильевны был день рождения» [Там же].

3) Они узнали, что сегодня мой день рождения, и банкет превратился в мой юбилей, меня чествовали [Там же].

Особое место в сценарии дня рождения в русской лингвокультуре занимают поздравления:

1) У Вас сегодня День рождения! Примите же сердечные поздравления от комсомольца Кисина Евгения! [Там же].

2) Поздравляю с днем рождения! Пусть жизнь дарит тебе побольше ярких моментов и сбудутся все твои самые смелые и заветные желания! Желаю, чтобы в твоём доме всегда царили счастье и понимание. И пусть тебя окружают только искренние, верные, надёжные друзья и добрые люди [Поздравления с днем рождения www.pozdravok.ru].

3) С днем рождения! Пусть каждый день приносит радость, улыбки и подарки, пусть все мечты исполняются, а планы реализуются, пусть окружают только искренние люди, преданные друзья, и пусть не будет места для уныния и печалей! [Там же].

Особое место наряду с поздравлениями отводится подаркам:

1) В том же году в день в рождения «дяди Володи» дети преподнесли ему в подарок один из излюбленных камушков с привинченной серебряной пластинкой, на которой гравированная надпись именовала его чемпионом рикошетного спорта [К. И. Чуковский. Короленко в кругу друзей, 1989].

2) Я подарил ему в день рождения три пуговицы из хлеба [А. И. Солженицын. В круге первом, 1990].

Следующие примеры показывают, что день рождения проходит часто в большой компании:

1) Когда примерно через неделю я собрался отмечать свой день рождения, мы с моей женой Милой дружно решили – позовем к себе домой обоих американцев [А. Макаров. Киевские конкистадоры // «Знание – сила», 2008].

2) Как всегда, на мой день рождения собиралась вся наша альпинистская компания, примерно 25 человек [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)].

После официальной процедуры вручения подарков начинается неофициальная часть, которая заключается в пении песен, танцах, развлечениях.

Следует отметить, что, в отличие от корейского сценария празднования дня рождения, где идет все строго по порядку, в русском праздновании дня рождения строгого порядка нет.

Последний этап застолья «прощание» не имеет регламентации. Люди прощаются и договариваются о следующей встрече.

Таким образом, рассмотрение сценариев русских и корейских праздников позволило определить структуру проведения застолья.

Было определено, что картины русской и корейской языковых картин мира существенно отличаются друг от друга.

Так, структура проведения застолья в русской языковой картине мира имеет определенную статичную структуру «приглашение-застолье-прощание». Корейское застолье обладает динамической структурой, в которой, в отличие от русского застолья, имеется элемент «ритуал». Примечательно то, что даже в самом застолье присутствуют элементы ритуала. Таким образом, структура проведения корейского застолья имеет следующую структуру: «приглашение-ритуал-застолье-прощание». Помимо ритуальных действий, к ритуалам застолья относятся различные блюда, например, рис – символ долголетия и светлой жизни.

2.4. Концепт «застолье» в репрезентации национальных корпусов русского и корейского языков

Описание языковых единиц с учетом их частотности в русском и корейском языках является важным для получения целостного представления об исследуемых концептах. Мы считаем необходимым провести анализ статистических данных, извлеченных из национальных корпусов русского и корейского языков.

Рассмотрение содержательного компонента языковой единицы «застолье» в контексте различных литературных источников помогает проследить эволюцию концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в сознании русских и корейцев во второй половине XX и первой трети XXI веков.

Национальный корпус русского языка – это информационно-справочная система, созданная в 2003 году, которая основана на собрании русских текстов в электронной форме, включающая в себя более 600 млн. слов.

Общее количество документов с компонентом «застолье» 427, количество вхождений – 789.

Однако количественный показатель не является исключительным в понимании концепта.

Рассмотрение содержательного компонента языковой единицы «застолье» в контексте различных литературных источников помогает отследить важность соблюдения этапов застолья.

Отметим, при работе с биграмами в НКРЯ наиболее частотными группами сочетания со словом «застолье» явились следующие:

1. Эмоции при проведении застолья: праздничное застолье (6 документов, 6 вхождений); веселое застолье (5 документов, 5 вхождений); любое застолье (3 документа, 3 вхождения); новогоднее застолье (3 документа, 3 вхождения); обычное застолье (3 документа, 3 вхождения); поминальное застолье (5 документов, 5 вхождений); хорошее застолье (3 документа, 3 вхождения); легкое застолье (3 документа, 3 вхождения).

Большая представленность биграмм в данной группе говорит о том, что в русской лингвокультуре процесс застолья связан, в первую очередь с эмоциональной составляющей.

2. Масштабность застолья: пышное застолье (5 документов, 5 вхождений); большое застолье (5 документов, 5 вхождений); обычное застолье (4 документа, 4 вхождения); оживленное застолье (3 документа, 3 вхождения); небольшое застолье (2 документа, 2 вхождения); обильное застолье (2 документа, 2 вхождения); наше застолье (2 документа, 2 вхождения).

Масштабность застолья также может говорить о важности застолья в русской языковой картине мира, поскольку количество приглашенных или присутствующих людей говорит о том, что проводимое застолье имеет в их жизни значение или хозяин дома, в котором проводится застолье, пользуется уважением.

3. Гастрономичность: грузинское застолье (4 документа, 4 вхождения); русское застолье (3 документа, 3 вхождения).

Гастрономичность застолья говорит о том, что данный процесс занимает важное место в каждом этносе.

4. Длительность застолья: большое застолье (5 документов, 5 вхождений), длительное застолье (3 документа, 3 вхождения); долгое застолье (4 документа, 4 вхождения); застолье началось (2 документа, 2 вхождения); небольшое застолье (2 документа, 2 вхождения).

Данная группа не менее важна, чем остальные, поскольку акцентирует внимание на том, что приглашенные гости хотят провести больше времени за застольем.

5. Компания: семейное застолье (3 документа, 3 вхождения); дружеское застолье (3 документа, 2 вхождения).

Выделение застолья в данную группу говорит о том, что процесс застолья играет важную роль как для семьи, так и для друзей.

6. «Застолье» в сочетании с предлогами и союзами: в застолье (73 документа, 52 вхождения); застолье и (25 документов, 25 вхождений); застолье с (21 документ, 20 вхождений); застолье к (3 документа, 3 вхождения).

Количественная представленность концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в Национальном корпусе русского языка выглядит следующим образом:

- этап «Приглашение» представлен 721 единицей;
- этап «Повод» – 561 единицей;
- этап «Застолье» – 476 единицами;
- этап «Прощание» – 152 единицами.

Разная количественная представленность этапов русского застолья говорит о том, что эти этапы формировались в разное время, по разным причинам и значимость их не совпадает.

Наибольшая количественная представленность этапа «приглашение» (721 единица) объясняется тем, что оформлению приглашения уделяется много времени, тем самым этот этап оценивается как важный в русской традиции подготовки к застолью.

На втором месте по количественной представленности этап «повод» (561 единица). Такое количество вхождений объясняется значимостью предпраздничного настроения в процессе подготовки к торжеству, предвкушения самого застолья. Все это играет важную роль в русском застолье.

Наименьшая количественная представленность этапа «прощание» объясняется тем, что в это время не происходит никаких ритуалов, поэтому прощание проходит незамеченным.

Примеры с первым этапом «приглашение» говорят о том, что в Национальном корпусе русского языка зафиксированы не только приглашения на день рождения, свадьбу или юбилей. Приглашения на торжества могут получать люди по любому праздничному поводу.

Во всех проанализированных примерах прослеживаются позитивное настроение и желание хозяина торжества принять гостей. Само по себе приглашение несет праздничное настроение, положительные эмоции. Анализируя представленность данного этапа в литературных источниках, можно сказать о том, что данный этап застолья являлся важным на протяжении всей истории застолья, без этого этапа не обходилось ни одно застолье.

1) Однажды передают мне **приглашение** из деревни: у Ванечки двойной праздник, новоселье и сын родился [Фазиль Искандер. Должники (1968)].

2) Представьте ее удивление, когда спустя месяц Майя принесла ей **приглашение** на бракосочетание [Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)].

3) Когда я оказался в Риме, то позвонил Ксении и получил **приглашение** зайти в гости [Юрий Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь (1999)].

4) Воспользовавшись, очевидно, связями брата жены Богдана Ханенко, «вольный козак» получил **приглашение** на юбилейное торжество в духовной академии и произнес там странное приветствие от имени «донских казаков в Турции» [Анатолий Макаров. Киевские конкистадоры // «Знание – сила», 2008].

5) ...услышала она только сейчас последние слова странной незнакомки и **приглашение** на свадьбу без даты и адреса – «Вас известят!» [Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга третья. Книга Перемен (1998)].

Проанализировав примеры из корпуса русского языка, связанные со следующим этапом застолья – «повод», мы можем отметить, что в большинстве случаев повод нужен, чтобы прийти в гости туда, где проходит торжество:

1) Вечером я пришел. У меня был **повод**. Проходило праздничное застолье [Слава Сэ. Ева (2010)].

3) Новый год – вполне достаточный **повод** для переодевания и вручения подарков [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)].

4) Сейчас у народа по офисам будет **повод**, чтобы отметить этот новый праздник [На работу как на праздник // «Русский репортер», 2009].

Следующий этап – «застолье» – рассматривается с точки зрения продолжительности торжества, наличия разнообразных блюд на столе и с точки зрения настроения на самом торжестве.

Приведем примеры из журналов «Новый мир» (2001) и «Сибирские огни» (2013), в которых мы обнаружили подробное описание застолья:

1) В этот день богатые созывали всех родственников на **застолье**, которое продолжалось до следующего утра [Андрей Волос. Недвижимость // «Новый мир», 2001].

2) Вечером было **застолье**. Море традиционных блюд, коньяка, ликера [Алесь Пашкевич. Сим победиши // «Сибирские огни», 2013].

Помимо этого, обратим внимание на некоторые традиции, которые присутствуют на каждом застолье. Как правило, в Новый год ни одно застолье не

обходится без пения песен и без просмотра фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!», впервые вышедшего на экраны в 1976 году. В настоящее время просмотр этого фильма является своего рода ритуалом новогоднего застолья. В своем произведении «Новый год: праздник или ожидание праздника?» Олег Николаев подтверждает это:

1) «В новогоднюю ночь больше, чем в обычном застолье, смотря телевизор, это уже кажется ритуально предписанным» [Олег Николаев. Новый год: праздник или ожидание праздника? (2008)].

2) «Знатоки иногда дотягивают песню до конца, хоть эти героические усилия и не имеют особого смысла, так как застолье явно охладевает к песне, после того как дружно пропели один или два куплета» [Олег Николаев. «Новый год: праздник или ожидание праздника?» (2008)].

Последнему этапу «прощание» в застолье не уделяется большого внимания. Расставание неким образом связано с грустью и нежеланием уходить, так как хорошо провел время.

1) Думаю, нам всем пора закругляться. Вот и наступило **прощание** [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)].

2) На **прощание** она пожала мне руку и, не отпуская ее, грустно произнесла [Надежда Трофимова. Третье желание «Звезда», 2003].

Проследив репрезентацию проведения застолья в русской языковой картине мира, мы проанализировали таким же образом Национальный корпус корейского языка, используя платформу corpus.korean.go.kr

Создание Национального корпуса на базе корейского языка берет свое начало в Сеуле в 1998 году, в рамках проекта Sejong Project. Проект направлен на создание основных ресурсов для повышения статуса корейского языка. Основными целями корпуса языка является исследование и популяризация корейского языка. В настоящее время Национальный корпус корейского языка включает в себя 43154 текста.

Лексема 잔치 представлена в текстах корейского корпуса в количестве 254 единиц.

Как и при описании данной лексемы в русской языковой картине мира, мы попытались проанализировать данную лексему на материале Национального корпуса корейского языка (국립국어원). Структура Национального корпуса корейского языка отличается от структуры русского корпуса языка.

В отличие от НКРЯ лингвистический корпус не оснащен функцией «биграмм», поэтому не предоставляется возможным рассмотреть корейское застолье с этой точки зрения. Однако мы выделили несколько групп, с которыми лексема 잔치 встречается чаще:

1. Масштабность застолья: 큰잔치 (большое застолье). Данное сочетание встретилось в 23 документах.

Для корейцев важно, чтобы на торжество было приглашено большое количество гостей.

2. Повод проведения застолья: 100 일 잔치 (백일잔치) (Пэгильчанчхи), (17 документов), 돌잔치 (Тольчанчхи) (13 документов); 꽃 잔치 (Праздник по поводу цветения цветов) (5 документов), 칠순 잔치 (70-ти ление) (5 документов), 생일 잔치 (застолье по поводу дня рождения) (7 документов).

В Корее существует множество праздников, которые, в отличие от русской лингвокультуры, сопровождаются проведением застолья. Возможно, поэтому в национальном корпусе корейского языка застолье встретилось в сочетании именно с праздниками.

Проведенный анализ сценария русского и корейского застолья, а также выявления этапов застолья позволяют нам проанализировать важность каждого этапа на материале национальных корпусов.

В отношении корейского застолья можно отметить следующее:

этап «Приглашение» встречается в 164 текстах;

этап «Повод» – 212 текстах;

этап «Ритуал» – 315 текстов;

этап «Застолье» – 283 текста;

этап «Прощание» – 100 текстов.

Такая представленность говорит о том, что значимость повода и самого торжества достаточно велики и ему уделяется гораздо больше времени, нежели оформлению приглашения и прощанию. Также это можно объяснить и тем, что само торжество представляет собой некий ритуал, который в жизни каждого корейца играет большую роль.

Анализ количественной представленности разных этапов застолья в русской и корейской языковых картинах мира свидетельствует о разной значимости этих этапов для данных лингвокультур.

Анализируя тексты корейского языка относительно первого этапа «приглашение», мы обратили внимание на тот факт, что, в отличие от текстов на русском языке, в корейских акцент в большей степени делается на эмоции того, кто получает приглашение. То есть для организатора торжества важно, насколько гость будет рад получить приглашение и прийти на торжество.

1. 초대하셔서 참 감사합니다. 은이미화단의가장큰별이셨고올해 (*Спасибо за ваше приглашение*) [허용안함.고려후기사대부문학연구. 2003].

2. 잔치초대장은역시대두짜이겠어요 (*Я так рад, что получил приглашение на Тольчанчи*) [조선일보기사 2003].

3. 다음달초에있는 그림들로초대전을스케줄을 조정해놓았다고했습니다 (*Он сказал, что в следующем месяце отправит мне приглашение на торжество, чему я очень рад*) [관리자. «지하이야기모음» 1995].

4. 자기결혼식의초청장과부모님의회갑연을위한 초대장을 만들어보시오 (*Сделайте приглашение на свадьбу, пожалуйста. Я буду счастлив получить его*) [날마다축제. 2014].

Рассмотрим теперь первый по значимости для корейцев этап застолья – «ритуал».

Как отмечалось выше, ритуал перед торжеством в жизни каждого корейца играет большую роль. И большую часть времени корейцы уделяют ритуальной подготовке торжеству, подготовке к нему именинника или брачующихся. Такого ритуала не наблюдается в русской культуре – соответственно, он не находит отражения в русской языковой картине мира. Национальный корпус корейского языка подтверждает высокую значимость ритуала:

1. 부모의 축하행사는우리가족에게중요합니다 (Этот ритуал на родительский праздник является важным для нашей семьи) [조선일보기사 1996].

2. 아이의해의의식은일종의동화공연입니다 (Ритуал на год ребенка – это своего рода сказочное представление) [날마다축제. 2014].

3. 이의식을위해우리는자녀와함께실과밥, 펜을사야합니다 (Для этого ритуала надо купить нитки, рис, ручку, чтобы наш ребенок стал счастливым) [허용안함.고려후기사대부문학연구. 2000].

4. 좋은의식-자녀의미래직업선택 (Хороший ритуал – выбор будущей профессии) [허용안함.고려후기사대부문학연구. 2003].

В представлении Национального корпуса корейского языка само застолье не играет ключевой роли, а является следствием ритуальных действий, которые проводились перед торжеством.

1. 잔치네.

조용한놀이논용서할만하지만흥이넘치는가무논허물만더할시끌벅적한부앗집엔
가무잔치 한창이네. (Идет праздник. Спокойно. Танец добавляет веселья)
[관리자. «지하이야기모음» 1995]

2. 드디어본격적인 가족잔치가 시작된다. (В конце концов тихое семейное застолье началось) [날마다축제. 2014].

Последний этап застолья – «прощание». Как и в русский лингвокультуре, в корейской ему не уделяется особого внимания, поэтому значимость этого этапа невелика.

1. 이별에서손님은아기건강을원했고, 부모는가족의안녕을원했습니다
(*На прощание гости пожелали малышу здоровья, родителям пожелали семейного благополучия*) [허용안함.고려후기사대부문학연구. 2003].

2. 한국에서는축하행사를떠나는것이적합하지않습니다 (В Корее не принято уходить с торжества, не сказав: "До свидания")
[허용안함.고려후기사대부문학연구. 2003].

3. 작별의손님에게는밝고장수하기위한케이크가제공됩니다[허용안함.고려후기사대부문학연구. (*На прощание гостям дарят лепешки как пожелание светлой и долгой жизни*)] [허용안함.고려후기사대부문학연구 2003].

Таким образом, анализируя национальные корпуса двух языков, русского и корейского, необходимо отметить, что этапы проведения застолья отличаются друг от друга по степени значимости. Так, в русской языковой картине мира на первом месте стоит этап «приглашение» как желание встретиться с родственниками и друзьями, а также этап «повод» как предвкушение самого застолья. В корейской картине мира самое главное – это ритуальные действия, которые зародились в древности и соблюдаются до сих пор. Ритуальным действиям перед русским застольем не уделяется никакого внимания по той причине, что они просто отсутствуют.

Тем не менее, есть общее в представлении застолья в национальных корпусах двух языков. Так, прощание не является в исследуемых языковых картинах мира важным этапом. Можно говорить о том, что важна сама подготовка к застолью как в русской, так и в корейской традиции, что отражается в обеих языковых картинах мира.

Выводы по главе 2

Анализ проведенных экспериментов, а также привлечение данных национальных корпусов двух языков и сценариев застолья позволили выявить языковую объективность национально-культурных компонентов концепта «застолье» в русской и корейской языковых картинах мира. В процессе работы мы пришли к следующим выводам:

1. По полученным результатам проведенного ассоциативного эксперимента с носителями русского языка мы смогли определить, что как при определении групп ассоциаций, так и при составлении ядра, в русской языковой картине мира основным средством выражения концепта «ЗАСТОЛЬЕ» является лексема «еда», «алкоголь», «веселье», «праздник». Периферию исследуемого концепта, что так же является средством выражения концепта «ЗАСТОЛЬЕ», составили такие лексемы как «Новый год», «компания», «гости», «шутки», «радость», «танцы», «огурцы», «стол», «шум», «разговоры», «народ», «похмелье».

2. Так же в ходе проведения психолингвистических экспериментов нам удалось выявить уникальные группы, характерные только для русской лингвокультуры. К таким группам относятся «стол», «готовка».

3. Направленный ассоциативный эксперимент позволил более глубоко исследовать русскую и корейскую языковые картины мира. Было выявлено, что носители русского языка особое внимание уделяют гастрономической стороне застолья – вероятно, поэтому реципиентами были указаны следующие ассоциации: «огурец», «салаты», «выпивка». Для корейца самыми важными являются праздники, связанные с жизненными этапами человека: 100 дней со дня рождения ребенка – Пэгильчанчхи (백일잔치), 1 год со дня рождения ребенка – Тольчаччи (돌잔치), шестидесятилетие человека – Хвегап (회갑), что доказывает особое отношение корейцев к традициям.

4. Концепт «ЗАСТОЛЬЕ», по результатам психолингвистического эксперимента с испытуемыми из Северной Кореи, показал отличие исследуемого фрагмента в их языковой картине мира от представлений русских и южных корейцев. Так, в ядро концепта «застолье» у носителей корейского языка из Северной Кореи вошли понятия «семья» и «традиции», в то время как ядро концепта у русских и южных корейцев составили понятия «алкоголь» и «еда».

5. Проведенный анализ сценария корейского застолья позволил выявить средства выражения застолья. Основным средством выражения является атрибут «еда», которому в сценарии на этапе «ритуал» отводится особое место.

6. Интересен тот факт, что при анализе сценария русских праздников было замечено, что ритуал, как таковой, присутствует только при проведении свадьбы. Однако, ни один из этапов проведения застолья не выявил атрибутику застолья, которая была обозначена в ассоциативном эксперименте. Тем не менее данный факт не может опровергать то, что обозначенные элементы русского застолья не являются средством выражения концепта «ЗАСТОЛЬЕ»

7. Корпусный анализ исследуемого концепта в русском и корейском языках позволил выявить важность каждого этапа проведения застолья на материалах литературных источников. Было выявлено, что в литературных источниках русского языка большое внимание уделяется этапу «приглашение», однако при исследовании биграмм это не нашло подтверждение. Если соотносить данный результат с результатом психолингвистических экспериментов и сценарием, то можно утверждать, что это так же не нашло подтверждения. Это может служить доказательством факта, что в разную эпоху концепт «ЗАСТОЛЬЕ» воспринимался носителями русского языка по-разному.

8. Результаты корпусного анализа корейского языка показали некоторую схожесть с результатами психолингвистического эксперимента. Так, одинаковой группой во всех трех экспериментах стал «повод»,

«компания», «атмосфера застолья», что входит в периферию исследуемого концепта в корейском языке. Примечательно то, что «алкоголь» и «еда», входящие в ядро концепта «ЗАСТОЛЬЕ», не нашли отражение в корпусе и в сценарии. Однако, следует отметить, что этап ритуал, который в корейской языковой картине мира, согласно сценарию, играет ключевую роль, содержит элемент «рис». Это свидетельствует о том, что представления носителей корейского языка относительно базового блюда корейского народа не менялись со временем.

9. Лексикографический анализ позволил смоделировать семантические поля концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русском и корейском языках. Проведенная работа со словарями позволила найти общее и специфическое в обосновании этих дефиниций в русских и корейских словарях. Так, нами было обнаружено, что в корейском языке нет слова «застолье» как такового, но есть слово «пиршество», при этом анализ корейских толковых словарей позволил нам приравнять эти две дефиниции в связи с тем, что как в русском, так и в корейском языках оба понятия означают трапезу, пир, торжество.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык, являясь социальным феноменом, выступает главной формой сохранения и воспроизведения национальной культуры. В свою очередь культура, которая всегда обусловлена особенностями исторического развития, условиями жизни, традициями конкретного этноса, оказывает непосредственное влияние на любой национальный язык.

При сопоставлении двух языков и культур необходимо учитывать как сами реалии, какими они существуют в действительности, так и их отражение в сознании индивидуума (концепты, смыслы), а также языковые знаки, связывающие эти смыслы (семантика, значение).

Застолье – присущее любому этносу социокультурное явление, которое уходит корнями в самые истоки культуры человека. Из всех ритуализированных форм человеческой деятельности застолье является наиболее устойчивым явлением, которое сопровождает проведение праздников и обрядов. Многие национальные традиции застолья и в современном мире сохраняют исконные, древние элементы.

Культурные ценности, связанные с совместным употреблением пищи, совпадают во многих, казалось бы, очень разных культурах. Это объясняется существованием одинаковых психологических и социальных потребностей людей, независимо от их национальности. Однако при всем сходстве имеются и расхождения в культурном содержании застолья, что обуславливается национальными, историческими и культурными факторами.

Концепт «ЗАСТОЛЬЕ» воссоздает один из многокомпонентных и архаичных видов социальных отношений и манипуляций, координируемых определенными правилами, нормами, традициями, и является системным для всех этносов. Феномен застолья обусловлен этнокультурной, национальной, психологической спецификой, обычаями, традициями, которые обретают субъективные толкования в рамках разных культурно-языковых общностей.

В настоящем диссертационном исследовании проведен анализ репрезентации концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русской и корейской языковых картинах мира. Основу исследования составили, во-первых, материалы русских и корейских словарей, во-вторых, результаты психолингвистических экспериментов, направленных на получение ассоциаций, репрезентирующих семантическое поле концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русском и корейском языках; в-третьих, материалы национальных корпусов русского и корейского языков и исследование сценариев проведения застолья в двух рассматриваемых культурах.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. В ходе анализа лексикографических источников было установлено, что содержание, лежащее в основе концепта «ЗАСТОЛЬЕ», не совпадает в русском и корейском языковом сознании. Так, основу русского концепта «ЗАСТОЛЬЕ» представляет предметное понятие, выраженное лексемой «стол», тогда как в корейской языковой картине мира в основе концепта лежит идея о совместном веселом времяпрепровождении.

2. Проведенные эксперименты позволили определить ключевые средства выражения концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русской и корейской языковых картинах мира. Согласно психолингвистическим экспериментам к таким средствам относятся «алкоголь» и «еда» в русском языке, 술 (алкоголь) и 음식 (еда) в корейском. Эти средства выражения носят универсальный характер, поскольку были обнаружены в обеих исследуемых языковых картинах мира.

К уникальным средствам выражения концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русской языковой картине мира относятся элементы «Новый год», «компания», «гости», «шутки», «радость», «танцы», «огурцы», «стол», «шум», «разговоры», «народ», «похмелье», которые вошли в периферию концепта. В корейской языковой картине мира уникальными средствами выражения концепта «잔치» являются лексемы «Пэгийльчанчхи» (백일잔치), «Тольчанчи» (돌잔치), », «Хвангап» / «Хвегап» (환갑/회갑), а также лексемы «песня» (노래), «туалетная бумага»

(휴지), «ресторан» (식당), «вечеринка» (파티), «шум» (퐁퐁), «цветы» (꽃), «новоселье» (집들이), составляющие периферию корейской языковой картины мира.

3. Изучение сценариев русского и корейского застолья на материале литературных источников, зафиксированных в Национальных корпусах русского и корейского языков, позволило более полно представить концепт «ЗАСТОЛЬЕ» в исследуемых языках. Так, было определено, что сценарий русского застолья носит более статичный характер. Его структура «приглашение-застолье-прощание» в основном, не меняется вне зависимости от праздника. Корейское застолье имеет более развернутую структуру с особым элементом «ритуал»: «приглашение-ритуал-застолье-прощание». Было отмечено, что в проведении застолья играет роль такой элемент как «еда», которому в сценарии корейского застолья отводится ритуальная роль. Здесь мы можем наблюдать общее с психолингвистическими экспериментами с носителями русского языка, в которых элемент «еда» входит в ядро русской языковой картины мира и является одним из основных средств выражения концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русской языковой картине мира.

4. Детальное изучение сценариев концепта в русском и корейском языках доказали динамичность концепта «ЗАСТОЛЬЕ». Было выявлено, что корейцы более тщательно, скрупулезно относятся к подготовке и проведению застолья: об этом свидетельствует наличие этапа «ритуал», который отсутствует в русской культуре.

5. Корпусный анализ исследуемого концепта в корейском языке позволил выявить влияние традиций на смысловое наполнение концепта «ЗАСТОЛЬЕ». Например, традиции, которые складывались на протяжении всей истории Кореи в настоящее время оказывают влияние на празднование так называемых «4 столов». Нарушение последовательности празднования любого корейского праздника в корейской картине мира нежелательно. Было выявлено, сценарий проведения корейского застолья носит динамический характер, что проявляется

в проведении этапа «ритуал», который присутствует во всех национальных праздниках. Корпусный анализ, проводимый для целостного представления концепта «ЗАСТОЛЬЕ» позволил определить важность проведения этапа «ритуал» в корейской языковой картине мира и этапа «приглашение» в русской.

6. Проведенные эксперименты и исследование корпусов и сценариев показали, что в исследуемых языках взаимодействуют как материальное, так и нематериальное. Например, в корейском языке как в корпусах, так и в эксперименте обозначены такие компоненты как «алкоголь» (술), «еда» (음식) (материальное), которые являются главными атрибутами в корейских национальных праздниках Пэгийчанчхи (백일찬지), Тольчанчхи (돌찬지), Хвегап (회갑) (нематериальное). В русском языке еда и алкоголь (материальное) присутствуют при встрече с одноклассниками (нематериальное), от обилия еды и алкоголя (материальное) возникают шум и радость (нематериальное).

Таким образом, анализируя проведенные эксперименты и исследование Национальных корпусов русского и корейского языков следует сделать вывод, что средства выражения концепта «ЗАСТОЛЬЕ» как в русском, так и в корейском языке не нашли очевидного сопряжения между собой, за исключением элемента «음식» (еда) в корейской языковой картине мира, который присутствует как в результатах психолингвистических экспериментов, так и в сценарии застолья на этапе «ритуал», нося ритуальный характер.

Несмотря на то, что традиции играют ключевую роль в жизни корейцев, в жизни современного корейца они не играют существенной роли, исключение составляет еда и все, что с ней связано.

В настоящее время в разных областях науки о языке большое значение имеет исследование языкового сознания носителей разных языков и культур, а также выявление общего и специфичного в их образах мира. Воспринимаемые человеком в процессе разных видов деятельности и общения явления

действительности отображаются в его сознании через впечатления, вызываемые восприятием данных явлений, а также через фиксацию причинных, пространственных, временных связей между явлениями, предметами. Определенная совокупность ассоциаций, связанных с тем или иным явлением, формирует основу концепта, представленного языковыми средствами.

Перспективу исследования проблем, рассмотренных в настоящем диссертационном исследовании, мы связываем с проведением сопоставления представленности в семантическом пространстве русского и корейского языков определенных видов застолья. Кроме того, представляет интерес проведение дальнейшей работы, направленной на моделирование языковой личности тамады, а также исследование различных ритуалов, связанных в русской и корейской культурах как непосредственно с застольем, так и с поводами для застолья, что послужит более глубокому исследованию концепта «ЗАСТОЛЬЕ» в русском и корейском языках и более полному описанию застольного ритуала, характерного для обеих культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология концептов. Т. 6 / под ред. В. И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. – 331 с.
2. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры. – 1995. – 464 с.
3. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-68.
4. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека: Монография. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
6. Архипова, С. В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // С. В. Архипова // Вестник Бурятского госуниверситета. – 2011. – № 2. – С. 6-9.
7. Аскольдов, С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
8. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.
9. Бабушкин, А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология: монография / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин. – Воронеж: Ритм, 2018. – 229 с.
10. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре / А. К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 253 с.
11. Балашова, Е. Ю. Концепты «любовь» и «ненависть» в русском и американском языковых сознаниях: автореф. дис. канд. ... филол. наук. – Саратов: 2004. – 25 с.

12. Беляевская, Е. Г. Интерпретация знаний о мире в языке и ее основные типы / Е. Г. Беляевская // Вестник МГЛУ. – 2016. – № 13(752). – С. 9-17.
13. Болдырев, Н. Н. Доминантный принцип концептуального взаимодействия в языковом общении / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 38. – С. 21-30.
14. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос.ун-та им. Г.Р.Державина, 2001. – 123 с.
15. Болдырев, Н. Н. Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 25-36.
16. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер. – М.: УРСС Эдиторал, 2004. – 232 с.
17. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 287 с.
18. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Гнозис, 1999. – 353 с.
19. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
20. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
21. Воркачев, С. Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta: монография / С. Г. Воркачев. – Волгоград: Парадигма, 2014. – 330 с.
22. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
23. Воркачев, С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2007. – 284 с.

24. Воркачев, С. Г. Постулаты лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Антология концептов: в 8-и томах / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – Т. 1. – С. 10-11.
25. Воробьев, В. В. Лингвокультурология (Теория и методы) / В. В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 332 с.
26. Воронина, Л. А. О взаимодействии русской и корейской культурных традиций как основе обучения корейскому языку / Л. А. Воронина // Лингводидактические проблемы обучения иностранным языкам: межвуз. сб. – Вып. 2. – СПб.: 2004. – С. 39.
27. Выговская, Д. Г. Ассоциативный эксперимент как один из методов в психолингвистике / Д. Г. Выговская // Наука ЮУрГУ: материалы 66-й научн. конф.; секция соц.-гуманит. наук. – Челябинск, 2000. – С. 1157-1161.
28. Гарипова, Г. Р. Концепт «гостеприимство» в русском и английском языках (на материале фразеологизмов): дис. канд. ... филол. наук. – Уфа: 2010. – 226 с.
29. Гирнык, А. В. Синергетическая модель концепта «жизнь»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь: 2011. – 19 с.
30. Грибановская, Н. С. «Своя» и «чужая» языковая картина мира / Н. С. Грибановская // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2013. – № 3. – С. 92-102.
31. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. М.: Изд-во «Прогресс», 1985. 452 с.
32. Гуревич, А. Г. Концепт света и тьмы в русской и английской языковых картинах мира: дис. канд. ... филол. наук. – Махачкала: 2005. – 168 с.
33. Гурьева, А. А. Корейский менталитет и ценностный мир русской культуры: проблемы лингвистического взаимодействия / А. А. Гурьева // Современные проблемы межкультурной коммуникации. – СПб.: 2003. – Т. 158. – С. 58.

34. Дементьева, И. А. Антропоцентрический подход к исследованию когнитивной и лингвокультурной деятельности человека / И. А. Дементьева // Известия Самарского научного центра РАН. – 2013. – т. 15. № 2. – С. 176-180.
35. Демьянков, В. З. К проблеме ментальных репрезентаций / В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4(013). – С. 8-16.
36. Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания: сб. науч. тр. – М.: 1964. – С. 26-38.
37. Залевская, А. А. Некоторые особенности естественного семиозиса / А. А. Залевская // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. – С. 48-61.
38. Залевская, А. А. Текст и его понимание: монография / А. А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 177 с.
39. Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
40. Звегинцев, В. А. Мысли о лингвистике / В. А. Звегинцев. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 333 с.
41. Зиновьева, Е. И. Понятие «концепт» в рамках спецкурса «Языковая картина мира: концептосфера русского языка / Е. И. Зиновьева. – М., 2003. – С. 16-21.
42. Каллаур, В. С. Отражение концепта в метаязыковом сознании русского и корейского языков (на материале психолингвистического эксперимента) / В. С. Каллаур // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 3 (40). – С. 275-278.
43. Каллаур, В. С. Застолье: концепт и понятие в представлении носителей русского и корейского языков / В. С. Каллаур // Международный научно-образовательный форум Хэйлунцзян – Приамурье: сборник материалов I Международной научной конференции, Россия, Биробиджан, ФГБОУ ВПО

«ПГУ им. Шолом-Алейхема», 30 октября 2013 г. В двух частях. – Биробиджан: Изд-во ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2013. – Ч. 1. – С. 64-66.

44. Каллаур, В. С. Концепт «застолье» как элемент русской и корейской культур (на материале направленного ассоциативного эксперимента) / В. С. Каллаур // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сборник научных статей. Выпуск 3 / отв.ред. У.М.Трофимова; Алтайск. гос. акад. образ. им. В. М. Шукшина. – Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2014. – С.110–113.

45. Каллаур, В. С. К вопросу описания языковой картины мира методом психолингвистического эксперимента на фрагменте русских и корейских национальных праздников / В. С. Каллаур // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. – 2016. – №6(60). – С. 96–98.

46. Каллаур, В. С. Рассмотрение северокорейской и южнокорейской языковых картин мира на примере концепта "ЗАСТОЛЬЕ" // Культура и цивилизация. – 2018. – №1А. – С. 118-124.

47. Каллаур, В. С. Языковая картина мира через призму сценария / В. С. Каллаур // Успехи гуманитарных наук. – 2019. – № 10. – С.157–163.

48. Каплуненко, А. М. Federal / Federalism: От концепта к понятию и термину // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2012. – № 2S. – С.16-21.

49. Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов. – М.: Гнозис, 2007. – С. 12-13.

50. Карасик, В. И. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Я. В. Грабова. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.

51. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.

52. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
53. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
54. Карасик, В. И. Предисловие / В. И. Карасик, И. А. Стернин // Антология концептов. – М.: Гнозис, 2007. – С. 5-6.
55. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
56. Касевич, В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – М.: Наука, 1988. – 311 с.
57. Касымова, О. П. Структурная организация концепта «праздник» / О. П. Касымова, В. С. Генерозова // Доклады Башкирского университета. – 2017. – № 2. – С. 266-270.
58. Квон, Ён. Особенности корейского обращения / Квон Ён // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. – Сер. 9. – 2007. – № 11. – С. 304-311.
59. Ковшова, М. Словарь лингвокультурологических терминов / М. Ковшова, Д. Гудков. – М.: Гнозис, 2017. – 200 с.
60. Колодина, Е. А. Вербальные и невербальные средства речевого этикета, иллюстрирующие специфику языкового менталитета корейского этноса / Е. А. Колодина // Вестник Международного института экономики и лингвистики ИГУ. Серия: В восточные языки. – 2011. – № 3. – С. 39-49.
61. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский; отв. ред. А. М. Шахнарович; предисл. С. И. Мельник, А. М. Шахнаровича. – 2-е изд. – М.: КомКнига, 2005. – 349 с.
62. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: учеб. пособие / О. А. Корнилов. – 3-е изд., испр. – М.: КДУ, 2011. – 350 с.

63. Кошелев, А. Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка / А. Д. Кошелев. – М.: Языки славянской культуры, 2017. – 528 с.
64. Кошелев, А. Д. Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика / А. Д. Кошелев, А. А. Кибрик. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 848 с.
65. Красавский, Н. А. Динамика эмоциональных концептов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: 2001. – 40 с.
66. Красавский, Н. А. Лингвистические методы исследования эмоциональной концептосферы / Н. А. Красавский // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. – Волгоград, 2000. – С. 18-20.
67. Красных, В. В. Строение языкового сознания: фрейм-структуры / В. В. Красных // Когнитивная семантика. – Ч. 1. – Тамбов, 2000. – С. 53-55.
68. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – М.: Яз. славян. Культуры, 2004. – 555 с.
69. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
70. Леонтьев, А. А. Национально-культурная специфика поведения / А. А. Леонтьев, Е. Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1977. – 352 с.
71. Леонтьев, А. А. Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР / А. А. Леонтьев. – М.: Наука, 1982. – 150 с.
72. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – 4-е изд., испр. – М.: Смысл; Изд. центр «Академия», 2005. – 288 с.
73. Леонтьев, А. А. Психологическая структура значения / А. А. Леонтьев // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования: сб. науч. тр. – М.: Наука, 1971. – С. 7-19.
74. Леонтьев, А. А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 16- 21.

75. Ли, Н. Б. Концепт «еда» в корейской языковой картине мира (на материале корейских фразеологических единиц) / Н. Б. Ли // Актуальные проблемы востоковедения: материалы IX междунар. науч.-практ. конф. по востоковедению (Хабаровск, 20 марта 2020 г.) / отв. ред. И. Н. Гущина. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2020. – С. 80-85.
76. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Очерки по философии художественного творчества. – СПб., 1996. – 159 с.
77. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Изд. РАН. Серия лит. и языка. – 1993. – Вып. 31. – С. 3-9.
78. Лопатин, В. В. Малый толковый словарь русского языка: ок. 3500 слов / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – 2-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1993. – 704 с.
79. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках / М. М. Маковский. – М.: Гуманит. изд. центр «Владос», 1996. – 416 с.
80. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. – 2-е изд. – Мн.: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
81. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
82. Маслова, В. А. Роль русского языка в концептуализации мира: лингвокультурный аспект / В. А. Маслова // Русистика. – 2019. – Т. 17. – № 2. – С. 184-197.
83. Маслова, В. А. Homo lingualis в культуре: монография / В. А. Маслова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
84. Медведева, А. В. Лингвистические рефлексy физиологических ощущений и состояний / А. В. Медведева // Вопросы когнитивной лингвистики. – М.: Наука, 2009. – С. 84-91.
85. Мечковская, Н. Б. Общее языкознание: структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 310 с.

86. Мечковская, Н. Б. Семиотика: Язык, природа, культура / Н. Б. Мечковская. – М.: Академия, 2007. – 410 с.
87. Миронова, И. К. Концептосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропорциональные структуры и их лексические репрезентации: дис. канд. ... филол. наук. – Екатеринбург, 2002. – 280 с.
88. Мозоль, Т. С. Концепт «счастье» в корейском языковом сознании / Т. С. Мозоль // Россия и Корея в меняющемся мировом порядке – 2018: тезисы и доклады. – Владивосток: Дальневосточ. гос. ун-т, 2018. – С. 243-252.
89. Морозов, И. А. Локальные традиции и меняющиеся идентичности / И. А. Морозов // Этнографическое обозрение. – 2015. – № 4. – С. 5–14.
90. Нерознак, В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В. П. Нерознак // Вопрос филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск: ОмГХ, 1998. – С. 80-85.
91. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики: учеб. пособие по направлению «Филологическое образование» / М. В. Никитин. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с.
92. Нуждина, О. Ю. Концепты «душа» и «тело» в языковой картине мира (на материале английского и русского языков): дис. канд. ... филол. наук. – М.: 2004. – 206 с.
93. Осетрова, М. Е. Еда и питание в современном южнокорейском культурном контексте / М. Е. Осетрова // Вестник российского корееведения. – М.: Восточная литература, 2010. – Вып. 2. – С. 127-133.
94. Пак Сон Гу. Национальная специфика фразеологизмов русского и корейского языков / Пак Сон Гу // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 7. – С. 33-47.
95. Патсис, М. Ассоциативное поле как инструмент анализа значения слова: автореф. дис. канд. филол. наук. – М.: 2005. – 31 с.

96. Печагина, Т. В. Категориальные концепты «Добро» и «Зло» в детской фэнтези: автореф. дис. канд. филол. наук. – Челябинск: 2011. – 21 с.
97. Пименова, М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М. В. Пименова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 2 (54). – Т. 2. – С. 127-131.
98. Пименова, М. В. Методология концептуальных исследований / М. В. Пименова // Антология концептов. – М.: Гнозис, 2007. – С. 14-16.
99. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики: курс лекций / В. А. Пищальникова; Ин-т языкознания РАН, Московский гос. лингв. ун-т. – М., 2005. – С. 70.
100. Плотинский, Ю. М. Модели социальных процессов: учеб. пособие для высш. учеб. завед. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2001. – 296 с.
101. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
102. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
103. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – С. 11-86.
104. Потебня, А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. – М.: Высш. шк., 1990. – С. 90-97.
105. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 176 с.
106. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – М.: Педагогика-пресс, 1996. – 215 с.

107. Прохорова, И. О. Словесные ассоциации как феномен культуры. Ассоциативный эксперимент / И. О. Прохорова // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2008. – № 5. – С. 3-8.
108. Рогожникова, Т. М. Психолингвистические проекты в регионах России / Т. М. Рогожникова // Вопросы психолингвистики. – 2018. – № 4(38). – С. 163-177.
109. Рудакова, А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А. В. Рудакова. – Воронеж: Изд-во ВГАУ, 2002. – 80 с.
110. Ручина, Л. И. Лексикографическое исследование концептосферы русского фольклора / Л. И. Ручина, Т. М. Горшкова // Русское слово в мировой культуре: материалы X Конгресса МАПРЯЛ, Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 148-153.
111. Ручина, Л. И. Лингвистические принципы подхода к созданию учебников русского языка для иностранцев / Л. И. Ручина // Русский язык как иностранный. Теория. Исследования. Практика. – 1998. – С. 110-115.
112. Рябцева, Н. К. «Вопрос»: прототипическое значение концепта / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Культурные концепты: сб. ст. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – С. 72-77.
113. Савельева, О. Г. Концепт «Еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты: на материале русского и английского языков: автореф. дис. канд. филол. наук. – Краснодар, 2006. – 25 с.
114. Савицкий, В. М. Идея, схваченная знаком. Несколько вопросов по поводу объекта лингвоконцептологии / В. М. Савицкий. – Самара: ПГСГА, 2012. – 124 с.
115. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Наука, 1993. – 654 с.
116. Сепир, Э. Статус лингвистики как науки: Реальный мир / Э. Сепир // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – 654 с.

117. Серебренников, Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? / Б. А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 87-107.
118. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций / Т. Г. Скребцова. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. – 256 с.
119. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
120. Смирнова, О. М. К вопросу о методологии описания концептов / О. М. Смирнова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. Искусствоведение. – Н. Новгород, 2009. – № 3. – С. 247-253.
121. Соколова, Е. Е. О соотношении языковой и научной картин мира / Е. Е. Соколова, Р. В. Гурина // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 3. – С. 83-88.
122. Соломоник, А. Семиотика и лингвистика / А. Соломоник. – М: Молодая гвардия, 1995. – 345 с.
123. Солсо, Р. Л. Когнитивная психология / Р. Солсо. – 6-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 589 с.
124. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
125. Стернин, И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И. А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания. – Воронеж: 1996. – С. 97-112.
126. Стернин, И. А. Концепты и лакуны / И. А. Стернин, Г. В. Быкова // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – Воронеж: 2003. м– 256 с.
127. Стернин, И. А. Семантический анализ слова в контексте: учеб. пособие / И. А. Стернин, М. С. Саломатина. – Воронеж: Истоки, 2011. – 150 с.

128. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 173-204.

129. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты: монография / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

130. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2008. – С. 85-92.

131. Ткачук, А. Н. Этнокультурная специфика семантики концепта как глобальной единицы национального когнитивного сознания / А. Н. Ткачук // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнева. – 2006. – № 4. – С. 187-192.

132. Токарев, Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентации концепта «труд» в русском языке: монография / Г. В. Токарев. – Волгоград: Перемена, 2003. – 233 с.

133. Уорф, Б. Л. Наука и языкознание / Б. Л. Уорф // Языки как образ мира / сост. К. Королев. – М.: Издательство АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 202-219.

134. Уфимцева, Н. В. Психолингвистика и межкультурная коммуникация // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: 15-й междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тезисы докладов / под ред. Е. Ф. Тарасова. – М.; Калуга: Эйдос, 2006 – 261 с.

135. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет. Лингвистический и методический аспекты / Н. И. Формановская. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1987. – С. 59.

136. Фененко, Н. А. Язык реалий и реалии языка / Н. А. Фененко. – Воронеж, 2001. – 140 с.

137. Фефилов, А. И. Введение в когнитологию / А. И. Фефилов. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 240 с.

138. Флоренский, П. А. Обретая путь. Павел Флоренский в университетские годы: в 2 т. Т. 1/ авт.-сост. П. В. Флоренский, А. И. Олексенко, А. А. Санчес, В. П. Флоренский, В. А. Шапошников, Т. А. Шутова. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 584 с.
139. Фрумкина, Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? / Р. М. Фрумкина // Язык и наука конца XX века: сб. ст. / ред. Ю. С. Степанов. – М.: РГГУ, 1995. – С. 74-117.
140. Фрумкина, Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога [концепт, категория, прототип] / Р. М. Фрумкина // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и схемы. – 1992. – № 3. – С. 1-7.
141. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. / Р. М. Фрумкина. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 320 с.
142. Хафизова, О. И. «Концепты «любовь» и «работа» в русской и китайской картине мира: автореф. дис. канд. ... филол. наук. – Бийск: 2011. – 21 с.
143. Цзоу Сюецян. Лингвокультурная специфика концепта "чай" и ее учет в обучении русскому языку китайских студентов: автореф. дис. канд. ... филол. наук. – СПб.: 2007. – 17 с.
144. Черниговская, Т. В. Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и человека / Т. В. Черниговская. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 410 с.
145. Чжан Мянью. Репрезентация концепта «Гостеприимство» в русской и китайской лингвокультурах: дис. дис. канд. ... филол. наук. – Уфа, 2017. – 24 с.
146. Чирич, И. В. Лексика застолья в русской языковой картине мира: автореф. дис. канд. ... филол. наук. – М., 2004. – 17 с.
147. Шарафутдинова, Н. С. Лингвистическая типология и языковые ареалы / Н. С. Шарафутдинова. – Ульяновск: УлГТУ, 2009. – 128 с.
148. Шарафутдинова, Н. С. Теория и история лингвистической науки / Н. С. Шарафутдинова. – 3-е изд. – Ульяновск: УлГТУ, 2012. – 346 с.

149. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира / А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
150. Шурыгина, Е. Н. Понятие «картина мира» в лингвокультурологическом освещении / Е. Н. Шурыгина // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 3. – С. 184-187.
151. Cho Jun Hak. A study of Korean Pragmatics: Dexis and Politeness. Doc.dis. / Cho Jun Hak. – Hawaii, 1982. – P. 33.
152. Croft, William. Cognitive Linguistics / Croft William, Cruse Alan D. – N. Y.: Cambridge University Press, 2004. – 374 p.
153. Evans, V. The crucible of language: How language and mind create meaning / V. Evans. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2015. – 360 p.
154. Langacker, R. W. Foundations of Cognitive Grammar / R. W. Langacker – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 540 p.
155. Jackendoff, R. Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution / R. Jackendoff. – Oxford, 2002. – 477 p.
156. Langacker, R. Structural syntax: The view from cognitive grammar / R. Langacker // Madray-Lesigne F., Richard-Zappella J. (eds). Lucien Tesnière aujourd'hui. – P.: Peeters, 1995a. – P. 13–39.
157. Langacker, R. The symbolic alternative / R. Langacker // H. Kardela; G. Persson (eds). New trends in semantics and lexicography. – Umeå: Swedish science press, 1995b. – P. 89–112.
158. Miller, G. A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two: Some Limits on our Capacity for Processing Information [Electronic resource] / G. A. Miller. – URL: <http://psychclassics.yorku.ca/Miller/>
159. Talmy, L. Semantics and syntax of motion / L. Talmy // J. Kimball (ed.). Syntax and semantics, 4. – N. Y.: Academic press, 1975. – P. 181–238.
160. 고창수. 한국어의역사와문화. 지식과교양, 2011. – 204 쪽.

161. 국젓학국어문화학회, 2005. – 17 쪽.
162. 김집혜. 관용어의통사, 의미론적젓약연구경기도, 경희대학교, 1995. – 212 쪽.
163. 남영신 국어용례사전. 서울, 2002. – 2127 쪽
164. 박영슈. 학국문화론. 학림출판사, 2006. – 540 쪽.
165. 이규태. 학국인의힘 1 . 식원문화사, 2009. – 263 쪽.
166. 이어령. 노래여, 천년의노래여. 문학사상사, 2007. – 412 쪽.
167. 이어령. 학국인의손, 학국인의마음. 디자인하우스, 1996. – 144 쪽.
168. 천소영. 학국어의문화적통. 대원사, 2011. – 270 쪽.
169. 박정희: 일화에서신화까지김인만지음서림문화사 – 2008. – 334 쪽.
170. 박장운, 채서영 인칭여성대명사“자기”의잘달과사용 // 한국사회와훈청어, 2005, P. 241
171. 박영순. 국어와영어에있어서의언어예절에대한비겨연구 //비교문학 5 권, 1980 P.195
172. 언어와정치이종은, 홍원표, 이승현, 박동천인간사랑, 2009. – 119 쪽.

ИСТОЧНИКИ

1. Сервис поиска синонимов // URL: <https://sinonim.org>
2. Сервис антонимов // URL: <https://sinonim.org>>a

3. Национальный корпус русского языка // URL: <http://ruscorpora.ru/old/search-main.html> (дата обращения: 10.10.2019).
4. Национальный корпус корейского языка // URL: <http://sejong.or.kr/user/main.do> (дата обращения 01.11.2019)
5. Сервис синонимов и антонимов корейского языка // URL: <https://korean.abcthesaurus.com/> (дата обращения: 10.11.2019).
6. Свадьба как искусство // URL: <https://www.nastyarai.ru/text/> (дата обращения: 20.11. 2019).
7. Свадьба на Руси // URL: <https://dailyhoro.ru/article/svadebnyie-obryadyi-i-traditsii-na-rusi/> (дата обращения 10.02.2020).
8. Поздравления с Днем рождения // URL: <http://pozdravok.ru/pozdravleniya/den-rozhdeniya/priglasheniya/proza-2.htm> (дата обращения 12.12.2019).

СЛОВАРИ

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов.энцикл., 1966. – 608 с.
2. Большой академический словарь русского языка / под ред. Л. И. Балахоновой. – М.; СПб.: Наука, 2004. – 661 с.
3. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1997. – 1434 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великого русского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Рипол-Классик, 2006. – 2750 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

6. Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия / Рос. акад. наук; Ин-т лингв. исслед.; под ред. Г. Н. Складневской. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – 894 с.
7. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичёва, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалёва, В. Г. Панова. – М., 1997. – 827 с.
8. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. – СПб.: Семеновская Типолитография, 1907. – С. 592.
9. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935-1940.
10. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М., 2000.
11. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Рус.яз., 1991. – 918 с.
12. Русский идеографический словарь / отв.ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова; РАНБ Ин-т рус.яз.им. В. В. Виноградова. – М., 2011. – 1032 с.
13. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи / сост. под ред. А.Н. Чудинова. – 3-е изд., испр. и доп. (более 5000 новых слов). – СПб.: В. И. Губинский, 2015. – 676 с.
14. 남영신 국어용례사전. 서울, 2002. – 2127 쪽
15. 이종철. 국어 표현의 화용론적 연구. 서울, 2004. – 274 쪽.
16. 국어 국분학사전. 서울, 1989. – 1005 쪽.
17. 김동언. 국어 비속어사전. 서울, 1999. – 1983 쪽.
18. 김종택. 국어 어휘론. 1992. – 335 쪽.
19. 김승곤. 한국어 통어론. 서울, 1991. – 416 쪽.

20.이정민, 배영남, 김영석. 언어학사전.서울.2000. – 1037 쪽.

21.장소원 외 3 명. 말의 세상, 세상의 말.2002. – 355 쪽.